

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

5

ОГИЗ
СОЦЭКГИЗ
1935

Содержание вышедших номеров журнала «Проблемы экономики» за 1935 г.

№ 1

Памяти В. В. Куйбышева — Победа социализма и укрепление революционной дисциплины. — И. Б о л ь ш а к о в — О народнохозяйственном плане на 1935 г. А. М е н д е л ь с о н — К итогам 1934 г. Г. Н е й м а н — Отмена карточек, развертывание товароборота и укрепление рубля. И. А б р а м о в — Победный муть советской металлургии. Ш. Л и ф — Картельная политика фашизма в области промышленности. Из истории развития экономической мысли. — А. Р е у а л ь — Экономические воззрения Герцена. — Неопубликованное письмо Рикардо к Мальтусу. Конъюнктура аграрного хозяйства. — Д. М и н ц — Уголь и борьба за Саар. Н. З а х а р е н к о — Основные итоги работы ж.-д. транспорта за 1934 г. А. Ц у к е р п и к — Рабочие кадры и производительность труда в угольной промышленности Донбасса. Практика передовых предприятий. — Инж. А. А б р а м о в — Технические и экономические сдвиги на заводе «Серп и молот». Экономическая хроника. — Основные предприятия пищевой промышленности, вошедшие в эксплуатацию в 1933—1934 гг. Библиография. — И. П. — По поводу книги Отмара Шпанна «Die Haupttheorien der Volkswirtschaftslehre». С. П а р т л и г у л — Люди Сталинградского тракторного. С. Ф и л ь с т о л и ч — А. А. Зворыкин, Красная книга «Шахта Артема» — лучшая в СССР. Л. Б е л л и — За учебное пособие по политекономии докапиталистических формаций. Я. С. — Буржуазная экономическая литература.

№ 2

Г. К р у м п н — В борьбе за выполнение плана второй пятилетки. Э. К в и р и л ь — Проблемы освоения. Л. Г а т о в с к и й — О советском рубле и советской торговле. М. К р и в и ц к и й — К вопросу о методологии научения уровня жизни рабочих. А. М е н д е л ь с о н — О конъюнктурной работе в СССР. А. Г е р ц е н ш т е й н — Освоение новой техники и производительность общественного труда. И. У ч и т е л ь — К вопросу о продолжении сезонности в земледелии. Акад. С. С т р у м и л и н — Химическая промышленность СССР. А. П о д г о р н ы й — О периодизации истории СССР. Проблемы современного капитализма. — А. А м о — О депрессии особого рода. Ф. С в е н к о — Италия за период экономического кризиса и депрессии особого рода. Методология и история экономических наук. — А. Р у б и н ш т е й н — К вопросу об экономических взглядах Р. Люксембург. И. Б р о в е р — Г. В. Плеханов о капиталистических кризисах. Некролог — Роман Ефимович Вайсберг. Библиография. — С. Б е й н г е р — Д. Р о з е н б е р г — «История политической экономии», ч. I.

№ 3

А. М е н д е л ь с о н — Полугодие крутого подъема. И. М и р о ш н и н о в — О советских деньгах. Г. Н е й м а н — Единая цена. И. Б л ю м и н — К вопросу о равномерном развитии производительных сил. Г. Б и р г е р и Д. Т у м а р к и н — Развитие промышленности искусственного волокна в СССР. Б. В о л о в — Борьба за транспорт и задачи транспортного машиностроения. Г. К а р а - М у р з а — Экономическая политика китайских советов. Э. Г у р в и ч — Влияние монополии на движение цен в США. Методология и история экономических наук. — А. А р у т ь я н — Учение Митчелли об экономических циклах. Б. С м у л е в и ч — «Теория народнонаселения» Зомбарта. Народное хозяйство СССР. — Д. М е е р з о п — Концентрация крупной промышленности в СССР в первой и второй пятилетках. М. Ф е й г е л ь с о н — За рентабельную советскую металлургию. Библиография. — Г. К о с ь а ч е н к о и М. Ш п и н д л е р — Э. Я. Врегель. Ленинский этап в теории воспроизводства. И. Б л ю м и н — Дж. В. Кларк. Распределение богатства. А. Р у б и н ш т е й н — Журнал «Der Kampf» в 1935 г. Я. С е а л л — «Collectivist Economic Planning». И. Ц и п к и н — «Кредит и козрасчет».

№ 4

К 40-летию со дня смерти Фридриха Энгельса. — Д. Р о з е н б е р г — Развитие экономических взглядов Энгельса. — М. С м и т — Энгельс о положении рабочего класса в Англии. М. А з а р и н — Энгельс и аграрно-крестьянский вопрос. М. К р и в и ц к и й — Энгельс и жилищный вопрос. Л. Г а т о в с к и й — О советском рубле и советской торговле. А. П а ш к о в — К теории товара. О. Г и м е л ь ф а р б и И. Д о л ь н и к о в — Освоение и резервы производительной мощности. С. М а д к е в и ч — МТС на этапе завершения в основном механизации колхозов. Проблемы современного капитализма. — М. Р о з а н — Капиталистическая рационализация в годы кризиса и положение рабочего класса. Л. И в а н о в — Упадок мировой судостроительной промышленности и гонка морских вооружений. Методология и история экономических наук. — Э. А т л а с — Об одной «поправке» Каутского и теории денег Маркса. Я. С е г а л л — Институциональная школа и ее представитель Джон Коммонс. Народное хозяйство СССР. — О. Х е й м а н — Победа ленинской национальной политики. И. П и в о а р о в — Советское станностроение.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

5

С О Ц Э К Г И З

1935

Содержание

Г. Крумин—18 лет великой пролетарской революции	3
Э. Квиринг—Хозяйство Советского союза к XVIII годовщине	15
Ив. Кузьминов—Освоение новых заводов и новой техники и проблема кадров	27
Акад. С. Струмилин—Задачи и перспективы советской статистики	48
Меж. Е. Перельман—Технические сдвиги в машинностроении	68

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО КАПИТАЛИЗМА

Амо Арутинян—Депрессия особого рода и положение рабочего класса в капиталистических странах	84
Г. Дашевский—Экономика Италии под знаком войны	111

МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК

А. Реуэль—Зибер об основных категориях политической экономии	128
--	-----

НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО СССР

И. Дьяченко—Новая победа	148
И. Захаренко—Железнодорожный транспорт на подъеме	157

БИБЛИОГРАФИЯ

С. Вейнгер—«Вопросы политической экономии»	169
Д. Енукидзе—«Материалы Королевской комиссии по сельскому хозяйству в Индии»	176
Я. Сегалл—Levy Hermann «Industrial Germany»	180
И. Бородин—С. Потапов и А. Либкинд, «Черепановский маслосовхоз»	183
И. Пильмейстер—W. Sombart «Deutscher Socialismus»	187

Сдано в производство 11/X—13/XI 1935 г.
Подписано к печати 2/XII 1935 г.
Уполн. Главлита Б. 13209.
Формат 72X105/16—Соцэтигив № 59 (ш)
Заказ типография № 2726
Объем 12 п. л. 8 67.000 п. вк. в п. л.
Тираж—13300
Видущающий А. Н а л и м о в

РЕДАКЦИЯ

Г. И. Крумин (отв. редактор)
Л. М. Гатовский
Э. И. Квиринг
М. М. Кривицкий
М. М. Шурыгин

18 лет великой пролетарской революции

Прошло 18 лет Октябрьской революции, открывшей новую, подлинную историю человечества.

За эти годы революции и строительства социализма в нашей стране на жизненной практике, в действиях и повседневных устремлениях десятков и сотен миллионов людей проверена единственно научная система марксизма-ленинизма, великое учение Маркса—Ленина о законах общественного развития, о гибели капитализма и смене капиталистического строя строем социализма.

Основная научная заслуга Маркса, суть марксизма заключаются в учении о диктатуре пролетариата.

«Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второй. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как революционной диктатурой пролетариата»¹.

Таков всемирно известный тезис Маркса, составивший эпоху в развитии общественных наук.

Этой единственно правильной научной формуле, суммирующей всю историю развития человечества до настоящего времени, филистеры от социал-демократии противопоставили другую «научную» формулу, которую первый среди филистеров Каутский выразил в следующих словах:

«Между временем чисто буржуазного управления и чисто пролетарским управлением демократического государства находится период превращения одного в другой. Этому соответствует также и политический переходный период, правительство которого, как правило, будет формой коалиционного правительства»².

Диктатура пролетариата — лозунг эпохи, открывающей новую главу в истории человечества, как единственная надежда угнетенного человечества, великое знамя восстания рабочих и трудящихся всего мира против капиталистического рабства.

«Коалиция с буржуазией» — тоже лозунг, но лозунг трусов и предателей рабочего дела, агентов буржуазии в рабочем классе, лозунг, пытающийся отвлечь рабочих и трудящихся от борьбы за свое освобождение, замазывающий противоположность интересов буржуазии и пролетариата, наличие непримиримой классовой борьбы между ними.

Эти два лозунга, выражающие: первый — политику Третьего Коммунистического Интернационала и второй — политику

¹ Маркс, Критика Готской программы, стр. 43, Партиздат, 1932 г.

² Каутский. Пролетарская революция и ее программа, стр. 196, изд. 1922 г.

Второго интернационала, проверены на протяжении истекших двух десятилетий в жизненной практике десятков и сотен миллионов людей. Практика коалиции с буржуазией, которая в первые годы после окончания мировой войны сопровождалась обильным словоизвержением, лженаучной литературой социал-демократических, буржуазных политиков и экономистов о «социализации хозяйства» и прочих «страшных» вещах, закончилась позорным крахом, потерей рабочим классом своих прав и достижений, фашистским разгулом в такой высоко индустриальной стране, со столь развитым рабочим классом, как Германия.

Сейчас для миллионов рабочих и трудящихся совершенно ясно, что эта политика социал-демократии явилась политикой спасения капитализма.

Практика же диктатуры пролетариата принесла величайшие победы рабочему классу, привела к осуществлению мечты лучших умов человечества — к окончательной победе социалистического строя в нашей стране. С этой практикой связаны все надежды угнетенного человечества на свое освобождение.

Триумф марксизма — таков величайший итог жизненной практики миллионов и миллионов людей.

Филистеры от социал-демократии неоднократно «издевались» над предсказаниями Маркса, Энгельса, «ловили» этих великих мыслителей на том, что то или иное предсказание их не сбылось в таком-то году. Но этим филистерам от науки никогда не подняться до величия марксизма, давшего точный научный анализ дальнейших судеб человечества, связанных с диктатурой пролетариата.

А сколько зубоскалили над предсказаниями Ленина, являвшимися не чем иным, как строго научным анализом — на основе марксизма — общественного развития в новой империалистической фазе и при диктатуре пролетариата! Напомним знаменитые апрельские тезисы Ленина, которые таким мыслителям, как Плеханов, казались «брёдовыми». А ведь в этих тезисах 1917 г. Ленин провозгласил лозунги, определяющие ход целой эпохи. Ленин провозгласил, что Советы рабочих депутатов есть единственно возможная форма революционного правительства. Не парламентарная республика, — возвращение к ней от советов рабочих депутатов было бы шагом назад, — а республика советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране, снизу доверху. Этот лозунг, являющийся сейчас само собой разумеющимся для сотен миллионов трудящихся всего мира, впитываемый детьми, можно сказать, с молоком матери, тогда явился набатом, который потряс весь мир. Ленин провозгласил конкретные меры контроля над общественным производством и распределением продуктов. С гениальной прозорливостью он еще тогда предлагал создать из каждого крупного имения в деревне образцовое хозяйство под контролем батрацких депутатов и на общественный счет.

Эти апрельские тезисы Ленина стали знаменем десятков миллионов трудящихся нашей страны, и под этим знаменем они победили. Тезисы эти представляют гениально намеченную программу социалистической революции и они полностью проведены в жизнь рабочими и трудящимися нашей страны.

Таковы предсказания Маркса—Ленина и такова их судьба. И нужно понять всю непобедимую силу марксизма, чтобы в обстановке чаибольшего упадка производительных сил, сразу после окончания:

гражданской войны, крикнуть на весь мир: «Мы в с е к с и л ь н е е..., потому что всемирное экономическое и политическое развитие, вследствие войны и после войны, идет как мы предвидели» (Ленин).

Диктатура пролетариата — вот рычаг перестройки капиталистического общества в общество социалистическое. Переживаемый этап является этапом дальнейшего всемерного укрепления диктатуры пролетариата — этой основы победы рабочего класса над капиталистами. Одновременно — на основе решающих изменений в экономике и в соотношении классов, на основе окончательной победы социализма в нашей стране — происходит дальнейшее развертывание советской демократии, нашедшее самое яркое выражение в постановлении VII съезда советов о замене не вполне равных выборов равными, многостепенных — прямыми, открытых — закрытыми. Развернутая советская демократия приобретает особую силу в народном стахановском движении, в приобщении к активной творческой работе государственного и хозяйственного строительства громадных масс женщин — работниц и колхозниц, в бурном хозяйственном и культурном росте многих десятков отсталых национальностей.

«Демократия почти полная, ограниченная только подавлением сопротивления буржуазии». «Коммунизм один только в состоянии дать демократию действительно полную, и чем она полнее, тем скорее она станет ненужной, отомрет сама собой» (Ленин, т. XXI, стр. 431).

С ленинско-сталинской чеканностью т. Сталин формулировал три основные стороны диктатуры пролетариата: «1) Использование власти пролетариата для подавления эксплуататоров, для обороны страны, для упрочения связи с пролетариями других стран, для развития и победы революции во всех странах; 2) использование власти пролетариата для окончательного отрыва трудящихся и эксплуатируемых масс от буржуазии, для упрочения союза пролетариата с этими массами, для вовлечения этих масс в дело социалистического строительства, для государственного руководства этими массами со стороны пролетариата; 3) использование власти пролетариата для организации социализма, для уничтожения классов, для перехода в общество без классов, в общество без государства»¹.

Капиталистические классы в нашей стране ныне ликвидированы. Трудящиеся массы оторваны от буржуазии и под руководством пролетариата активно участвуют в деле социалистического строительства — сейчас с изумительной глубиной и быстротой разворачивается перед нашими глазами величайший процесс перевоспитания широких масс рабочих и колхозников, процесс переделки самого рабочего, преодоления пережитков капитализма в экономике и сознании людей.

Капитализм физически и умственно коверкает рабочего, превращая его в придаток к машине. Отрывая умственный труд от физического, капитализм делает ставку на неквалифицированного и полуквалифицированного, узкого рабочего — «оператора».

В неизвестном 2-томном исследовании «Новейшие изменения в экономике Соединенных Штатов» цвет буржуазной науки Америки открыто формулировал это еще в период расцвета американского капитализма. «Большинство из них (т. е. новые массовые производства), например автомобильное, телефонное производство или производство кассовых аппаратов, уже больше не развивалось в основе

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 112—113, изд. 10-е.

своей на базе применения обученной рабочей силы. Эти производства с самого начала были поставлены как массовые производства... Число квалифицированных и хорошо обученных рабочих на таком заводе невелико по сравнению с наличным количеством полуквалифицированного персонала и с числом людей, занятых в широко развитой конторской работе. Персонал для такого предприятия незачем рекрутировать в сколько-нибудь значительном масштабе в старых отраслях производства. Этот персонал можно набрать среди молодых людей и женщин, имеющих мало опыта или вовсе не имеющих опыта в той специальной работе, которую им предстоит выполнить» (т. I, стр. 150).

А отсюда и соответственная политика зарплаты капиталистов со всеми вытекающими тяжелейшими последствиями для рабочего. Так коверкает капитализм рабочего, а также великолепную технику массового производства.

Прямую противоположность этому наблюдаем мы в стране социализма. Невиданными темпами растет общий культурный и технический уровень рабочих и колхозников. Ставка на квалифицированного рабочего—хозяина страны—дает свои богатые результаты. Рождается новая, самая ценная производительная сила—строитель бесклассового социалистического общества. Рождается новый всесторонне развитый человек социалистического общества.

Под руководством коммунистической партии диктатура пролетариата привела рабочих и крестьян нашей страны в XVIII годовщину Октября к победам всемирноисторического значения. Окончательно победила система социализма. Победил социализм как общественно-экономический строй со своими особыми, отличными от капитализма законами развития. Совершенно отчетливо выявились громадные преимущества социалистического общественно-экономического строя перед строем капитализма. Отчетливо выявляется тот поистине громадный интеллектуальный, культурный и материальный подъем масс народа, к которому приводит социалистический строй общества. В основе отличных, свойственных только социалистическому общественному строю законов развития лежит национализация средств производства, национализация земли, плановое руководство всей хозяйственной жизнью, ликвидация эксплуатации человека человеком. Основа основ—диктатура пролетариата, руководящая всем делом построения бесклассового общества. Только социалистический общественно-экономический строй, ликвидировавший эксплуатацию пролетариата классом капиталистов;—обеспечивающий использование прогресса техники и роста производительных сил в интересах народных масс для неуклонного и быстрого подъема их благосостояния, в интересах дальнейшего планомерного общественного накопления и дальнейшего развертывания производительных сил;—создающий все условия для полной ликвидации вековой противоположности между городом и деревней;—создающий новое, свойственное только социализму размещение производительных сил;—использующий все громадные преимущества крупного концентрированного производства (на основах современной техники) не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве;—ликвидировавший непроизводительное потребление капиталистических классов и обеспечивающий распределение народного дохода в интересах народных масс;—развертывающий все творческие способности широ-

ких масс трудящихся города и деревни, этих хозяев жизни; — ликвидировавший безработицу и нищету и свойственный капитализму противоречие между потреблением и производством, — только социалистический строй может обеспечить такой темп развития производительных сил, такой рост народного дохода, который не достигим ни для одной из прежних общественно-экономических формаций и избавляет человечество от величайших мук общего кризиса, в который сверг рабочих и трудящихся капитализм и из которого он неспособен человечество вывести. Только социалистический строй обеспечивает величайший расцвет творческих способностей человека.

Эти утверждения не являются книжными утверждениями, соображениями чисто теоретическими, — они подтверждены опытом социалистического строительства СССР. И в этом — всемирноисторическое значение социалистического строительства в нашей стране за истекший период.

Подытоживая развитие Соединенных штатов Америки за годы до общехозяйственного кризиса, авторы книги «Новейшие изменения в экономике Соединенных Штатов» пришли к следующему выводу:

«Всякий наблюдатель американской промышленности поражается ее размерам и темпам ее роста... Согласно приводимым данным (за период 1922 по 1927 г.) добывающая промышленность возрастала ежегодно на 2,5%, обрабатывающая — на 4% и перевозка грузов в тонно-милях — на 4%» (т. I, стр. 132).

Практически проверенные темпы развития в СССР в несколько раз выше этих максимальных темпов в наиболее мощном капиталистическом государстве до общехозяйственного кризиса. 15—20—30% прироста за год — это довольно обычный процент роста в самых разнообразных отраслях хозяйства СССР. Общий прирост промышленности составил за 1933 г. 8%, за 1934 г. — 20%, за 1935 г. предположительно — 21%. Это показывает, насколько велики преимущества социалистического общества в сравнении с обществом капиталистическим.

Эти преимущества становятся еще неизмеримо больше, если учесть движение, зародившееся в народных низах и разгоревшееся подобно яркому пламени в великое народное стахановское движение. Это — доподлинно народное движение за новую, высокую, социалистическую производительность труда. Оно является ответом на лозунг т. Сталина «кадры решают все». Оно начато передовиками народа, ударниками фабрик и заводов, подхвачено и подхватывается тысячами и десятками тысяч, перекидывается из отрасли в отрасль, из города в деревню, охватывая все народное хозяйство в целом. Оно втягивает всю инженерно-техническую интеллигенцию и обеспечивает «новый великий подъем строительства» (Молотов). Да, речь идет о новом, высшем этапе социалистического строительства.

Широкие массы народа — на основе материального и культурного подъема за предыдущий период — двинулись на выполнение директивы партии, директивы вождя народа т. Сталина об освоении новой техники. Каждый день выдвигает все новых героев, каждый день завоевываются все новые рекорды. В печати и в выступлениях руководителей партии и правительства отмечалась «элементарная простота стахановского метода, заключающегося в правильном разделении труда, полном использовании своих машин и рабочего дня» (Орджо-

никидзе). Народное стахановско-бусыгинское движение разворачивается на основе освоения новой техники, тщательного изучения своего станка, стремления лучше и полнее использовать его, организации своего рабочего места, правильной расстановки сил бригады, правильного разделения труда, ровного ритма работы и т. д. Очень характерны слова самого Бусыгина:

«Во время работы я внимательно следил за оборудованием, особенно за ослаблением сальников. Когда я вижу, что ослабляются сальники, я немедленно заявляю об этом слесарям. Слесаря быстро подвертывают сальники. В результате нам удалось почти ликвидировать простои по этой причине».

Подобных заявлений мы имеем сотни.

Можно бы привести длинный ряд цифр о достигнутых и достигаемых каждодневно новых рекордах. Приведем лишь несколько примеров из одного из последних, опубликованных в печати документов — письма стахановцев Киевщины т. Сталину:

«Стахановскими методами труда вооружаются лучшие мастера промышленности, транспорта и социалистического земледелия нашей столичной области.

А. Гомулько — обтяжчик 4-й обувной фабрики — установил новый всесоюзный рекорд в 2 170 пар вместо нормы 720 пар обуви.

В. Карпенко — обжигальщик кирпича — удвоил пропускную способность гофманской печи.

А. Бондаренко и Шаталов — токари завода «Большевик» — систематически выполняют 3—4 нормы.

Юзик — электросварщик завода «Ленинская кузница» — выполняет нормы на 450%.

Царик — лучший токарь Киевского краснознаменного машиностроительного завода — выполняет нормы на 250%.

Лука Пиорко — строгальщик Краснознаменного машиностроительного завода — выполняет техническую норму на 270%, а дочь его Лида, фрезеровщица, выполняет норму на 370%.

Оля Поволоцкая — бригадир трикотажной фабрики им. Р. Люксембург — удвоила производительность.

Нюся Дутова — шпулярка трикотажной фабрики им. Р. Люксембург — работала раньше на 12 веретенах, а сейчас — на 24. Норму выполняет на 233%.

Фесенко — лучший машинист-кривоносовец депо Бобринская.

Левченко — комбайнер Сычевской МТС. Убрал 276 га.

Тимофей Бондарь — тракторист Шполянской МТС. Сезонную норму пахоты выполнил на 200%.

Татьяна Дубок — мастер на льнообработке. Переработала 549 кг.

Колхозница Мария Демченко добилась на своем участке урожая свеклы в 4 раза больше среднего по Союзу».

Мы имеем здесь наглядное доказательство того, как из народных глубин растет это движение, как выдвигает оно все новых героев, новых сознательных передовых борцов за социализм, за коммунизм.

И тысячу раз прав т. Орджоникидзе, когда он говорит, что «стахановско-бусыгинский метод вплотную подводит нас к осуществлению лозунга великого Ленина — догнать и перегнать передовые в технико-экономическом отношении капиталистические страны Европы и Америки».

Перед лицом этих результатов образования социалистического общественного строя, выдерживающего все испытания жизни, показывающего темпы и размах культурного и хозяйственного строительства, недостижимые ни для одной капиталистической страны, поражающего явлениями массового героизма, величайшей приверженностью к социальному строю, небывалыми в мировой истории человечества, — перед лицом подобных результатов становится втупик ряд исследователей буржуазного лагеря. Лучшие из них, разочаровавшись в капиталистической «культуре», переходят в ряды защитников нового общественного строя.

Теми разговорами, которыми пробавлялось большинство буржуазных ученых до сих пор, дальше не проживешь. Факты капиталистической и социалистической действительности требуют определенного ответа, определенной оценки. В этом отношении чрезвычайно показательным является последний труд крупнейших английских ученых — С. и Б. Веббов, о котором сообщалось недавно в «Правде». Эти авторы в результате своего исследования совершенно правильно заявляют:

«Мы ставим на первое место по значению полное устранение как мотива к производству жажду прибыли, этой основы западного социального порядка. Вместо того, чтобы восхищаться теми, которые приобретают товары, чтобы перепродать их по более высокой цене, советский коммунизм наказывает таких людей, как преступников, виновных в «спекуляции».

Правилен и их общий вывод:

«Характерные черты советского коммунизма, которые мы обобщали одна за другой, представляют, будучи взятыми совместно, определенное единство, поразительно отличающееся от разъединенной западной цивилизации» («Правда» от 30/X 1935 г.).

Да, речь идет о новой цивилизации, которая наконец освобождает человечество от волчьих законов капитализма.

Социальный строй СССР показывает всему миру его будущность. СССР показывает также пути и методы, которые ведут к победе рабочих и трудящихся. В условиях наиболее тяжелых, в условиях отсталой капиталистической страны, задавленной царско-помещичьим сапогом, страны, преобладающего мелкого и мельчайшего крестьянского хозяйства, СССР победоносно решил задачи, которые придется решать пролетарской диктатуре в других странах. Три класса встречаются в каждой капиталистической стране — буржуазия, мелкая буржуазия и пролетариат. Пролетариат Советского союза успешно решил задачу ликвидации буржуазии в городе и деревне, мелкую буржуазию, оторвав от буржуазии, с полным успехом приобщил к социалистическому строительству и, переделывая самого себя, с громадным успехом перевоспитывает в духе социализма широчайшие крестьянские массы и трудящихся города. Пролетариат Советского союза успешно решает задачу создания бесклассового общества, и нет сомнения, что к концу второй пятилетки он эту задачу победоносно решит окончательно.

Пролетариат СССР с исключительным успехом решил задачу социалистической индустриализации и коллективизации сельского хозяйства нашей страны.

Пролетарская диктатура в нашей стране получила крупную промышленность, до-нельзя разрушенную. Нужно было прежде всего решить задачу восстановления промышленности и задачу индустриа-

лизации страны в целом, чтобы получить крупную машинную промышленность, способную реконструировать и сельское хозяйство.

«Единственно возможной экономической основой является крупная машинная индустрия. Тот, кто забывает это, тот не коммунист» (Ленин).

Эта задача воссоздания страны на основах крупной машинной индустрии была сформулирована под руководством Ленина еще в 1920 г. в знаменитом плане ГОЭЛРО. Этот план празднует в нынешнем году свое пятнадцатилетие. И, оглядываясь назад, необходимо признать, что план ГОЭЛРО являлся в то время единственным научным планом борьбы за социалистическую экономику. Единственная поправка, которую приходится сейчас внести, заключается в том, что сроки, которые этот план намечал, оказались в действительности гораздо короче. Разве не имеет рабочий класс права гордиться следующим рядом цифр выработки электроэнергии: до войны в царской России — 1,9 млрд. квтч, в 1928 г. — уже 5 млрд. квтч, в 1934 г. — 20 млрд. квтч! В плане ГОЭЛРО был поставлен коренной вопрос о поднятии производительности народного труда. «Производительность может быть повышаема в трех направлениях: во 1), путем интенсификации труда, т. е. большей его напряженности в единицу времени; во 2), путем механизации, т. е. заменой мускульных усилий людей и животных энергией механической; в 3) — путем рационализации, т. е. упорядочения труда на разумных основаниях, что достигается такой организацией труда, которая, в последнем счете, сводит к минимуму производственные издержки, опираясь на строго продуманный производственный план и на такие формы разделения труда, которые позволяют с наибольшим совершенством использовать живую силу трудящихся...»

Этот план далее научно доказывает, что электрификация производственных процессов является могучим фактором, действующим во всех этих трех направлениях.

«Каждый гражданин РСФСР должен знать и помнить, что электрификация является венцом достижений современной техники в области механизации труда».

Общий вывод:

«Составить проект электрификации России — это означает дать руководящую нить для всей созидательной хозяйственной деятельности, построить основные леса для реализации единого государственного плана народного хозяйства».

«Электрификация должна явиться основной идеей нашего хозяйственного строительства» (см. «План электрификации»).

Эта основная идея и проводилась и проводится в жизнь с величайшей последовательностью, с величайшей энергией и энтузиазмом. Полностью оправдалась гениальная оценка плана электрификации, которая в начале 1921 г. в борьбе против оппортунистов была дана т. Сталиным: «мастерской набросок действительно единого и действительно государственного хозяйственного плана без кавычек. Единственная в наше время марксистская попытка подведения под советскую надстройку хозяйственно-отсталой России действительно реальной и единственно возможной при нынешних условиях технически-производственной базы».

Прошло ровно десять лет, как т. Сталин, развивая дальше ленинское учение о переходном периоде и построении социализма, развернул на XIV съезде партии учение о социалистической индустрии.

стриализации, учение, являвшееся знаменем борьбы десятков миллионов рабочих и крестьян. В этом историческом докладе т. Сталин указывал:

«Мы должны строить наше хозяйство так, чтобы наша страна не превратилась в придаток мировой капиталистической системы, чтобы она не была включена в общую систему капиталистического развития как ее подсобное предприятие, чтобы наше хозяйство развивалось не как подсобное предприятие мирового капитализма, а как самостоятельная экономическая единица, опирающаяся, главным образом, на внутренний рынок, опирающийся на смычку нашей индустрии с крестьянским хозяйством нашей страны.

Есть две генеральные линии: одна исходит из того, что наша страна должна остаться еще долго страной аграрной, должна вывозить сельскохозяйственные продукты и привозить оборудование, что на этом надо стоять и по этому пути развиваться и впредь. Эта линия требует по сути дела свертывания нашей индустрии. ...Есть другая генеральная линия, исходящая из того, что мы должны приложить все силы к тому, чтобы сделать нашу страну, пока есть капиталистическое окружение, страной экономически самостоятельной, базирующейся на внутреннем рынке, страной, которая послужит очагом для притягивания к себе всех других стран, понемногу отпадающих от капитализма и вливающихся в русло социалистического хозяйства. Эта линия требует максимального развертывания нашей промышленности, однако в меру и в соответствии тем ресурсам, которые у нас есть.

... Мы должны поставить дело так, чтобы помыслы и стремления хозяйственников были направлены в эту именно сторону, в сторону превращения нашей страны из страны, ввозящей оборудование, в страну, производящую это оборудование. Ибо в этом основная гарантия хозяйственной самостоятельности нашей страны».

Здесь мы имеем обоснование генеральной линии коммунистической партии, против правых и «левых» оппортунистов, проведение которой превратило нашу страну в передовое крупнейшее индустриальное государство, независимое от капиталистического мира.

Ученые мужи социал-демократии вроде О. Бауэра, не видящие ничего другого кроме капитализма, «научно» доказывали идентичность этого великого процесса социалистической индустриализации с периодом первоначального капиталистического накопления — периодом рождения капитализма путем насилий и неслыханного грабежа народных масс. Всем памятно также выступления против социалистической индустриализации правых оппортунистов, контрреволюционных троцкистов-зиновьевцев, точно так же не признающих принципиальных отличий нашей социалистической индустриализации от индустриализации в условиях капитализма. Жизнь и в этом вопросе разбила все их «пророчества», как разбила всю их линию политики в целом. ☪

На основе решающих успехов социалистической индустриализации т. Сталиным было развернуто учение о коллективизации сельского хозяйства и ликвидации кулачества как класса. Это учение, представляющее блестящее развертывание ленинского учения, выдержало экзамен жизни. Наша страна сейчас — не только страна с крупной передовой промышленностью, но и страна крупного, единственного в мире, передового сельского хозяйства. Вместо почти 7 млн. сох, свыше 2 млн. деревянных плугов и 4 млн.

конных плугов, определяющих чрезвычайно низкий уровень технико-экономического строя деревни в царской России, поля Советского союза бороздит 278,4 тыс. тракторов с первоклассными тракторными плугами и с первоклассными орудиями. Кулачество в деревне ликвидировано. Колхозное крестьянство, освобожденное от эксплуатации и гнета со стороны кулака, помещика и капиталиста, переживает великий, мощный подъем. Борьба за большевистские колхозы одерживает решающие успехи. Проведение сталинского устава колхозов поднимает все движение на новую, высшую ступень. Коллективизация на основе крупно-машинной техники приобщила сельское хозяйство к высоким темпам развития, превращает его в разновидность индустриального труда, обеспечивает высокую производительность труда и зажиточную жизнь колхозников.

Маркс в своем «18-е Брюмера» говорил о крестьянской парцелле как «причине его рабства и пауперизма». Эта причина ныне устранена в СССР. Большевики таким образом с величайшим успехом испытали и проверили на практике политику пролетариата, держащего государственную власть в своих руках, по отношению к мелкобуржуазной массе. В этом — всемирно историческое значение пройденного этапа.

* * *

Ныне мы можем сказать:

«Мы пошли уверенно и стремительно по пути индустриализации и коллективизации нашей страны. И теперь этот путь можно считать уже пройденным» (Сталин).

На этой основе, на основе насыщенности передовой техникой великий вождь народа т. Сталин выдвинул новый лозунг — «кадры решают все», лозунг, который в полном смысле слова открывает новый этап в нашем продвижении к коммунизму. Этим лозунгом «кадры решают все» выражается принципиально иное, чем при капитализме, отношение к человеку. Там — эксплуатация, порабощение, угнетение человека; здесь — великая забота о человеке, любовь к нему, предоставление всех возможностей развертывания творческих способностей человека. Задача воспитания и заботливого выращивания людей поставлена т. Сталиным как решающая задача. Мракобесию в фашистских странах, распаду культуры в странах капитализма противостоит советский гуманизм — надежда широких слоев работников науки и культуры, надежда всех трудящихся.

Особенно поразительны успехи в области материального производства и всех видов культурной работы в истекающем, 1935, году. Дальнейший бурный рост промышленности — тяжелой и легкой, величайшие успехи сельского хозяйства, резко увеличившего темпы своего развития, быстро растущий транспорт, с величайшим успехом ликвидирующий свое отставание, великолепный рост производительности труда, широкое движение за рентабельность, охватившее все отрасли промышленности и сельского хозяйства, связанная с этим успешная борьба за всемерное увеличение социалистического накопления, ликвидация карточной системы, быстрый разворот производства предметов широкого потребления, быстрый рост благосостояния рабочих и колхозников — таковы исключительные по своему значению основные факты последнего года.

Исключительные по объему и значению успехи, с которыми СССР встретил XVIII годовщину своего существования, завоеваны в беспо-

щадной классовой борьбе, в непреклонной борьбе на два фронта, под мудрым руководством сталинского Центрального комитета, под гениальным руководством продолжателя дела Маркса—Энгельса—Ленина, мудрого вождя народа и трудящихся всего мира т. Сталина.

Победа социализма в Советском союзе открывает новый этап мировой пролетарской революции.

XVII съезд партии дал исторические директивы по завершению во второй пятилетке технической реконструкции всего хозяйства и по построению бесклассового социалистического общества. В результате осуществления второй пятилетки Советский союз превращается в самое передовое в техническом отношении государство в Европе. Уже за первые три года второй пятилетки Советский союз несказанно продвинулся вперед. Сравнительно с уровнем капиталистических стран в 1929 г. (до общехозяйственного кризиса) Советский союз по производству электроэнергии вместо 7-го места в Европе, которое он занимал до войны, уже занял 3-е место в Европе; по добыче каменного угля—вместо 6-го места—3-е; по добыче нефти—1-е место; по добыче чугуна—1-е место; по общему машиностроению—1-е место; по производству тракторов—1-е место; по производству автомобилей—4-е место и т. д. По валовой продукции промышленности Советский союз уже в 1934 г. занял 1-е место в Европе и 2-е место в мире.

В настоящее время, по прошествии первых трех лет второго пятилетнего плана, мы имеем все основания заявлять, что задания XVII съезда коммунистической партии по второму пятилетнему плану будут не только выполнены, но и перевыполнены могучим подъемом творческой деятельности и энтузиазма миллионных армий строителей социализма—героических рабочих и колхозников нашей великой страны.

Номер был уже сверстан и работы по нему закончены, когда имели место величайшие события в жизни нашей страны—Первое всесоюзное совещание рабочих и работниц-стахановцев и речь вождя народов СССР т. Сталина, осветившая ярким прожектором путь нашей социалистической родины на предстоящий период.

Эту речь будет изучать весь народ и шаг за шагом проводить в жизнь. Она будет гореть в сердцах миллионов и звать на великие героические дела.

Народное стахановское движение—это новая полоса развития, это новый, высший этап социалистического соревнования. Оно, это движение, является результатом многолетней работы нашей партии, оно выпестовано Сталиным.

Оно выросло в результате одержанных гигантских успехов нашей страны, в результате победы генеральной линии коммунистической партии, могучего интеллектуального подъема широких масс рабочих и колхозников, быстрого повышения благосостояния самых широких народных масс. Оно представляет собой историческое движение за коммунистический труд.

Товарищ Сталин говорил в своей речи на совещании стахановцев:

«Разве не ясно, что стахановцы являются новаторами в нашей промышленности, что стахановское движение представляет будущность»

нашей индустрии, что оно содержит в себе зерно будущего культурно-технического подъема рабочего класса, что оно открывает нам тот путь, на котором только и можно добиться тех высших показателей производительности труда, которые необходимы для перехода от социализма к коммунизму и уничтожения противоположности между трудом умственным и трудом физическим?»

Стахановцы опрокинули все установленные нормы в самом основном, решающем судьбу нового общественного строя — в производительности труда и дают нормы, превышающие нормы капиталистических стран. Нормы стахановцев, как указал т. Орджоникидзе, — это нормы Октябрьской революции, нормы Ленина и Сталина. Это величайшее дело, идущее из глубин народа, поднятое сыном народа, пролетарием Стахановым, стало возможно только в нашей стране, в стране социализма, где рост производительности труда идет на благо всему народу, а не несет, как при капитализме, нищету и мучительную безработицу рабочим, а блага — только кучке эксплуататоров и кровопийц народного труда.

Тов. Сталин гениально вскрыл причины того, почему только у нас возможно возникновение стахановского движения. Он указал на четыре причины. Основа стахановского движения прежде всего заключается в том, что наступило коренное улучшение материального положения рабочих. «Жить стало лучше, товарищи. Жить стало веселее. А когда весело живется, работа спорится». Далее тов. Сталин указал на отсутствие у нас эксплуатации, на наличие новой техники и новых людей, способных оседлать эту технику.

Великое движение стахановцев растущее не по дням, а по часам вширь и вглубь, охватывающее отрасль за отраслью, перебрасывающееся из города в деревню, является вернейшей гарантией того, что великие задачи второго пятилетнего плана будут выполнены досрочно.

Хозяйство Советского союза к XVIII годовщине

Всякий раз, когда мы подходим к оценке пройденного Советским союзом пути, мы не можем ограничиться только деловым анализом роста нашего хозяйства. Мы прежде всего ставим себе общий вопрос о месте Советского союза под солнцем, о его удельном весе в мировом хозяйстве, о росте и влиянии в мировом масштабе того нового социального строя, над созданием которого мужественно и героически работают 160 миллионов пролетариев и колхозников Советского союза. И, оглядывая пройденный за 1935 г. путь в области хозяйственного и культурного строительства и укрепления международного положения СССР, мы приходим к выводу, что к XVIII годовщине Октября наша страна приходит еще более мощной и несокрушимой, чем в предыдущие годы.

С чувством радостной творческой гордости смотрят миллионы на растущую мощь нашей страны, на дело своих рук, своего мозга, своего энтузиазма.

Новый завод или школа, колхоз и санаторий, хороший урожай и отмена карточек, договор с Францией и Чехословакией — все это показатели роста нашей социалистической родины, роста ее не только для наших пролетариев и колхозников, но и для трудящихся всех стран. С ростом социалистического хозяйства в нашей стране все больше и больше вырастает новый человек, не испытывающий гнета капиталистической эксплуатации и ненавидящий ее, новый человек, который в творческом труде развивает до конца все свои способности. И радостную XVIII годовщину Октября мы встречаем с твердой уверенностью, что социализм победил у нас окончательно и что победа его у нас есть лишь первая ступень к победе во всех странах.

В хозяйственном положении страны за 1935 г. произошли резкие сдвиги, имеющие решающее значение для перспектив дальнейшего роста и укрепления советского хозяйства.

1934 год был годом крутого подъема нашего хозяйства, годом резкого улучшения качественных показателей по некоторым отраслям.

В 1934 г. мы преодолели в ряде важнейших отраслей хозяйства то замедление темпа роста, которое было связано с трудностями освоения.

В 1935 г. освоение новейшей техники получило более широкий охват и более устойчивый характер. Освоение новейшей техники развертывалось на расширенном фронте, закрепляя и углубляя успехи, достигнутые в 1934 г.

Поэтому, если брать вопрос в широком разрезе, нужно сказать, что мощное развертывание новейшей техники есть то главное, что характеризует развитие нашего хозяйства в 1935 г.

Но не только широкое развертывание освоения нужно привести для характеристики тех главнейших сдвигов, которыми ознаменовался 1935 год.

В чем эти сдвиги заключаются?

Прежде всего в том, что транспорт наш развернул работу, соответствующую росту народного хозяйства. В 1935 г., по предварительным данным, рост продукции крупной союзной и местной промышленности составит около 21%, рост перевозок железнодорожного транспорта даст также 21%. Это первый год, когда рост перевозок по своим темпам идет на уровне роста промышленной продукции.

Победа железнодорожников имеет огромное значение для развития всего народного хозяйства в целом.

Во-первых, это — показатель огромной накопленной мощи народного хозяйства, мощи, которая позволила нам при соответствующем повороте хозяйственного рычага в сторону транспорта быстро его поднять. Достаточно указать на то, что 80 тыс. вагонов, которые являются главным подспорьем транспорту со стороны промышленности, наши железные дороги получают целиком; как будет показано дальше, они могут получить и несколько больше. И все другие виды материального снабжения транспорта можно было в 1935 г. поставить на такой уровень, чтобы удовлетворить его основные потребности.

Во-вторых, быстрый рост транспорта показывает огромное значение организационных мероприятий по перестройке работы транспорта, по правильному использованию огромной армии транспортников. Совершенно ясно, что если бы не было этого крутого, резкого улучшения организации работы, десятки тысяч вагонов, полученных транспортом, и огромное материальное его снабжение не дали бы тех результатов, которые мы имеем.

В-третьих, быстрый рост железнодорожных перевозок привел к тому, что транспорт перестал быть лимитом в развертывании народного хозяйства, больше того — он начинает стимулировать рост других отраслей. До сих пор немалую роль в задержке развертывания ряда отраслей играло то обстоятельство, что значительное количество продукции не могло быть перевезено по железным дорогам, загружало склады предприятий и тем самым создавало видимость избытка этих продуктов. Теперь это отпадает, — наоборот, в ряде случаев транспорт уже начинает нажимать на производство. В частности можно привести такой факт: на октябрь и ноябрь мы должны были выискивать грузы для водного транспорта, ибо промышленность уже не предъявила для него на эти месяцы достаточного количества грузов. В этом конечно есть и свои специфические стороны, на которых мы здесь останавливаться не будем, но недогруз водного транспорта во всяком случае показывает, что промышленность рассчитывает полностью перевезти свои грузы по железным дорогам. Поэтому в известных случаях она с неохотой отдает груз на воду, так как это связано с более длинными сроками перевозок и с другими трудностями. Транспорт уже должен был принимать специальные меры в поисках грузов. Наркомвод например сейчас публикует в некоторых местных газетах о том, что он принимает грузы в любом направлении. Словом, Наркомвод уже гонится за грузами. Роли переменялись, правда, пока еще только в отношении водного транспорта.

Железнодорожный транспорт перевыполнил планы перевозок, но это еще не значит, что он безоговорочно принимает все предъявляе-

мые к перевозке грузы. В частности сейчас, когда наши железные дороги должны быстрыми темпами закончить огромные хлебные перевозки, некоторые грузы, и даже угольные, выполняются не на все 100%. Но все же мы можем сказать, что транспорт уже не является у нас узким местом в народном хозяйстве, в данный период он уже не лимитирует развитие всего хозяйства в целом. Созданы новые условия для дальнейшего форсированного развития народного хозяйства, тем более что в 1936 г. железнодорожный транспорт несомненно даст дальнейший значительный рост.

Второе, что характеризует 1935 год, — это то, что при значительном количественном росте промышленной продукции — как указывалось выше, на 21% против 1934 г., — годовой план перевыполняется на 4—5%; по тяжелой промышленности перевыполняется задание по себестоимости и производительности труда; широко развернулось движение за повышение рентабельности промышленности; почти по всем отраслям хозяйства выполняются качественные показатели. Выполнение и перевыполнение планов по количественным и качественным показателям идет на основе широкого освоения новейшей техники — в этом то новое, что характеризует 1935 год и что создает условия для разрешения целого ряда хозяйственных задач, встающих перед нами. В частности созданы предпосылки для решения вопроса о приведении отпускных цен промышленности в соответствие с себестоимостью при условии ликвидации дотаций и создания обстановки, стимулирующей борьбу за дальнейшую рентабельность, за дальнейший рост прибылей. 1935 год является годом, когда вопрос о прибыльности промышленности снова ставится во весь рост и приобретает крупное народнохозяйственное значение.

Третий круг достижений, которые характеризуют 1935 год, — это ликвидация карточек и переход к единым розничным ценам. Этот переход прежде всего является показателем роста нашего хозяйства, его полнокровности. На этой базе обеспечивается широкое развертывание советской торговли, укрепление рубля и рост реальной заработной платы. Переход к единым ценам произошел на основе снижения коммерческих цен и тем самым снижения базарных цен. Наши стремления идут к дальнейшему снижению цен. Рычаг цен полностью находится в руках государства. Поскольку огромная часть товарной массы страны является продукцией государственной промышленности или государственных заготовок, постольку мы имеем возможность розничными ценами государственной и кооперативной торговли регулировать и розничные цены базарной торговли. Не может быть никакой речи о переходе к рыночной стихии. Ликвидация карточек и переход к единым ценам имеют огромное значение для развития всего народного хозяйства, для дальнейшего роста и оздоровления хозяйства, в особенности в деле повышения реальной заработной платы.

Необходимо далее отметить еще один фактор, имеющий решающее значение для успешного развития народного хозяйства, — это новая постановка вопроса о кадрах, о людях. Здесь прежде всего — директивы т. Сталина по этому вопросу и характеризующие текущий момент мероприятия по линии заработной платы, внимание к материальному, бытовому положению трудящихся масс и технических кадров. Сюда же относится то огромное внимание, которое партия оказывает школе, начальной и средней, огромное школьное строительство, проведенное в нынешнем году и в еще более широких мас-

штабах намеченное на 1936 г. Эти культурные моменты также, разумеется, имеют огромное значение для развития народного хозяйства.

Мы отметили узловые пункты, характеризующие то новое, что наложило свой отпечаток на развитие народного хозяйства в 1935 г. Перейдем к изложению основных итогов 1935 г. в их цифровом выражении и тех основных наметок на будущий год, которые уже сейчас выявились.

Начнем с промышленности. Выше было сказано, что промышленность перевыполняет народнохозяйственный план примерно на 4—5% — она даст в этом году 46—47 млрд. руб. Мы говорим здесь о промышленности союзной и местной без промышленности кустарной, которая в свою очередь даст 7 с лишним млрд. руб. и тоже процента на 3 перевыполнит свой годовой план. При этом мы получаем следующий динамический ряд:

1933 г. — прирост промышленной продукции составил 3,4 млрд. руб. (+8%);

1934 г. — прирост промышленной продукции 6,7 млрд. руб. (+20%);

1935 г. — прирост составит по предварительным расчетам 7 с лишним млрд. руб. при росте на 21%;

1936 г. — прирост промышленной продукции составит 9 с лишним млрд. руб. (+20—22%, в зависимости от конкретных итогов 1935 г., с которыми мы будем иметь дело).

Теперь — по отдельным наркоматам. Как обстоит здесь дело?

Наркомтяжпром в 1935 г. даст 26% роста и перевыполнит годовой план на 6%; Наркомлес — рост на 16% и перевыполнение годового плана на 3%; Наркомлегпром — рост на 9% и некоторое невыполнение плана; пищевая промышленность растет на 15% и перевыполняет план на 9%. Невыполнение плана по легкой промышленности является результатом главным образом того, что урожай хлопка в прошлом году оказался несколько ниже того, что мы ожидали при составлении плана. Поэтому в течение года пришлось немного снизить производство хлопчатобумажных тканей. Хотя по некоторым другим отраслям Наркомлегпром перекрывал свою программу, но в общем он все-таки ее несколько невыполнит. По пищевой промышленности в приведенных процентах роста кроются некоторые расчетные моменты, которые заключаются в том, что фактическая продукция 1934 г. оказалась значительно выше той, которая была записана в плане 1934 г., благодаря чему получается значительное перевыполнение плана 1935 г.

Остановимся на некоторых отраслях тяжелой промышленности. Металлургия по своим техническим и, пожалуй, хозяйственным показателям стала сейчас передовой отраслью. 1934 г. дал 10,4 млн. т чугуна, в 1935 г. мы получаем 12,6, может быть 12,7 млн. т, т. е. на 100—200 тыс. т больше годового плана. На 1936 г. по пятилетке намечается 14 тыс. т — задание, которое легко может быть перевыполнено. В 1935 г. мы увеличиваем производство на 2 200 тыс. т. Это — огромные темпы роста, причем получаем мы этот рост главным образом не за счет ввода новых доменных печей, а за счет лучшего их использования. Особенно это относится к 1936 г., когда будут введены вероятно всего две новые печи.

Коэффициент использования доменных печей получается следующий: в 1934 г. — 1,35, в 1935 г. средняя за год будет примерно 1,24 против плана 1,27, а на 1936 г. намечается около 1,13. По месяцам 1935 г.

мы имеем следующую динамику: январь — 1,43, февраль — 1,29, март — 1,21, апрель — 1,17, май — 1,17, июнь — 1,15, июль — 1,19, август — 1,14. Но ряд заводов имеет и значительно лучшие показатели. Например в августе Макеевский завод достиг 0,88, Запорожсталь — 0,98, Магнитогорский им. Сталина — 0,99, Нижнесалдинский — 1,01, Ворошиловский — 1,05, Кузнецкий — 1,05, Сталинский (Донбасс) — 1,05, им. Петровского — 1,12, им. Дзержинского — 1,13. С другой стороны, Криворожский дал 1,20, Енакиевский — 1,23, Константиновский — 1,25, Керченский — 1,53. Мы видим, что колебания еще очень значительны. Заводы, которые имеют плохие показатели, должны сильно улучшить свою работу, для того чтобы приблизиться к передовым заводам.

Какое положение мы имеем по стали? 1934 г. дал 9,6 млн. т, 1935 г. дает 12,4 млн. т против 11,8 млн. т по плану. Перевыполнение годового плана довольно значительное. На 1936 г. по пятилетке намечается 14,8 млн. т. И это задание, так же как и по чугуну, может быть перевыполнено. Таким образом в 1936 г. должна быть осуществлена директива т. Сталина о том, чтобы сталь опередила по уровню производства чугуна. По мартеновским печам показатели несколько худшие, чем по доменным. Здесь мы в текущем году еще не имеем перевыполнения годовых заданий. Данные съема стали с одного квадратного метра пода печи должны были составить 3,82, а январь дал 3,45, февраль — 3,69, март — 3,89, апрель — 3,85, май — 3,81, июнь — 3,83, июль — 3,86, август — 3,86. В последние месяцы имеется некоторое улучшение против годового показателя, но улучшение явно недостаточное. Еле-еле обеспечивается выполнение годового задания по использованию мартеновских печей, причем и здесь, в мартеновском производстве, тоже наблюдается огромная разница между различными заводами. В то время как некоторые заводы дают около 6 т на 1 м² пода, другие — около 2,5 т. Таким образом и здесь еще огромное отставание многих заводов.

Значительно продвинулись мы вперед в 1935 г. по прокату. Против 7 млн. т в 1934 г. текущий год дает 8,7 млн. т; план — 8,2 млн. т по прокату будет перевыполнен примерно на 500 тыс. т — на те 500 тыс. т, о которых т. Орджоникидзе говорил на Совете тяжелой промышленности. Промышленность выполняет это свое обещание. В результате такого перевыполнения плана дефицит по некоторым сортам проката в 1935 г. значительно смягчился, в частности по мелкому сорту, который был крайне дефицитен в прошлом году. Смягчилось положение и по ряду других сортаментов проката. Но еще в очень тяжелом положении производство листа как кровельного, так и строительного и котельного. Очень тесно и с катанкой. Быстрый рост проката в 1936 г. является важнейшей задачей. Пятилеткой намечается на 1936 г. 10,5 млн. т, но так как в 1935 г. пятилетка перевыполнена на 500 тыс., то план может быть принят в 11 с лишним млн. т.

В последнее время правительство рассматривало несколько частных вопросов в области проката, которые касаются особенно больших мест, например вопрос о гвоздях. С гвоздями у нас плохо — не хватает их ни для широкого рынка, ни для строительства. Расширение производства гвоздей упирается прежде всего в недостаточность катанки, т. е. проволоки для гвоздильного производства. Приняты специальные решения о форсированном строительстве нового крупного проволочного стана, о реконструкции наших гвоздиль-

ных заводов, оборудованных старыми машинами низкой производительности. Принято специальное решение о том, чтобы с 1936 г. было начато производство новых, более быстроходных станков для выработки гвоздей. И уже на 1936 г. намечается рост производства гвоздей со 145 тыс. т этого года до 190 тыс. с перспективой дальнейшего крупного роста в 1937 г.

Какие вопросы решены в 1935 г. машиностроением? Прежде всего здесь нужно сказать о транспортном машиностроении. Мы отметили уже, что программа по вагонам будет перевыполнена, причем интересными являются цифры развертывания вагоностроения по кварталам. Чтобы выполнить программу по вагоностроению, надо было быстрыми темпами включить целый ряд новых заводов, которые раньше не занимались вагоностроением, надо было основательно перестроить работу и на самих вагоностроительных заводах. В первом квартале было произведено 12 тыс. вагонов, во втором — 23,4 тыс., в третьем — 28,1 тыс. Для того чтобы выполнить годовой план в 80 тыс. вагонов, на четвертый квартал остается 16,5 тыс. Выработав в третьем квартале 28,1 тыс. вагонов, мы достигли уровня производства, превышающего квартальный план. На четвертый квартал дана программа в 20 тыс. вагонов, и конечно она будет несколько перевыполнена. По производственным возможностям мы справились бы в 1936 г. с заданием в 110, 115 и даже в 120 тыс. вагонов, но скачок с 80 до 120 тыс. был бы связан с чрезвычайно крупным увеличением расхода металла. Приходится поэтому подсчитывать минимальное количество вагонов, при получении которых транспорт может выполнить возлагаемые на него перевозки. Во всяком случае производство товарных вагонов в необходимом количестве перестало быть проблемой и никаких трудностей для 1936 г. не представляет. В этом большая заслуга тяжелой промышленности.

Перестало быть проблемой и производство паровозов. Этот вопрос решен не только в количественном отношении — количественно мы и в предыдущие годы удовлетворяли потребности транспорта, — но и в смысле перехода на более мощные типы паровозов. Паровозы «Э», которые мы начали изготовлять примерно в 1926/27 г. и которые до последнего времени являлись основными паровозами нашего производства, сейчас уже идут на отмирание. В этом году мы еще делали 560 паровозов «Э», а на будущий год их намечают уже только 50. Одновременно увеличивается производство паровозов серии «ФД» и «СО»: количество паровозов «ФД» увеличивается с 515 в текущем году до 675 в 1936 г., количество «СО» увеличивается соответственно со 100 до 500. Идут на смену более мощные паровозы, технически перестраивается наше паровозостроение, перевооружается наш ж.-д. транспорт.

В будущем году особое внимание сосредоточивается и на развитии текстильного машиностроения, которое до сих пор развивалось недостаточно. В 1936 г. оно сильно расширяется.

По автомобилям и тракторам мы имеем следующие данные: в 1935 г. будет произведено 95 тыс. автомобилей, что дает перевыполнение годового плана на 30%, на будущий год намечается 140 тыс. автомобилей. Идет коренная перестройка нашего тракторостроения. Опыт работы в сельском хозяйстве показал, что гусеничные тракторы имеют крупные преимущества перед колесными. Решено поэтому перевести ХТЗ и СТЗ на производство гусеничных тракторов. Эта реорганизация должна быть проведена в течение 1936 г.

Тип гусеничного трактора уже намечен, намечен и проект реконструкции этих заводов. В 1935 г. тракторов в физических единицах будет выпущено 152 тыс., что составляет в переводе на 15-сильные тракторы рост против 1934 г. на 18,5% и почти на 12% превышает годовой план. На будущий год намечается 153,5 тыс. 15-сильных тракторов, но при этом производство колесных тракторов сильно сокращается. ЧТЗ увеличивает производство гусеничных до 29 тыс. против 21 тыс. этого года. Количество гусеничных тракторов, которое будет произведено на заводах СТЗ и ХТЗ, пока трудно установить, так как сроки реконструкции этих заводов еще не уточнены.

Уже в текущем году мы добились значительного расширения производства комбайнов. Мы выпускаем 25 тыс. комбайнов против 8,3 тыс. шт. в 1934 г. На 1936 г. дано задание увеличить выпуск комбайнов до 50 тыс. Производственная мощность наших комбайновых заводов при соответствующем нажиме на кооперирование дает возможность с этим заданием справиться. Достаточно сказать, что в этом году комбайновые заводы делали и товарные вагоны. Но план выпуска товарных вагонов мы можем выполнить и без использования комбайновых заводов.

Номенклатура нашего машиностроения очень большая. Производится очень много важных машин и оборудования: тут и турбины, и дизели, и локомобили и т. д. Ограничимся поэтому общим выводом: по всему машиностроению план в 1935 г. будет перевыполнен и несомненно также, что будет выполнена и наметка пятилетки на 1936 г.

По углю, и особенно по нефти план в текущем году недовыполняется. Отсталость этих участков нашего народного хозяйства объясняется их отставанием в освоении новейшей техники механизированной добычи угля и нефти. В текущем году по каменному углю мы получим около 110 млн. т против плановых 112. На следующий год по пятилетке намечается 126,6 млн. т. При значительном улучшении работы эта программа может быть выполнена — и она должна быть выполнена.

По нефти мы получим в 1935 г. несколько больше 28 млн. т, что составляет около 93% годового плана и значительно отстает от заданий пятилетки. И угольная промышленность, и нефтяная должны резко улучшить свою работу, для того чтобы перейти в ряды передовых отраслей. Техническое вооружение угольной промышленности стоит в общем на уровне современной техники, но это техническое вооружение осваивается слабо, организация процесса работы страдает существенными недостатками. Победы стахановского метода, о котором еще будет сказано ниже, показывают, насколько при правильной организации работы можно поднять производство.

По электроэнергии мы имеем в 1935 г. 25% роста и получим 17 млрд. квтч на районных станциях Главэнерго. На будущий год на этих станциях намечается 21,5 млрд. квтч — рост около 23%. Электростанции наши работают с хорошими коэффициентами использования оборудования и расходования топлива. Здесь мы идем на уровне наиболее передовых европейских станций. Задача заключается в том, чтобы твердо завоевать первенство, для чего нужно добиваться дальнейшего улучшения технического вооружения наших электростанций и улучшения коэффициента их работы.

Мы не будем останавливаться на ряде других отраслей тяжелой промышленности. Отметим только, что по суперфосфату, имею-

щему большое значение для сельского хозяйства, в 1935 г. план будет выполнен на 110% (около 1 300 млн. т); на 1936 г. намечено повышение примерно до 1,5 млрд. т. Производственный план по цементу будет выполнен на 103% (4,5 млн. т); на 1936 г. намечается поднять производство до 5,5 млн. т, т. е. на 22%. Лесная промышленность идет на уровне плана 1935 г. Наркомлес выполнит 72 млн. м³ вывозки деловой древесины. Бумаги производится 626 тыс. т — 101% годового плана. На будущий год по Наркомлесу вывозка деловой древесины намечена в 85 млн. м³, производство бумаги в 700 тыс. т, т. е. рост на 12%. Нужно сказать, что бумажная промышленность очень сильно отстает от потребностей народного хозяйства. Для форсирования роста продукции бумажной промышленности необходимы особые меры.

Легкая промышленность, как уже сказано, выполнит свой годовой план не полностью. Это прежде всего относится к хлопчатобумажным тканям. Годовой план по хлопчатобумажным тканям будет реализован на 93% (2 470 млн. м). В 1934 г. урожай хлопка оказался, как уже сказано, несколько ниже ожидавшегося. В текущем году урожай значительно выше, и теперь уже твердо можно сказать, что в 1936 г. мы будем иметь хлопка на 25% больше, нежели в текущем году; соответственно мы сможем в 1936 г. увеличить производство хлопчатобумажных тканей.

По льняным тканям производство выросло в 1935 г. на 40%. Однако годовой план выполнен только на 94%. Это невыполнение плана не является результатом нехватки льна. В этом году сырье впервые не лимитировало производства льняных тканей, и если промышленность все-таки плана не выполнила, то только потому, что она не сумела набрать достаточное количество новых рабочих, не сумела достаточно поднять производительность станков. Набор новых рабочих упирался в недостаток жилищ. Это тоже характерно для 1935 г., характерно в том смысле, что требования рабочих к бытовому обслуживанию уже значительно поднялись, и жилищный лимит во весь рост встает для тех отраслей, которым приходится быстро разворачиваться и привлекать значительное количество новых рабочих. На будущий год для льняной промышленности по состоянию ресурсов сырья можно наметить рост примерно на 25%, причем льняная промышленность уже стоит перед перспективой полного исчерпания своих производственных возможностей. Встала необходимость строительства новых крупных комбинатов. До сих пор строительство в льняной промышленности идет чрезмерно медленными темпами. Комбинат Зворыкина строится много лет и не закончен. Строится Смоленский комбинат и намечено к строительству еще 3—4 комбината.

Шерстяная промышленность дала 76 млн. м — 109% выполнения годового плана. Обувь в этом году будет произведено 67 млн. пар — годовой план перевыполняется на 4%. Швейную промышленность мы в 1935 г. несколько сдерживали. То обстоятельство, что хлопчатобумажная промышленность не могла выполнить свой годовой план, естественно отразилось на швейной промышленности. Выполнение годового плана стоит здесь на уровне 95—96% (1 350 млн. руб.). Крупный рост дает в текущем году стекольная промышленность. Например рост по оконному стеклу — 33%, годовой план перевыполнен на 5%. Оконное

стекло перестало быть дефицитным. Примерно такой же рост продукции имеет место и по всей стекольной промышленности.

В 1935 г. перед легкой промышленностью встали во весь рост задачи технической реконструкции. В отношении технического вооружения почти все отрасли легкой промышленности принадлежат к отсталым. Новейшая техника там или вкраплена отдельными небольшими кусочками или, как например по хлопчатобумажной промышленности, держится на уровне европейской техники, но значительно отстает от американской. В текущем году правительство рассматривало вопрос о перспективах технической реконструкции почти по всем отраслям легкой промышленности — по хлопчатобумажной, шерстяной, льняной, трикотажной, шелковой и стекольной.

Для примера возьмем стекольную промышленность. Есть у нас машина «Фурко» для производства оконного стекла. Она выпускает сейчас стекло со скоростью 39 м в час, тогда как опытными работами у нас показано, что эти машины могут работать со скоростью 60 м в час. Иначе говоря, производство стекла можно поднять на 50% только за счет лучшего освоения машин. Производство сортовой посуды за малыми исключениями не механизировано, и работа производится вручную в крайне тяжелых условиях. Между тем американская стекольная промышленность полностью механизирована и имеет машины очень большой производительности, выпускающие изделия высокого качества. Техническая перестройка отраслей легкой промышленности стала актуальной задачей и должна быть осуществлена в ближайшие годы.

По важнейшей отрасли пищевой промышленности — сахарной — план этого года будет перевыполнен на 3—5% (около 15 тыс. т). Плановая урожайность свеклы в 1935 г. 125 ц на 1 га. Последние данные о фактической урожайности говорят, что она стоит на уровне 121 ц против 96,9 прошлого года. Если исходить из этой урожайности, то из свеклы урожая 1935 г. мы можем получить в 1936 г. — 18—19 тыс. т сахара.

По остальным пищевым отраслям мы имеем следующее положение: по кондитерским изделиям в 1935 г. выработано 580 тыс. т — на 25% выше предыдущего года; по консервам — рост на 16%; по растительному маслу — 400 тыс. т — рост на 11%; по папиросам — 77 млрд. штук — рост на 5%; по мылу — 450 тыс. т — рост на 13%. Улов рыбы составил 1 600 тыс. т — на 6% выше плана. Благодаря хорошему урожаю рост пищевой промышленности по большинству продуктов должен быть в 1936 г. довольно значительным.

Таковы наши успехи и перспективы в области промышленности.

Выше уже было сказано о решающих успехах транспорта. Приведем ряд цифр, характеризующих положение.

Среднесуточная погрузка на транспорте в 1933 г. составляла 51,2 тыс. вагонов, в 1934 г. — 55,7 тыс., а в 1935 г. будет уже 68 тыс. Против 316 млн. т грузооборота в 1934 г. грузооборот в 1935 г. составит 385 млн. т, т. е. рост на 21%. По кварталам погрузка шла следующим образом: в 1934 г. в I квартале ежесуточно 52 тыс. вагонов, во II — 56 800, в III — 56 700, в IV — 56 900; средняя — 55 тыс. вагонов. В 1935 г.: I квартал — 55,2 тыс., II — 67,9 тыс. и III — 73 тыс. вагонов. На IV квартал намечено по плану пока 73 тыс., но надо считать, что будет больше.

Важнейший показатель работы железнодорожного транспорта —

время оборота вагона товарного парка в сутках. 1934 г. по кварталам дал следующее: I квартал — 9,5 суток, II — 8,6, III — 8,4, IV — 8,75. В 1935 г. — I квартал — 9,25, II — 7,5, III — 6,9, на IV квартал дано задание — 5,5.

Вот показатели, определяющие работу нашего железнодорожного транспорта. Эти цифры говорят о резком улучшении работы транспорта, и мы вправе ожидать в 1936 г. такого роста перевозок, который полностью обеспечит растущие потребности народного хозяйства.

Остановимся вкратце на вопросах труда и себестоимости. По труду мы имеем следующие пока весьма предварительные расчеты. Численность всего пролетариата в 1935 г. составит около 24,6 млн. человек. По количеству рабочих мы идем на уровне годового плана. Фонды зарплаты идут значительно выше. Цифры эти тоже предварительные, они дают против 42,5 млрд. руб. прошлого года около 54 млрд. руб. в 1935 г., т. е. увеличение на 28%. По производительности труда мы ожидаем следующие итоги: по Наркомтяжпрому вместо 14,3% по плану — 16,5—17,5%, по Наркомлесу вместо 9% по плану — 13%, по НКПищепрому вследствие сезонного характера работы важнейших отраслей определить рост производительности пока еще трудно, по Наркомлегпрому вместо 3,8% будет около 5%. Как правило, производительность труда превышает плановое задание.

Соответственно этому идет выполнение плана по снижению себестоимости продукции. По Наркомтяжпрому должен был получиться с учетом хлебных надбавок и пр. рост себестоимости на 3%. Фактическое положение такое, что уже к июлю месяцу вместо роста себестоимости Наркомтяжпром имел снижение на 1%. На четвертый квартал дано плановое задание снизить себестоимость против уровня прошлого года на 1,5%. Фактическое снижение себестоимости по Наркомтяжпрому вероятно будет около 3%. Вместо плюс 3 будет примерно минус 3%. При миллиардных цифрах, которыми мы оперируем в Наркомтяжпроме, это обозначает очень много. И отсюда рост прибылей по отдельным заводам, отказ от дотаций и пр.

Рост производительности труда в первую очередь является показателем лучшей организации производства, лучшей организации труда. Возьмем стахановскую бригаду. В чем заключается стахановский метод? Он заключается в том, что там, где раньше стояли на одном участке 2—3 забойщика без вспомогательных рабочих, причем каждый забойщик сам для себя крепил участок по мере выработки его, теперь ставится 1 забойщик и 1—2 крепильщика, при этом несколько увеличивается длина забоя. Значит забойщик освобождается от всякой другой вспомогательной работы, которую делают другие рабочие. Таким образом происходит полная специализация рабочего, и в результате один забойщик забивает столько, сколько раньше забивали три. В среднем стахановская бригада дает 60 т за 6 часов. Там, где стояло 3 забойщика, работало 3 отбойных молотка, 3 трубопровода к компрессору. Это — дополнительный расход сжатого воздуха, дополнительный расход трубопроводов, расходы по ремонту и т. д. и т. п. И главное — один забойщик вместо двух-трех, а забойщик — это самая дефицитная профессия угольной промышленности.

Приведем пример из практики стекольной промышленности. На Новоборисовском заводе произведена перестройка бригад. Перестройка заключается в том, что бригаду из 2 мастеров и 3 вспомогательных

рабочих перестроили на бригаду в 8 чел.: те же 2 мастера, но количество вспомогательных рабочих удвоенное. При таком составе бригады мастера полностью заняты только самой высококвалифицированной работой, все же вспомогательные работы делают менее квалифицированные люди. В результате на одно и то же рабочее место, на один и тот же станок получилось повышение выработки почти вдвое, а в среднем производительность труда одного рабочего выросла примерно на 30%.

На заводе «Большевик» в Ленинграде раньше в бригаде, обслуживающей прокатный стан, было 11 рабочих. В апреле была изменена система оплаты труда: бригаде стали выплачивать за тонну проката независимо от того, сколько человек в ней работает. И тогда бригады постепенно начали сокращать количество людей, переходя от 11 к 9 и даже к 8 рабочим. Ясное дело, что это сильно повышает производительность труда.

Тот рост производительности труда и снижение себестоимости, которые достигнуты на Макеевском заводе, основаны также на соответствующей перестройке зарплаты. Перестройка зарплаты, которая у нас в 1935 г. начата в первую очередь в металлургии, в частности на Макеевском заводе, имеет огромное принципиальное значение для всего нашего хозяйства. За этим опытом следит вся страна, вся партия, для того чтобы решить, можно ли его перенести во все другие отрасли народного хозяйства. Несомненно, что приведение зарплаты в соответствие с результатами работы с учетом качества, ассортимента и т. д. на многих заводах нашей страны полностью оправдало себя, и сейчас стоит вопрос о распространении этого принципа оплаты на все те отрасли, где это представляется возможным.

Снижение себестоимости и переход ряда наших предприятий на бездотационную работу поставили также другой крупнейшей важности вопрос — о приведении отпускных цен промышленности в соответствие с себестоимостью. Известно, что сейчас цены по ряду важнейших продуктов тяжелой промышленности государство держит на очень низком уровне. Так например по чугуну довоенная отпускная цена составляла 39,5 руб., а теперешняя отпускная цена составляет 50 руб., по рельсам — 68 и 135, т. е. индекс около двух; по железу среднесортному индекс 1,5, по листовому железу — 1,5, по руде железной — 1,35, по пиломатериалам — 2 и т. д. Развернувшаяся широкая борьба за отказ от государственных дотаций может быть усилена приведением отпускной цены в соответствие с плановой себестоимостью, которая будет задана промышленности с тем, чтобы развить активную борьбу за рентабельность.

Громадные сдвиги произошли в 1935 г. в сельском хозяйстве. Сталинский устав сельскохозяйственной артели дал мощный толчок к укреплению колхозов, к улучшению их работы, к повышению урожайности, повышению зажиточности колхозников. Посевной план 1935 г. перевыполнен почти по всем основным культурам: по зерновым — 106%, по свекле, льну и хлопку 100,2 — 100,5%, а всего посеяно 103,8% плана — 94,4 млн. га. Причем посевы произведены в более ранние сроки. Так, по зерновым в 1933 г. на 20 мая было посеяно 73%, в 1934 г. — 84, в 1935 г. — 93%; по льну в 1933 г. — 34% в 1934 г. — 68, в 1935 г. — 95%; по сахарной свекле в 1933 г. — 23% в 1934 г. — 88, в 1935 г. — 97%.

Наряду с этим улучшилась также и обработка посевов. Прополка зерновых колосовых в 1933 г. охватила 38% всей площади,

в 1934 г. — 62, в 1935 г. — 73%. Третья обработка хлопчатника произведена в 1934 г. к 20 июля на 49%, в 1935 г. — на 93%. Третья поливка хлопчатника охватила в 1934 г. на 20 августа 60% площади, в 1935 г. — 81%. Первая прополка подсолнуха произведена в 1934 г. на 77%, в 1935 г. — на 88%. Улучшилась также работа тракторного парка. На 20 сентября произведено всех тракторных работ в переводе на пахоту: в 1934 г. — 46 млн. га, в 1935 г. — 74 млн. га. Выработка на один 15-сильный трактор составила в 1934 г. 299 га, в 1935 г. — 313. Убрано комбайнами на 20 сентября в 1934 г. 1 000 тыс. га, в 1935 г. — 5 770 тыс. га. На один комбайн убрано в 1934 г. 78 га, в 1935 г. — 219. Резко растет подъем зяби: в 1933 г. поднято 24,1 млн. га, в 1934 г. — 32 млн., в 1935 г. — 42 млн. га.

Это улучшение обработки полей сказалось в значительном росте урожайности. По предварительным данным, урожайность по всем основным культурам приближается к плановой. Успешный ход хлебозаготовок и заготовок сырьевых культур, проходящих в значительно более короткие сроки, чем в предыдущем году, показывают огромный рост нашего сельского хозяйства.

Ряд сообщений о предварительных расчетах выхода зерна и других продуктов на один колхозный трудодень показывает, что и в отношении материального уровня жизни колхозников 1935 год дает дальнейший рост. Лозунг т. Сталина о зажиточной жизни колхозников осуществляется быстрыми темпами.

Мы далеко не исчерпали богатейшего материала о росте хозяйственной базы нашей страны. Лишь в самых общих чертах мы показали важнейшие сдвиги в нашем хозяйстве. Но и из этих данных совершенно бесспорно вытекает тот общий вывод, что хозяйство наше, хозяйство социалистическое, стоит на верном пути. К XVIII годовщине Великой октябрьской революции мы подходим на крутом хозяйственном и культурном подъеме. Этот подъем захватывает все новые и новые отрасли. Техническая реконструкция хозяйства распространяется постепенно и на отсталые участки, которые еще сдерживают наш рост. 1935 год является крупным шагом вперед по пути укрепления социализма, по пути осуществления великих задач второй пятилетки. Эти успехи облегчают наш дальнейший рост в 1936 г.

Освоение новых заводов и новой техники и проблема кадров

Проблема кадров является центральной и решающей проблемой освоения. Этот тезис неоднократно подчеркивался т. Сталиным. С особой силой он подчеркнут в его выступлениях на приеме делегации металлургов 26 декабря 1934 г. и в речи на выпуске академиков Красной армии 4 мая 1935 г. «Чтобы привести технику в движение и использовать ее до дна, нужны люди, овладевшие техникой, нужны кадры, способные освоить и использовать эту технику по всем правилам искусства. Техника без людей, овладевших техникой, — мертва. Техника во главе с людьми, овладевшими техникой, может и должна дать чудеса»¹.

Человек является активной стороной производительных сил. «Первая производительная сила всего человечества есть рабочий, трудящийся»².

Однако в условиях капиталистического способа производства отношение живого и мертвого труда, непосредственного производителя и средств производства получает превратное выражение. Отделение непосредственного производителя от средств производства и сосредоточение этих последних в руках капиталиста превращает их в орудия производства прибавочной стоимости. Орудия производства выступают как чуждая рабочему внешняя сила, подчиняющая его господству капитала. С развитием машины это превратное отношение, указывает Маркс, «получает технически осязательную реальность». На капиталистической фабрике «выступает, как может казаться самостоятельно и независимо от труда, вместо того чтобы подчиняться ему, железный человек против человека из плоти и крови. Подчинение труда капиталу... выступает тут как технологический факт»³.

Отношение непосредственного производителя к средствам производства при капитализме определяет и особое положение его в отношении овладения средствами и процессом производства. При капитализме не рабочий овладевает машиной, а наоборот, машина овладевает рабочим. Вся система средств производства и организационных мероприятий направлена к овладению непокорной живой рабочей силой и обеспечению «нормального» хода эксплуатации ее. Этому подчинено всякое техническое усовершенствование при капитализме, этому служит соответствующая организация труда и управления на капиталистической фабрике, а также весь аппарат буржуазного государства. Активное техническое освоение средств труда рабочим возможно лишь на базе экономического «освоения» их, т. е.

¹ Речь т. Сталина на выпуске академиков Красной армии 4 мая 1935 г., Партиздат, стр. 12.

² Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 298. Подчеркнуто Лениным.

³ Маркс, Тетради по вопросам техники. Цитируем по статье т. М. Рубинштейна в «Большевике» № 1—2 за 1932 г., стр. 20.

на базе перехода средств производства в общественную собственность. В СССР, где средства производства являются собственностью пролетарского государства, создана основная предпосылка успешного и действительного освоения и развития новой техники. Живой труд впервые занял свое настоящее место в отношении средств производства, превратившись из придатка к машине в активного субъекта производственного процесса. В СССР осуществлено предсказанное Марксом положение, когда «комбинированный коллективный рабочий или общественный трудовой организм является развивающей деятельностью субъектом, а механический автомат—объектом»¹. Это изменение отношения непосредственного производителя к средствам и процессу труда коренным образом изменяет его роль и в деле освоения и развития техники, где он также выступает теперь не в роли пассивного объекта освоения, а в роли активного субъекта и творца. Впервые в истории промышленности задача освоения техники выступает в своем действительном виде как задача подчинения человеку сил природы и использования их в интересах общественного целого, а не как задача эксплуатации человека человеком. Впервые в истории важнейшая производительная сила общества получает возможность полного развития и проявления всех своих творческих задатков и способностей. В этом лежит одна из основных причин высоких темпов нашего развития и высоких темпов освоения новой техники. Этим подчеркивается и особое значение проблемы кадров в наших условиях.

Воспроизводство кадров в период реконструкции, составляющее важнейшую и органическую часть воспроизводства производительных сил, отражает на себе все особенности воспроизводства производительных сил в этот период.

Переход к новому техническому укладу, находящий свое выражение в введении новых типов и видов оборудования, новых технологических процессов, новых принципов организации производства, определяет необходимость появления ряда новых квалификаций рабочих, коренных перемен в содержании ряда старых квалификаций и профессий, общего резкого подъема культуры труда. Если к примеру на старом заводе АМО было около 80 специальностей, то на новом заводе им. Сталина их насчитывается уже около 266. В связи с механизацией и введением новых типов оборудования коренным образом изменилось содержание ряда специальностей (например ручная и машинная формовка и т. д.).

Эти сдвиги в структуре кадров происходят в период реконструкции не только широким фронтом и одновременно для всех отраслей, но и в огромных темпах и масштабах. Своеобразие процесса воспроизводства кадров в период реконструкции — и в особенности на первом его этапе, о котором здесь и идет речь — как раз и заключается в том, что качественные изменения происходят в условиях огромного количественного роста, выражаясь точнее, сами качественные изменения происходят в огромных количествах и в сжатые исторические сроки. В этом особый колорит эпохи.

В самом деле, за четыре года первой пятилетки количество работающих в крупной промышленности удвоилось, причем по таким решающим и квалифицированным отраслям, как машиностроение, электротехника, химия и цветная металлургия, этот рост еще более высок. Нечего и говорить о том, что эти темпы создания кадров

¹ Маркс, Капитал, т. I, стр. 321, изд. 1932 г.

промышленности не имеют себе равных в истории капиталистической промышленности. Так, Англии для удвоения численности занятых в промышленности понадобилось около 40 лет, США — около 20—25 лет. Периодом наивысших темпов промышленного развития в США является военное пятилетие 1914—1919 гг., характеризующееся и рекордным для развития капиталистической индустрии увеличением числа промышленных рабочих. В это пятилетие число рабочих перерабатывающей промышленности США увеличилось на 2 420 тыс. чел. (с 7 026 тыс. в 1914 г. до 9 446 тыс. в 1918 г.). Однако даже эта цифра намного меньше абсолютного прироста рабочих промышленности СССР за первую пятилетку (3 206,6 тыс. чел.). Тем более скромными являются относительные темпы: увеличение числа рабочих перерабатывающей промышленности США за период 1914—1918 гг. составило лишь 34,4% против 103,5% нашей первой пятилетки; по машиностроительным отраслям, показывающим наибольший рост численности рабочих, процент увеличения составил в США за 1914—1918 гг. 82,9; у нас за годы первой пятилетки — 183,9¹. Но даже и этот скромный с нашей точки зрения прирост рабочей силы поставил перед американской промышленностью целый ряд сложнейших проблем.

Огромные количественные изменения за первую пятилетку определили с своей стороны ряд новых качественных моментов, являющихся неотъемлемой чертой воспроизводства кадров в реконструктивный период. Массовый спрос на новые кадры прежде всего по-новому ставил вопрос об источниках комплектования. В восстановительный период источниками комплектования кадров квалифицированной рабочей силы в городах, а также естественный прирост городского, в частности рабочего населения. О том, что этот источник для того периода был более чем достаточен, свидетельствует законодательство о броне подростков в промышленных предприятиях и об организованном производственном обучении подростков, входивших в броню. Но уже в первые годы пятилетки, когда развернулась грандиозная работа по осуществлению плана великих работ, стала очевидной недостаточность этого источника. Характерны в этом отношении выступления отдельных товарищей, которые, сознавая устарелость брони подростков, требовали в то время такой ее перестройки, которая обеспечивала бы как покрытие естественной убыли, так и в известной степени прирост рабочей силы за счет молодых возрастов².

Однако естественный прирост населения в городах не мог удовлетворить спроса на рабочую силу, который предъявлялся со стороны бурно растущих промышленности и строительства. В этих условиях наряду с городской и рабочей молодежью в качестве одного из главных источников комплектования рабочей силы в промышленности (о строительстве и говорить нечего) выдвигается приток новых рабочих из деревни. Это видно из приводимых ниже данных по отдельным отраслям промышленности, взятых нами из материалов профсоюзной переписи 1932—1933 гг.³

¹ Данные по американской промышленности берем из «Statistical abstracts of the United States».

² См. например статью т. Супоницкого «К вопросу о пересмотре брони подростков», журн. «Пути индустриализации» № 2 за 1930 г.

³ ВЦСПС, Статотдел, Профсоюзная перепись 1932—1933 гг., Профиздат, 1934 г.

Распределение новых рабочих по последнему занятию до поступления на производство (в % к итогу по каждому году)

Годы вступления в производство	Работа по найму			Работа не по найму				
	в сельском хозяйстве	в прочих отраслях нар. хозяйства	домашние работницы	в сельском хозяйстве	учащиеся	безработные, иждивенцы, пенсионеры	прочие	
Черная металлургия	До 1917 г.	16,9	5,1	0,3	18,7	19,8	33,0	6,2
	1918—1921	15,9	5,1	1,0	22,3	19,5	25,6	10,6
	1922—1925	20,8	5,6	1,1	28,4	14,1	19,2	10,8
	1926—1927	22,4	4,6	1,4	33,6	13,3	16,5	8,2
	1928—1929	17,7	4,3	2,0	36,5	16,3	16,2	7,0
	1930	12,7	3,2	2,7	42,7	18,5	13,7	6,5
	1931	11,0	3,2	2,7	56,0	9,7	10,6	6,8
	1932—1933	9,7	3,8	3,4	53,0	7,6	10,0	12,5
Сельскохозяйст. машиностроение	До 1917 г.	11,0	11,9	0,9	18,8	40,0	8,8	8,6
	1919—1921	13,5	13,5	1,3	20,7	31,3	5,6	14,1
	1922—1925	14,1	14,6	2,1	25,3	25,6	5,5	12,8
	1926—1927	14,1	11,9	3,1	25,9	30,1	4,7	10,2
	1928—1929	12,7	12,7	4,4	25,0	30,6	3,9	10,7
	1930	9,9	10,7	5,4	26,9	33,3	3,6	10,2
	1931	8,4	8,2	6,5	40,1	19,6	2,9	14,3
	1932—1933	9,9	9,7	4,4	38,8	14,4	3,2	19,6
Авио-автотрак-торостроение	До 1917 г.	6,0	11,6	1,0	24,8	40,3	7,1	9,2
	1918—1921	6,0	11,0	1,6	23,3	38,7	5,0	14,4
	1922—1925	8,3	9,3	1,2	27,5	35,8	4,5	13,4
	1926—1927	8,3	8,4	1,7	31,4	36,0	4,2	10,0
	1928—1929	6,5	8,2	2,2	32,5	38,1	3,8	8,7
	1930	5,5	7,4	3,3	35,0	36,8	2,8	9,2
	1931	5,2	6,7	3,6	46,4	22,5	2,8	12,8
	1932—1933	6,2	7,1	4,5	45,7	21,4	3,2	11,9
Электротехника	До 1917 г.	8,5	7,9	2,1	24,5	38,9	7,6	10,5
	1918—1921	7,2	9,3	2,6	23,8	37,0	5,3	14,8
	1922—1925	8,8	8,9	2,6	27,1	33,7	5,2	14,3
	1926—1927	8,5	7,6	3,0	29,9	35,8	4,5	10,7
	1928—1929	6,5	7,2	3,3	27,7	41,5	4,4	9,4
	1930	4,5	7,4	3,8	27,3	43,5	3,9	9,6
	1931	3,9	7,7	5,3	40,4	26,6	3,2	12,7
	1932—1933	3,9	8,0	5,4	37,6	25,1	4,6	15,4

Таблица рельефно обнаруживает две характерные особенности комплектования рабочей силы в годы первой пятилетки. Прежде всего обращает на себя внимание чрезвычайно малый удельный вес среди новых рабочих лиц, работавших по найму в других отраслях народного хозяйства, а также безработных; этот процент в 1932—1933 гг. колеблется от 10,3 в авио-автотракторной промышленности до 13,8 в черной металлургии. С известной натяжкой эти категории могут еще считаться кадрами, имеющими производственный опыт, основной же костяк новых пополнений первой пятилетки — около 90% — люди никогда в производстве не работавшие, пришедшие на промышленное предприятие впервые. Это подтверждается и данными о производственном стаже рабочих приведенных нами четырех характерных отраслей. В момент переписи удельный вес рабочих со стажем до 5 лет составлял по отдельным отраслям: черная металлур-

гия — 56,1, с.-х. машиностроение — 61,3, авио-автотракторостроение — 65,5, электротехника — 52,9.

Новые кадры первой пятилетки формируются в основном из двух источников: первый — деревня и второй — учащаяся молодежь. Удельный вес этих двух источников — от 50 почти до 70% по приведенным отраслям. При этом удельный вес и динамика этих двух источников также неодинаковы: в то время как удельный вес учащихся непрерывно падает (с 16,3% в 1928/29 г. до 7,6% в 1932/33 г. по черной металлургии), удельный вес выходцев из деревни сильно растет, доходя в отдельные годы первой пятилетки по отдельным отраслям до 40—50%.

Однако группировка новых пополнений по последнему занятию не дает еще полного представления о роли деревни в комплектовании рабочего состава промышленности, поскольку такая например категория, как учащиеся, также формировалась в значительной степени за счет крестьянской молодежи. Так например в школах ФЗУ тяжелой промышленности число выходцев из деревни достигало значительной цифры и составляло по отдельным годам (в %):¹:

	1930 г.	1931 г.	1932 г.
Рабочих	67,6	54,3	46,8
Колхозников и единоличников	15,1	30,3	40,1
Прочих	17,3	15,4	12,2

Поэтому для характеристики удельного веса деревни в новых пополнениях правильнее взять группировку по социальному происхождению.

Социальное происхождение рабочих по четырем отраслям тяжелой индустрии по годам вступления в производство (в % к итогу по каждому году)

Годы вступления на производство	Черная металлургия			Сельскохозяйственное машиностроение			Авио-автотракторостроение			Электротехника		
	рабочие	крестьяне	прочие	рабочие	крестьяне	прочие	рабочие	крестьяне	прочие	рабочие	крестьяне	прочие
До 1917 г.	67,6	30,5	1,9	63,4	32,3	4,3	59,4	36,5	4,1	55,7	40,0	4,3
1918—1921	64,3	32,8	2,9	60,2	34,0	5,8	58,8	35,3	5,9	55,9	36,9	7,2
1922—1925	56,8	40,7	2,5	56,4	37,9	5,7	56,5	36,9	6,6	52,7	39,8	7,5
1926—1927	52,2	45,2	2,6	53,1	41,4	5,5	52,3	41,1	6,6	49,2	42,8	8,0
1928—1929	50,4	46,6	3,0	51,6	41,2	7,2	50,2	41,6	8,2	50,3	39,7	10,0
1930	46,5	50,3	3,1	50,1	42,0	7,9	43,8	47,2	9,0	48,6	39,9	11,5
1931	35,3	62,2	2,5	37,3	56,8	5,9	36,1	58,1	5,8	36,5	55,3	8,2
1932—1933	36,1	62,1	1,8	37,2	57,5	5,3	33,7	61,2	5,1	37,1	55,0	7,9

Как видим, в последние годы пятилетки, когда в связи с вводом в эксплуатацию новых заводов рост рабочего класса шел наиболее интенсивно, деревня сделалась основным источником новых

¹ Данные взяты из книги «Новые кадры тяжелой промышленности», изд. НКТП, 1934 г., стр. 106.

пополнений. Осуществление политики индустриализации страны не могло не означать перераспределения трудовых ресурсов между городом и деревней. Но в период первой пятилетки и отчасти второй это перераспределение в соответствии с разрешением основных реконструктивных задач должно было протекать наиболее бурными темпами. Новую промышленность, построенную на базе новейшей техники, мы должны были таким образом пускать в ход и осваивать руками новых рабочих, основную часть которых составляли выходцы из деревни.

Вполне понятно, в какой степени это обстоятельство осложняло переход к новому техническому укладу в промышленности. Наряду с тем, что основное ядро, старые кадры индустриальных рабочих переходили от наличного уровня промышленности к новому техническому укладу и в связи с этим должны были технически переквалифицироваться, новые пополнения, пришедшие из деревни и воспитанные на отсталом средневековом сельском хозяйстве, переклювались на передовую технику крупной индустрии. Это два различной глубины и различного значения процесса. Нельзя конечно, как это делает т. Герценштейн¹, в качестве «носителей кустарщины» ставить на одну доску и мастера слабо механизированного предприятия, и «пришедшего из деревни взрослого крестьянина». Между этими двумя группами, с точки зрения их производственно-технической квалификации и роли в деле перехода к новому техническому укладу, имели место глубокие различия.

Но различия между старыми и новыми кадрами идут не только по линии производственно-технической, но и социально-экономической. Рабочие действующих, хотя бы и отсталых технически, предприятий являются рабочими предприятий последовательно социалистического типа, в то время как в лице деревенского «кустаря» мы имели дело с массами вчерашних мелких товаропроизводителей со всеми навыками и предрассудками, связанными с трудом, основанным на частной собственности.

Для дополнительной характеристики выходцев из деревни следует указать на два существенных момента: резкое падение в годы первой пятилетки удельного веса батраков, с одной стороны, и резкое возрастание удельного веса середняков, с другой. Так, процент работавших по найму в сельском хозяйстве перед поступлением на производство ко всему количеству новых пополнений упал в черной металлургии с 20,8 в 1922—1925 гг. до 9,7 в 1932—1933 гг., по электротехнике соответственно — с 8,9 до 3,9, по авио-автотракторостроению — с 8,3 до 6,2, по с.-х. машиностроению — с 14,1 до 9,9. Что касается удельного веса отдельных социальных групп среди выходцев из деревни, имевших собственное хозяйство, то известное (хотя и не совсем точное) представление об этом дает группировка по социальному происхождению с разбивкой выходцев из деревни по социальным группам (см. табл. на стр. 33).

Таблица рисует совершенно отчетливую картину роста удельного веса середняков. Удельный вес этой группы повысился в 1931 г. по сравнению с 1918—1921 гг. по черной металлургии почти в двое. Мы считаем, что эти данные скорее преуменьшают действительные размеры середняцкого ядра среди выходцев из деревни. Таким образом как в силу изменения удельного веса самих социальных групп в советской деревне, коллективизации сельского хозяйства, резко улуч-

¹ «Проблемы экономики» № 5 за 1934 г., стр. 14;

Удельный вес середняков и бедняков среди выходцев из деревни (в % к итогу)

Год начала работы на производстве	Черная металлургия			Электротехническая промышленность		
	бедняки	средняки	колхозники	бедняки	средняки	колхозники
1918—1921	77,7	16,5	5,8	65,0	25,5	9,5
1922—1925	76,1	16,0	7,9	62,3	25,9	11,8
1926—1927	73,2	17,1	9,7	58,2	27,1	14,7
1928—1929	67,8	22,5	9,7	54,4	29,0	16,6
1930	61,8	27,5	10,7	50,4	32,8	16,8
1931	57,2	31,0	11,8	46,1	36,2	17,7
1932—1933	60,4	28,0	11,6	48,6	34,5	16,9

шившей положение крестьянства, а также и — это здесь главное — в силу огромного спроса промышленности и других секторов на рабочую силу, затронувшего самые глубинные слои деревни, — в результате всего этого мы и имели значительное «осереднячивание» новых пополнений. Конечно середняк, шедший в город в годы первой пятилетки, был уже другим по сравнению с годами восстановительного периода, а тем паче с дореволюционными годами: он был культурнее, политически сознательнее. Средняк в 1929 г. повернул в сторону колхозов, продемонстрировав тем самым свое доверие советской власти и партии. Тем не менее вовлечение в промышленность значительных масс крестьянства, тесно связанного с землей, несомненно усиливало позиции частнособственнических пережитков среди новых пополнений.

Превращение деревни в основной источник комплектования рабочих кадров, а также отмеченные выше изменения в составе выходцев из села — все это естественно сильно усложняло проблему освоения и расширяло ее объем далеко за пределы только технического освоения новых средств производства. В этих условиях составной частью проблемы являлось перевоспитание громадной толщи нового отряда пролетариата в духе социалистического труда. Особое значение этой задачи определяется новым отношением непосредственного производителя к средствам труда, его активной ролью в процессе производства на предприятиях последовательно социалистического типа. Эти отношения на наших предприятиях, представляющих собственность пролетарского государства, являются заранее данными.

Однако реализация всех преимуществ нового типа производственных отношений во многом зависит от того, насколько адекватно ему сознание непосредственного производителя. Реконструкция решающей производительной силы включает в себя в условиях реконструктивного периода не только приведение ее в соответствие с новыми, технически совершенными средствами труда, но и (это относится к основной массе выходцев из деревни) с новой системой производственных отношений: преодоление пережитков частнособственнической психологии, воспитание подлинно социалистического отношения к средствам труда, воспитание новых стимулов и новой дисциплины труда. Эта последняя задача разрешается по необходимости одновременно с первой и в тесной связи с ней; разрешение ее, с другой стороны, является базой для успешной организации пафоса освоения новой техники.

¹ Профсоюзная перепись 1932—33 гг. ВЦСПС Статотдел, стр. 94—95, 122—123.

Процесс превращения сотен тысяч вчерашних единоличников в сознательных работников передовых промышленных предприятий естественно не мог не проходить в условиях ожесточенной классовой борьбы. Беспощадная борьба с классовым врагом, а также с его агентурой внутри партии являлась необходимым условием успешного выковывания новых кадров промышленности, успешного освоения новой техники.

Характерные черты комплектования рабочих кадров, отмеченные нами для промышленности в целом и отдельных ее отраслей, наиболее резкое выражение получили естественно на новых заводах, где в короткие сроки заново должны были создаваться многотысячные коллективы. В силу этого состав рабочих новых заводов является и гораздо более «окрестьяненным» по сравнению с соответствующими отраслями в целом и в особенности по сравнению со старыми, хотя и реконструированными заводами. Об этом говорят следующие данные:

	Черная металлургия		Авио-автотракторостроение		Завод «Красное Сормово»
	отрасль в целом	Кузнецкий завод	отрасль в целом	ХТЗ	
% рабочих с профсоюзным стажем с 1930 г. и позже	50,5	76,1	58,6	73,1	32,4
Производственный стаж средний (лет)	6,8	4,2	5,4	4,3	8,9
% рабочих с производственным стажем до 3 лет	43,8	62,5	50,9	60,9	32,6
% » » » свыше 10 лет	25,3	12,1	17,6	10,6	39,1
% детей крестьян	45,1	63,1	45,1	62,7	37,9

Таким образом в черной металлургии в целом процент старых рабочих (со стажем свыше 10 лет) в два раза выше, чем на новом Кузнецком заводе, в то время как процент молодых рабочих (со стажем до 3 лет) почти в полтора раза ниже. Эти цифры подтверждаются данными о среднем производственном и профсоюзном стаже. Точно так же по удельному весу крестьян Кузнецкий завод сильно выделяется на фоне отрасли в целом. Ту же самую картину можно наблюдать и в автотракторостроении, хотя здесь эти различия несколько менее выражены в силу молодости отрасли в целом. Всю же глубину происшедших сдвигов в комплектовании рабочего состава и особое положение в этом отношении новых заводов можно понять, лишь сравнив их с типичным «старым», хотя и реконструированным заводом.

К этому следует добавить, что новое строительство первой пятилетки являлось важнейшим методом реконструкции старого размещения производительных сил, орудием индустриализации ранее отсталых районов и республик. В связи с этим на новые заводы в новых районах ложилась дополнительная задача — создание кадров промышленного пролетариата из местного населения, вовлечение в промышленность наиболее отсталых национальностей. Укажем для

примера, что в действующих цехах Кузнецкого завода на 1 декабря 1933 г. работало 780 казаков, из них в доменном цехе 96 чел. (18,7% общего числа рабочих цеха), в мартеновском — 89 чел. (9,8%) и в прокатном — 83 чел. Многие из них к этому времени были на квалифицированных работах. Для полной характеристики условий комплектования для новых заводов рабочей силы следует также указать, что в отличие от реконструируемых заводов здесь заново и притом в короткие сроки должен был создаваться коллектив завода в составе всех основных категорий работников. Все это придавало проблеме кадров в период пуска и освоения новых заводов совершенно исключительное значение и остроту.

Чрезвычайно сложной в этих условиях была уже задача набора новых рабочих. Указание т. Сталина об организованном наборе рабочих имело для новых заводов сугубое значение. Но, разумеется, еще более сложной была задача превращения — и при этом в кратчайший срок — вчерашних одиноличников в квалифицированных рабочих социалистических предприятий, оснащенных передовой техникой. Буржуазные экономисты всеми силами пытались доказать невозможность разрешения этой задачи. Так например в аргументации Преодоля в защите его теории «постепенности» индустриализации СССР одно из главных мест занимает утверждение, что невозможно создать в короткие сроки необходимые кадры. «Руководство, организация, труд растут вместе с задачами». Преодоль не может не признать огромного внимания, уделяемого в СССР делу технического образования. Этот труд, говорит он, принесет свои плоды. «Но, — и здесь его центральная мысль, — плоды зреют медленно. Первое поколение из деревни не может поставить квалифицированного промышленного труда»¹. Большевики, оказывается, забежали вперед на целое поколение.

В этих утверждениях Преодоля нет ничего оригинального. Примерно тот же круг мыслей развивался Базаровым еще в 1928 г., в период атаки, которую предприняли наши «собственные» Преодоли против первой пятилетки. В одной из своих статей Базаров, подвергая критике наметки пятилетки, в качестве основного аргумента выдвигал трудности, связанные с проблемой кадров. «Но самое узкое из узких мест, — писал он, — воспроизводство квалифицированной рабочей силы...» «Как и всякая подлинная революция, культурная революция не может быть «сделана» — она происходит, и сознательные усилия революционеров могут быть направлены лишь к тому, чтобы... «облегчить муки родов»².

В этой цитате как нельзя лучше саморазоблачается узкий кругозор буржуазного экономиста, не могущего выйти за рамки понятных ему капиталистических отношений. Буржуазный экономист не может понять, что воспроизводство кадров стихийно происходит в условиях капиталистического хозяйства, в условиях же хозяйства социалистического культурная революция действительно делается. Живая практика социалистического строительства показывает это лучше всяких слов. На приеме делегации металлургов т. Сталин, подытоживая пройденный путь, сказал: «За 3—4 года мы создали кадры технически грамотных людей как в области производства машин всякого рода (тракторы, автомобили, танки, само-

¹ «Weltwirtschaftliches Archiv», В. XXXVI, Н. 2, S. 463.

² «Экономическое обозрение» № 6 за 1928 г., стр. 63—64.

леты и т. д.), так и в области их массовой эксплуатации»¹. За 3—4 года мы успешно разрешили как первую часть задачи — мобилизацию миллионных масс новых рабочих, так и вторую труднейшую часть — перевоспитание их в духе социалистического труда, превращение их в сознательных и квалифицированных работников социалистической промышленности.

Разрешение этой задачи проходило в борьбе против теорий буржуазных экономистов и оппортунистов всех мастей. В речи на приеме делегации металлургов т. Сталин сказал: «Перед нами стояла дилемма: либо начать с обучения людей в школах технической грамотности и отложить на 10 лет производство и массовую эксплуатацию машин, пока в школах не выработаются технически грамотные кадры, либо приступить немедленно к созданию машин и развить массовую их эксплуатацию в народном хозяйстве, чтобы в самом процессе производства и эксплуатации машин обучать людей технике, выработать кадры»². Так стояла проблема. И партия выбрала не первый, рекомендованный всеми буржуазными экономистами путь, а второй, и достигла здесь блестящих успехов. Следует ли отсюда, что этот второй путь отрицал всякую вообще предварительную производственную подготовку новых рабочих? Разумеется, нет, и на это ясно указывает та неусыпная забота о подготовке кадров для новых заводов, которую проявляли ЦК и лично т. Сталин³.

Предварительная подготовка в условиях первой пятилетки приобретала особое значение. Это значение определялось высоким техническим совершенством новой промышленности, другими словами, фактом массового перехода к новому техническому укладу, с одной стороны, и уже отмеченными особенностями комплектования кадров новых рабочих — с другой.

Основываясь на практике заводов Форда, иностранные авторы много постарались в распространении мысли о том, что с прогрессом техники ликвидируется по существу необходимость в предварительной подготовке. Даже Robert W. Dunn формулирует эту мысль следующим образом: «Но постоянная машинизация промышленности сметает их (т. е. квалифицированных рабочих. — И. К.) численное превосходство и оставляет «типичного авторбочего», простого машинного оператора с работой, к которой он может быть подготовлен в несколько минут или часов. Квалифицированный механик с предварительным опытом и учебным обучением почти полностью вытеснен ходом автоматической машины и новыми технологическими процессами»⁴. Любопытнее всего, что уже те данные, которые автор позаимствовал у Lutz и которыми он пытается подкрепить свое утверждение, находятся с ним в большом противоречии. В самом деле, по этим данным выходит, что если 44% рабочих со-

¹ «Правда» от 29 декабря 1934 г.

² Там же.

³ См.: например постановления ЦК о подготовке к пуску Горьковского завода, Московского завода им. Сталина, Уралмашстроя, Уралмедстроя и др., а также решения партсъездов, в частности XVI партсъезда.

⁴ Robert W. Dunn, *Labor and automobiles*, New York, 1929, p. 59. Подчеркнуто мной. И. К.

временного автомобильного завода нуждаются (не нуждаясь и себя автор не обнаружил) в подготовке сроком от одного месяца и менее, то целых 43% нуждаются в предварительной организованной подготовке от 2 до 6 месяцев, а остальные 13% — от 6 мес. до 4 лет. Уже эти цифры показывают, что «теория» «полного вытеснения квалифицированного рабочего с ученическим обучением» не соответствует действительности даже в области капиталистической автотракторной промышленности.

Однако эта «теория» отражает известную реальность, свойственную капиталистическому способу производства. Отношение капиталиста к организованной подготовке рабочей силы определяется тем, что эта подготовка требует значительных единовременных затрат и действует в направлении повышения стоимости рабочей силы. Отсюда стремление капиталиста при помощи все большей механизации и разделения труда, повышением квалификации орудий труда снизить квалификацию рабочего и тем самым сузить круг лиц, требующих предварительной подготовки, и уменьшить время этой подготовки. Однако и из этого, до крайности суженного круга организованную предварительную подготовку получают лишь некоторые, особо важные с точки зрения капиталиста категории. Сюда относятся прежде всего кадры, осуществляющие на капиталистическом предприятии функции надзора, по терминологии Маркса, «промышленные унтер-офицеры» и надсмотрщики¹, эта ведущая категория в деле капиталистического «освоения» рабочей силы. Не скрывают этого и сами капиталисты. Форд например в свое время прямо заявлял: «Нам нужны люди, которые способны преобразовать бесформенную массу в здоровое, хорошо организованное целое в политическом, социальном и моральном отношениях». Пеффер, как и другие знатоки профессионального образования в Америке, заявляет, что «организованное обучение на большинстве заводов ограничивается обучением мастеров»². Подготовка же основной массы рабочих объявляется их личным делом. «Методика подготовки этого типа рабочих в Германии совсем не проработана, а сама подготовка этой категории рабочих происходит стихийно, вне фабзавуча, вне каких-либо иных организованных форм или учреждений»³. И это, разумеется, характерно не только для Германии, а для капиталистической промышленности вообще.

Причина особого внимания к мастеру хорошо показана Пеффером. Пеффер совершенно справедливо подчеркивает, как он выражается, «плоский факт исчезновения персональных связей в фабричный век», т. е. непосредственных, личных связей между эксплуатируемым и эксплуататором, которые в век монополий и гигантской концентрации производства заменяются связями через полномочных представителей капитала. «Шеренги рабочих вступают в контакт только с теми, кто работает в данном помещении. Их контакт с компанией осуществляется через мастера»⁴.

Мастер на современном капиталистическом предприятии — это тот полномочный представитель капитала, который входит в непосредственные отношения с «неорганизованной массой», преобразует ее

¹ Германская рабочая молодежь так и окрестила фабрично-заводские школы Германии «логовищами для взращивания будущих надсмотрщиков».

² Peffer, Educational experiments in Industry, New York, 1932.

³ Б а б и н - К о р е н ь, Подготовка рабочей силы в Западной Европе и Америке, стр. 126.

⁴ Цит. книга.

«в здоровое целое», одним словом, является центральной фигурой в деле капиталистического освоения рабочей силы. Вот где секрет особого внимания к мастеру и причина скромных размеров организованной подготовки рабочих в капиталистических странах, размеров, ограниченных узким кругом надсмотрщиков и особо квалифицированных профессий. В этом же направлении действует и резервная армия труда, которая является одним из существенных моментов, суживающих рамки капиталистической сети профессионального и производственного образования¹.

Именно эта практика подготовки рабочих в условиях капитализма и легла в основу далеко идущих утверждений о том, что в связи с развитием техники ликвидируется необходимость производственного обучения для основных масс рабочих, «теорий», одно время некритически повторявшихся и некоторыми «советскими фордистами».

Между тем огромное значение предварительной подготовки для периода освоения новых заводов и новой техники в СССР совершенно очевидно. Само собой разумеется, она должна была быть приспособлена к условиям нашего развития в этот период, к темпам и масштабам создания и освоения новых отраслей индустрии. Школы ФЗУ, призванные сыграть большую роль в разрешении проблемы кадров квалифицированных рабочих, вместе с тем не могли быть единственной формой подготовки. Новые условия требовали гибкой и разнообразной, приспособленной к уровню разных групп обучающихся сети школ и других форм обучения. Это требование совершенно ясно было сформулировано в решениях XVI съезда партии, указавшего, что наряду с ФЗУ в «ближайшие годы должны получить широкое развитие краткосрочные формы подготовки и переподготовки рабочей силы»².

Фабрично-заводское ученичество получило за годы первой пятилетки огромное развитие. В этой области переход от восстановительного периода к реконструктивному пожалуй наиболее яркое и разительное: число учащихся ФЗУ тяжелой промышленности в 1930 г. увеличивается в 8, а в 1932 г. в 10 раз по сравнению с 1928 г. (в целом по промышленности число учеников в 1932 г. выросло по сравнению с 1928 г. в 4 раза). Этот рост был так значителен, что он не только поглотил все наличные ресурсы рабочей молодежи, сняв тем самым когда-то очень важную проблему «брони подростков», но и потребовал значительного вовлечения в ФЗУ крестьянской молодежи (до 41% от общего состава учеников в 1932 г.) и детей прочих групп населения. Число учеников школ ФЗУ (и типа ФЗУ) в 1932 г. составило по всей промышленности 562,7 тыс. чел.³, или 12,1% к общему числу рабочих в этом году. Для сравнения укажем, что фабрично-заводское ученичество всех видов в США в 1920 г., т. е. к концу небывалого подъема промышленности и расцвета «организованного» производственного обучения, охватывало не более 150 тыс. чел., что к числу промышленных рабочих США того времени составляет не более 1%. Характер и отсюда масштабы подготовки в капитали-

¹ Роль и значение мастера несомненно повышаются. В этом отношении неправ тов. Эвентов, утверждающий, что конвейер отодвигает на задний план надсмотрщиков (см. его статью в журнале «Плановое хозяйство» № 3 за 1933 г.). Несколько отодвигается надсмотрщик в качестве «погонялы», а не надсмотрщик вообще.

² Стенографический отчет XVI партсъезда, стр. 727.

³ На 1 I 1933 г., по данным ЦУНХУ.

стической промышленности иллюстрируются этой цифрой как нельзя лучше.

По мере развертывания школьной сети увеличивался и выпуск из школ ФЗУ. Так, если за 1930 г. было выпущено всего лишь 7,5 тыс. чел., то следующие три года по тяжелой промышленности дают такие цифры роста: 1931 г. — 30 тыс. чел., 1932 г. — 87,8 тыс., а 1933 г. — 140,1 тыс. Всего школы ФЗУ тяжелой индустрии за период с 1930 по 1933 г. выпустили около 275 тыс. квалифицированных молодых рабочих при общем приросте рабочих тяжелой индустрии за это время в 519,4 тыс. чел. Около 50% новых пополнений за этот период тяжелая промышленность подготовила через школы ФЗУ.

Но здесь же следует отметить, что этот сравнительно высокий удельный вес ФЗУ определяется в значительной мере большим выпуском последнего, 1933 г., когда к тому же численность рабочих оставалась почти стабильной. Если же рассматривать этот показатель по двум последним годам пятилетки, то получается следующая картина (в тыс.):

1931 г.			1932 г.		
Абсолютный прирост рабочих	Выпуск ФЗУ	Выпуск ФЗУ в % к абс. приросту рабочих	Абсолютный прирост рабочих	Выпуск ФЗУ	Выпуск ФЗУ в % к абс. приросту рабочих
356,8	30,0	8,3	209,0	87,8	42,0

В среднем за два последних года пятилетки, наиболее интенсивных по вводу в эксплуатацию основных фондов, удельный вес фабзавучеников в общем приросте составляет всего 20,8%. Наиболее напряженно баланс квалифицированной рабочей силы складывался для 1930 и 1931 гг., когда результаты развертывания ФЗУ не успели еще сказаться. Этим и определяется огромная роль, которую должны были играть в эти годы краткосрочные формы подготовки рабочих. Остановимся сначала на системе рабочего образования без отрыва от производства. Основной целью этой системы являлось повышение квалификации рабочих для выдвижения их на более квалифицированную работу. В эту систему входили производственно-политехнические курсы, подготовлявшие рабочих массовых квалификаций (3—4 разряды), и рабочая техническая школа, выпускавшая рабочие кадры средней и высшей квалификации и повышавшая квалификацию указанных контингентов до уровня занимаемых ими должностей. Эта форма подготовки сыграла большую роль в деле комплектования кадров реконструируемых и расширяемых предприятий¹. За годы своего существования (1931—1932) эта система подготовки дала тяжелой промышленности 346,9 тыс. чел., причем весьма характерно, что план подготовки был здесь значительно перевыполнен, в особенности по машиностроению и черной металлургии.

Остается значительная доля прироста рабочих, которые не проходили подготовки ни в школах ФЗУ, ни через систему Дополнительного рабочего образования. В большинстве своем — это основная масса рабочих новых заводов, практиковавших целый ряд особых форм ускоренной подготовки. Конечно новые заводы в порядке переброски

¹ На новых заводах она играла уже несколько иную роль. Об этом ниже.

с заводов действующих получали известное количество рабочих, прошедших ФЗУ или ДРО. По данным профсоюзной переписи, удельный вес окончивших ФЗУ по отдельным новым заводам в 1932 г. составлял: Горьковский автозавод — около 4,8%, Кузнецкий металлургический им. Сталина — 2,5% и т. д. Новые заводы широко использовали сеть профтехнического образования на действующих заводах, заключая с ними специальные договоры.

При всем том, как указывают на это материалы переписи, а также обследования отдельных заводов, основную массу рабочих новые заводы должны были пропустить через специальную сеть краткосрочных курсов и школ, организованных на самой площадке или на специальных базах. В материалах профсоюзной переписи на первый взгляд может поразить удельный вес рабочих, учившихся только в общеобразовательных школах: по ГАЗ — около 65%, по ХТЗ — около 70% и т. д. Получается впечатление, что подавляющая масса рабочих такого завода, как ХТЗ, не получила никакой предварительной организованной производственной подготовки. Между тем общеизвестно, что именно ХТЗ являлся одним из первых заводов, прекрасно организовавших предварительную подготовку. Дело очевидно в том, что перепись (да и не только перепись, а и ведомственный учет) не учла всей многообразной системы предварительного производственного обучения, которая была создана в момент пуска новых заводов. Для примера приведем хотя бы Харьковский завод. По плану комплектования и подготовки, разработанному ХТЗ, привлечение квалифицированных рабочих с действующих заводов предполагалось в размере около 23% от всего состава. Основной же костяк рабочих — около 45% — предполагалось подготовить на самом заводе в учебном комбинате и в цехах, а также на учебной базе ХТЗ, организованной на автомоторном заводе им. Лозовского. Фактически же процент подготовленных самим заводом был даже несколько выше, причем подготовка этого контингента шла при помощи краткосрочных форм обучения (до одного года) с широким использованием методики ЦИТ. Учебный комбинат завода вплоть до второго квартала 1932 г. был загружен исключительно краткосрочными формами обучения. Наряду с учебным комбинатом следует отметить также и предварительную подготовку непосредственно в цехах, проводившуюся под руководством опытных инструкторов. Таким образом основная масса квалифицированных рабочих на новых заводах была несомненно охвачена организованной предварительной подготовкой.

Но — и это следует особо подчеркнуть — предварительная производственная подготовка в условиях первой пятилетки не могла разрешить полностью задачу освоения новым рабочим новой техники хотя бы уже потому, что техническая база подготовки (учебные мастерские и цехи действующих заводов) по своему объему и уровню естественно не соответствовала требованиям новых заводов. Даже оборудование таких новых и образцовых учебных комбинатов, как комбинат ХТЗ, не обеспечивало полного разрешения задачи производственной подготовки, поскольку оборудование это было универсальным. Что же после этого говорить о старых мастерских школ ФЗУ или о цехах действующих заводов? А потребность в производственном обучении была так велика, что к разрешению этой задачи для ГАЗ пришлось например привлечь даже ремонтно-механические цехи текстильной промышленности. В этом сказывалась одна из основных трудностей перехода к новому техническому укладу.

Смысл предварительного обучения в этих условиях заключался в том, чтобы в максимальной степени подготовить нового рабочего к освоению новой техники уже в процессе производства, чтобы организованным путем облегчить и ускорить этот процесс. Широкое развитие предварительной подготовки является с этой стороны проявлением величайшей заботы пролетарского государства об основной производительной силе и вместе с тем оно обеспечивает невиданные при капитализме темпы технического освоения средств производства.

Таким образом особенности подготовки рабочих кадров в первой пятилетке и в начале второй обуславливали перенесение значительной части задачи производственного обучения на первый период работы рабочего уже непосредственно на производстве.

Объем этой задачи можно в известной степени иллюстрировать теми разрывами в квалификации рабочих и выполняемых ими работ, которые имели место на первых порах жизни новых заводов. Приведем для примера Уралмаш.

Квалификация работ и рабочих механического цеха Уралмаша в начале 1935 г.

Профессии	Средний разряд рабочих	Средний разряд выполняемой ими работы
Токари	3,22	5,25
Строгальщики	2,61	4,30
Сверловщики	2,57	3,81
Карусельщики	2,65	4,87
Расточники	2,78	5,12
Зуборезы	2,25	4,88

Уралмаш — предприятие индивидуального производства с уникальным и чрезвычайно сложным оборудованием, ознакомление с которым возможно исключительно в производственной обстановке. Разрывы здесь должны были естественно получить наиболее резкое выражение. Однако они имели место и на всех других новых заводах, и не только на новых, но и на реконструируемых заводах тяжелой промышленности. На действующих заводах это вызывалось увеличением потребности в квалифицированной рабочей силе в результате расширения производства, а также и в результате переброски известного числа квалифицированных рабочих на новые заводы. Эта потребность в значительной своей части покрывалась за счет передвижки рабочих с менее квалифицированных на более квалифицированные работы, причем в отдельные моменты эта передвижка шла особенно интенсивно. В результате явление, отмеченное нами по Уралмашу, носило общий характер.

Как показывают материалы переписи оборудования машиностроительной промышленности Московской области, 22% всех станочников в момент переписи (1932 г.) выполняли работу более высокого разряда, чем тот, по которому они на работе тарифицированы. Большого интереса заслуживают величина и характер отклонений по разрядам¹.

¹ Данные взяты из неопубликованной работы т. Кваша о квалификации станочников в машиностроительных предприятиях.

Группы станков по разрядам обслуживающих их рабочих	Удельный все рабочих, разряд которых ниже разряда выполняемой ими работы
I	69,7
II	19,0
III	18,7
IV	15,7
V	11,3
VI	8,0
VII	2,2
VIII	—
В среднем 22,0	

Приведенная таблица, поскольку она охватывает машиностроение области в целом, дает среднюю для всех предприятий картину. На новых и значительно реконструированных предприятиях отклонения были несомненно более резко выражены. Таблица свидетельствует о факте интенсивного передвижения рабочих с менее квалифицированных работ на более квалифицированные, передвижения, связанного с огромным увеличением потребности в квалифицированной рабочей силе, в особенности массовых квалификаций (II, III и IV разряды) и о вовлечении в промышленность огромных масс новых рабочих, подъем квалификации которых происходит в процессе работы.

Однако расхождение между разрядом рабочего и выполняемой им работой дает лишь очень слабое и одностороннее представление о характере и объеме того несоответствия между квалификацией рабочих и поручаемыми им работами, которое имело место в начальной стадии периода освоения. Тарифный разряд рабочего не может отразить ряд качественных моментов перехода к новым типам оборудования и новым технологическим процессам. Ведь даже старый высоко разрядный рабочий также должен был известный срок, даже на работе по разряду низшему, тратить на ознакомление с новым типом оборудования. Наконец для новых рабочих, впервые вовлеченных в производство, необходимо было известное время для того, чтобы войти в производственную жизнь крупного предприятия, освоиться с новой для них обстановкой. Все это определяло совершенно особое значение первого периода производственной работы новых рабочих: на этот период переносилась значительная, если не главная, часть задачи создания новых квалифицированных кадров, когда в самом процессе производства и эксплуатации машин необходимо было «обучать людей технике, выработать кадры» (Сталин).

Этот период требовал к себе поэтому особого подхода и особого внимания. Успешное овладение новой техникой необходимо было организовать. И следует подчеркнуть, что практика освоения наших новых заводов, где эта проблема стояла в своей наиболее острой форме, и в этом отношении демонстрирует огромнейшие преимущества социалистической системы хозяйства, ее огромные возможности, ее заботу о живом человеке.

Для капиталистической промышленности наряду с отсутствием предварительной подготовки для основной массы рабочих характерно также и отсутствие организованного обучения и повышения квалификации в процессе производства. Типичным для ввода в производство рабочей силы является положение, отмеченное Пейффером,

когда новый рабочий в первые дни «натаскивается» мастером, «а затем предоставляется самому себе для получения необходимых знаний и информации путем наблюдения и восприятия». Это замечание Пейффера относится к довоенному периоду. Но характерно, что то же самое явление Пейффер вынужден был отметить и для периода военного подъема и для позднейших лет. «Почти повсюду теперь, — пишет он, — новый рабочий, хотя бы неопытный, посылается в первый же день к машине или станку, где его обязанности показывает ему мастер... Все, чему он учится, после этого достигается путем наблюдения и он узнает нужное ему от мастера. Вероятно, что в большинстве случаев то, чему он учится, является результатом его наблюдений»¹.

Иное положение у нас. Об этом легко судить по тому широкому размаху, который получила у нас последующая техническая учеба без отрыва от производства как на реконструированных, так и в особенности на новых заводах. Так, по данным профсоюзной переписи, на Магнитгорском заводе в момент переписи (1932 г.) в производственно-технических кружках обучалось 28,6% всех рабочих, по заводу «Коммунар» — 30,3, по Кузнецкому металлургическому заводу — 17,5, по ХТЗ — 10% и т. д. Следует отметить, что и эти цифры преуменьшены, особенно по последним двум заводам. По заводским данным, в январе 1933 г. на ХТЗ обучалось в кружках около 2 047 чел., что к числу всех рабочих составляет более 20%; точно так же на Кузнецком заводе на 1 января 1933 г. было охвачено курсами и кружками по повышению квалификации 3 489 чел., т. е. 31%. Это значит, что через кружковую и курсовую сеть проходит основная масса рабочих наших заводов. Характерно, что учебной охвачены не только новые, только что пришедшие в промышленность рабочие, но и старые кадры, имеющие большой производственный стаж. Данные профсоюзной переписи показывают, что процент обучающихся (в момент переписи) среди старых кадров даже несколько выше по сравнению с новыми. Это на первый взгляд странное явление объясняется интенсивной передвижкой старых рабочих на более квалифицированные работы, необходимостью и для них освоить новые типы оборудования в самом процессе производства. С другой стороны, низкий процент обучающихся среди новых рабочих объясняется большим удельным весом среди них неквалифицированных рабочих, а также и моментом переписи, не совпадавшим по ряду заводов с моментом развертывания краткосрочных форм обучения новых рабочих.

Техническая учеба в первый период работы у новой машины являлась лишь одним из элементов освоения. Основная линия борьбы проходила непосредственно у механизмов и агрегатов. Если целый ряд технических знаний рабочий мог получить уже в период предварительной подготовки, то практическое знакомство с машиной, приобретение ряда основных производственных навыков — все это в условиях перехода к новому техническому укладу достигалось уже в производственной обстановке. Огромное значение приобретал в этом отношении период монтажа и особенно период производственной наладки оборудования, на долю которой выпадала основная тяжесть дообучения новых кадров.

¹ Peffer, цит. книга. Подчеркнуто мной. — И. К.

Решающую роль в деле приобретения производственных навыков в работе на новом оборудовании играл производственно-технический инструктаж, проводившийся как специальными инструкторами, часто иностранцами, так и техническим персоналом завода. Этот инструктаж, как небо от земли, далек от того «натаскивания», которое характерно для капиталистической промышленности. Новое отношение к труду и средствам труда на социалистическом предприятии коренным образом отличает роль нашего мастера от роли мастера на капиталистическом предприятии: там — надсмотрщик, охраняющий и представляющий интересы капитала, у нас — старший товарищ, с энтузиазмом передающий свой опыт молодежи, которая с таким же энтузиазмом этот опыт воспринимает.

На товарищеской беседе изотовцев, организованной на Кузнецком заводе 16 декабря 1933 г., отдельные мастера цехов рассказывали, с какой заботой они воспитывали новых рабочих завода и как эти новые рабочие быстро и успешно росли. Новое отношение к труду и учебе наиболее яркое выражение получило в изотовском движении, а на новых заводах — в шефстве кадровиков над новичками, сыгравшем в деле разрешения проблемы кадров большую роль. Для характеристики размаха этой одной из общественных форм учебы укажем, что на Кузнецком заводе в октябре 1933 г. шефством было охвачено 1 300 рабочих. Шефство оказалось одной из самых эффективных форм передачи производственного опыта, оно в ряде случаев восполняло даже и отсутствие необходимой предварительной подготовки. В этом движении замечательно не только новое отношение старшего поколения рабочих к молодым, но и энтузиазм молодежи, быстро воспринимающей производственный опыт и стремящейся в свою очередь быстро передать его другим. Вчерашние подшефные сегодня сами берут шефство над новичками и готовят квалифицированных рабочих.

Вот ряд примеров из практики шефства над КМЗ в 1933 г.¹

Колхозники Пономаренко и Гаврилов, подготовленные обергазовщиком Гаврилюком на старших газовщиков, сами готовили себе помощников. Пономаренко обучил уже двух рабочих. Один из них Золотарев, бывший чернорабочий, работает газовщиком на первой домне. Хорошо знает свое дело. Другой, бывший второй подручный горнового Ермолаев, также работает газовщиком. Первый подручный, сталевар Устинский, подготовленный мастером Силиным на сталевара, работая самостоятельно сталеваром, обучил первого подручного Матюшенко на сталевара и второго подручного Кузьмина на первого подручного. Тот же мастер Силин подготовил сталевара Майдана на мастера. Сам Майдан, работая сталеваром, обучил второго подручного сталевара Мельникова на первого подручного и т. д. и т. п.

Налицо как бы целая цепь передачи производственного опыта, своего рода конвейер подготовки кадров, возможный только в условиях социалистического предприятия и обусловивший огромные темпы разрешения этой проблемы. Следует при этом отметить и то замечательное явление, что вчерашние подшефные зачастую оказывались лучшими учителями, чем их шефы. Бывший землекоп на строительстве Кузнецкого завода, а затем горновой на домне т. Селицкий, рассказывая на совещании изотовцев, как его учили и как

¹ Из работы т. Гайдуль «Проблема кадров на КМЗ в связи с задачей освоения завода», ИПЭИ (рукопись).

он жадно учился, в заключение сказал: «Теперь я учу первых и вторых подручных. Я их учу лучше, чем меня учили»¹. И он говорил это с полным правом, ибо, учась, он искал кратчайших и наиболее экономных путей обучения, которые он и применяет сейчас.

Шефство кадровиков над новичками — это яркая, но далеко не единственная общественная форма учебы. Пафос освоения вызвал к жизни целый ряд других форм: партийно-технические конференции по отдельным вопросам, вечера по отдельным профессиям и другие, сыгравшие большую роль в деле освоения новой техники.

Огромнейшее принципиальное и практическое значение имеет постановление правительства о техминимуме, вынесенное к моменту наиболее острых боев за освоение новой техники (июнь 1932 г.) В этом постановлении устанавливалась необходимость в целях успешного освоения техники ввести для рабочих, обслуживающих сложные агрегаты и установки, обязательный техминимум, включающий в себя определенный минимум как технических знаний, так и практических навыков, необходимых для выполнения данной работы. Это постановление отражает огромный сдвиг в техническом базисе страны, переход к новому техническому укладу, с одной стороны, и необходимость организованной помощи делу выковывания кадров в самом процессе производства — с другой. Дело подготовки рабочих в процессе производства этим постановлением организовывалось в масштабе всей страны и вводилось в определенное организационное русло. Закон о техминимуме в частности дает возможность определить количественный объем задачи доподготовки. Достаточно указать, что только по 255 ведущим профессиям тяжелой промышленности около одного миллиона рабочих обязаны были сдать гостехэкзамен. Для прохождения техминимума были организованы новые тысячи специальных кружков, групп, консультаций, а также широко развернут производственный инструктаж, тесно увязанный с обучением в кружках. На 1 июля 1935 г. сдали гостехэкзамен уже 90,5% всех рабочих, обязанных сдать техминимум, из них на «отлично» сдало 28%, на «хорошо» — 43%, на «удовлетворительно» — 29%. Уже эти цифры говорят об огромных успехах в деле технического роста наших кадров, в деле освоения новой техники.

Какое огромное значение имела организация технической учебы в процессе производства в порядке прохождения техминимума, об этом очень убедительно рассказывают сами рабочие. Оператор 36-го пролета тракторного цеха ХТЗ т. Маслова говорит, что обращение со станком она впервые усвоила из объяснений инструктора. «Я узнала, как одевать деталь, как пускать станок, когда кончается обработка, и как снять деталь, но «души» станка я не знала». «Душу» станка она постигла; лишь пройдя школу техминимума и сдавши соцтехэкзамен. Инструктор на зуборезных станках того же цеха т. Минаева точно так же указывает, что по-настоящему она поняла станок лишь после окончания технической учебы. «Совсем по-иному я подхожу теперь к станку, овладев им и сдавши соцтехэкзамен»². То же самое говорят и другие рабочие завода, успешно освоившие новую сложную технику.

Рост кадров в результате огромного развертывания технической учебы и успехи в освоении новой техники прекрасно иллюстриру-

¹ Стенограмма товарищеской беседы иззотцов на КМЗ 16 декабря 1933 г. Подчеркнуто мной. — И. К.

² См. «ХТЗ — завод массовой технической учебы».

Квалификационный рост рабочих кадров новых машиностроительных заводов

Заводы	Годы	Число учтен- ных ра- бочих	Распределение рабочих по разрядам тарифной сетки на 1/VII 1932 г., 1/X 1933 г. и 1/XI 1934 г. (в %)								Средний тариф- ный разряд	
			1	2	3	4	5	6	7	8		без разряда
Ростсельмаш	1932	14 048	13,3	37,1	23,4	12,2	7,0	4,5	2,1	0,4	—	2,9
	1933	11 440	10,4	37,0	20,0	12,6	9,7	5,6	2,6	1,2	—	3,0
	1934	10 789	3,5	35,2	20,7	14,5	11,3	7,6	4,0	1,3	1,9	3,4
Коммунар	1932	6 715	17,0	41,6	28,3	6,8	3,4	1,8	1,1	—	—	2,5
	1933	4 901	13,9	32,6	25,4	11,8	8,1	4,6	2,2	1,9	—	3,0
	1934	3 899	7,4	35,3	25,0	15,3	7,9	3,1	1,9	0,6	3,5	3,0
ЗИС	1932	14 149	14,6	31,0	23,4	14,7	8,7	4,8	2,5	0,3	—	3,0
	1933	14 759	9,3	28,2	23,5	16,7	10,4	5,0	2,3	0,5	4,1	3,2
	1934	12 466	2,8	25,9	25,8	17,3	13,5	6,7	3,9	1,3	2,8	3,6
СТЗ	1932	13 123	2,5	26,9	30,1	19,6	11,5	6,6	2,2	0,6	—	3,4
	1933	14 286	1,6	24,6	30,4	16,7	9,8	6,4	3,5	0,4	6,6	3,5
	1934	15 387	1,2	19,7	31,1	18,2	13,4	7,8	3,2	0,3	6,1	3,6
ХТЗ	1932	13 008	8,9	25,3	30,8	16,7	8,1	4,5	3,6	2,1	—	3,3
	1933	13 885	5,2	28,0	27,2	16,0	9,2	5,5	3,8	2,3	2,8	3,4
	1934	10 931	2,0	24,4	29,5	18,9	9,8	6,9	4,7	2,1	1,7	3,6
Уралмаш	1932	2 270	11,2	32,8	22,6	12,0	10,4	6,7	3,8	0,5	—	3,2
	1933	6 897	8,0	21,4	23,4	16,3	11,2	7,8	4,5	0,6	6,8	3,3
	1934	9 879	10,4	22,2	24,0	16,2	11,9	6,9	3,6	0,4	4,4	3,4

ются и теми сдвигами в квалификационном составе, которые имеют место во второй пятилетке на новых заводах¹ (см. табл. на стр. 46).

Таблица показывает падение удельного веса рабочих 1, 2 и 3 разрядов — особенно резкое по 1 разряду и, наоборот, повышение удельного веса рабочих, начиная с 4 разряда и выше. Удельный вес рабочих 1 разряда падает по Ростсельмашу с 13,3% в 1932 г. до 3,5% в 1934 г., по «Коммунару» — с 17,0 до 7,4%, по ЗИС — с 14,6 до 2,8% и т. д. Менее резко выражена эта тенденция по СТЗ, освоение которого проходило ранее, и на Уралмаше, процесс пуска и освоения которого (если брать завод в целом) не закончен и сейчас.

Уменьшение удельного веса рабочих 1, 2 и 3 разрядов и повышение удельного веса высших разрядов отражают подтягивание производственно-технической квалификации рабочих низших разрядов до уровня занимаемых ими должностей, а в ряде случаев и переход их на работы более высокого разряда. Мы наблюдаем таким образом ликвидацию того несоответствия между квалификацией работы и рабочего, которое было отмечено выше и которое было характерно для определенного этапа освоения новой техники. Тем самым успешно преодолевается одна из основных трудностей периода перехода к новому техническому укладу, успешно разрешается главнейшая задача этого периода — задача создания «самого ценного капитала в мире» — кадров. Победы и здесь достигаются нами в беспрецедентные в истории кратчайшие сроки. «То, что было проделано в Европе в продолжение десятков лет, мы сумели проделать вчерне и в основном в течение 3—4 лет»². Однако нельзя успокаиваться на достигнутом. В своей речи на выпуске академиков Красной армии т. Сталин со всей силой подчеркнул, что нам еще «нехватает людей, имеющих достаточный опыт, необходимый для того, чтобы выжать из техники максимум того, что можно из нее выжать». «Если бы на наших первоклассных заводах и фабриках, в наших совхозах и колхозах, в нашей Красной армии имелось достаточное количество кадров, способных оседлать эту технику, страна наша получила бы эффекта втрое и вчетверо больше, чем она имеет теперь»³. Прошло 3—4 месяца с момента выступления вождя партии, и лучшие люди страны на основе большевистского освоения новой техники доказали это на практике. Забойщик Алексей Стаханов, кузнец Александр Бусыгин, ткачиха Виноградова, паровозный машинист Кривонос показали великолепные образцы высокой производительности труда. Базируясь на мастерском овладении новыми механизмами, Стахановы и Бусыгины идут дальше — по линии творческого преобразования трудового процесса и организации производства. Разнообразное по форме, единое по существу стахановское движение, которое становится подлинно народным, знаменует собой новую веху в развитии нашей страны. Оно означает, что рабочий класс нашей страны практически разрешает поставленную Лениным задачу достижения высшей, чем при капитализме, подлинно социалистической производительности труда.

¹ Данные взяты из неопубликованного сборника ЦУНХУ «Труд в СССР», 1934 г.

² Сталин, Речь на приеме делегации металлургов, «Правда» от 29 декабря 1934 г.

³ Речь т. Сталина на выпуске академиков Красной армии, Партиздат, стр. 12.

Задачи и перспективы советской статистики

«...Никакая плановая работа немислнна без правильного учета, а учет немислнн без статистики».

(И. Сталин)

I

Несмотря на популярность понятия статистики, а отчасти именно благодаря ей, вокруг этого предмета накопилось немало неясностей и весьма прискорбных недоразумений. Спорным до сих пор было даже право статистики называться наукой. Всякая наука, утверждают некоторые, должна, как известно, иметь свой особый предмет и метод, а статистика вовсе не имеет своего особого предмета ведения. Экономика изучает общественное хозяйство, зоология — животный мир, ботаника — растительный покров, геология — земные недра, астрономия — звездный мир, а статистика, находя себе применение в любой из этих сфер, не располагает никакой иной, только ей одной присвоенной. Отсюда делается вывод, что статистика — это только широко распространенный в различных науках метод исследования. а не особая наука¹.

Однако путем таких рассуждений легко «разжаловать с лишением пенсии и научного мундира» не только статистику, но и арифметику, и алгебру, и целый ряд других достаточно отвлеченных наук. Дело в том, что, чем конкретнее подходит наука к предмету своего ведения, тем больше он суживается по своему объему, и наоборот, чем больше отвлекается наука в своих определениях от описания конкретных фактов и деталей в интересах теоретических обобщений, тем круг ее ведения становится шире. В самом деле, как определается, скажем, предмет алгебры? Это наука о величинах и решениях уравнений, связывающих эти величины. Подобно этому арифметика определяется как наука о числах и действиях с ними. О каких величинах и числах здесь идет речь? О каких угодно. Ограничивается ли область их применения какой-либо одной сферой явлений? Нет, не ограничивается. Операции с величинами и их числовым выражением вы встретите в сфере ведения самых многообразных наук. Широкая область математики, можно сказать, перекрывает собою все более узкие области специальных наук. И тем не менее никто не сомневается, что математические дисциплины имеют свой особый круг ведения и заслуживают высокого звания науки.

Статистика в своем охвате действительности конкретнее математики. Смыкаясь своими методологическими вершинами — в теории вероятностей — непосредственно с математикой, статистика в своем учетном

¹ К этому воззрению как будто примыкает даже такой видный советский статистик, как М. Н. Смит. Ср. ее определение статистики как метода изучения массовых явлений и утверждение, что статистика не имеет специального объекта, а есть лишь метод, применяемый к разным объектам... М. Смит, Основы статистической методологии, вып. I, М.: 1923 г., стр. 113—114.

основании — текущей регистрации событий и периодических переписях — сближается с наиболее конкретными описательными науками. Тем не менее круг ее ведения еще очень широк. В самом сжатом определении статистика — это наука о многообразиях и заложенных в них закономерностях. Многообразие явлений можно наблюдать во всех общественных и естественных процессах, изучаемых самыми разнообразными науками, и статистика берет под свое наблюдение этот свой «предмет» повсюду, где его находит, с тем чтобы в сложном переплете многообразных комплексов элементарных процессов и воздействий вскрыть своими методами тот или иной присущий им порядок, ту или иную их взаимообусловленность.

Но что же такое многообразие? Прежде всего следует подчеркнуть, что многообразия, изучаемые статистикой, находят себе достаточное выражение только в массовых явлениях, а не в единичных предметах. Вместе с тем, сопоставляя такие понятия, как «величина», «число» и «многообразие», можно сказать, что все они представляют собою лишь разные степени отвлечения от конкретной действительности. Наибольшей абстрактностью отличаются алгебраические — действительные и мнимые — величины разных категорий. Оперировав с ними, мы обычно отвлекаемся не только от качественных различий тех объектов, меру которых они представляют, но даже от количественной их оценки тем или иным числом единиц. Арифметика имеет дело уже с более конкретными величинами, определяемыми отвлеченным или даже именованным числом. Но при этом всякое «число» она рассматривает как совокупность вполне однородных единиц, отвлекаясь от каких бы то ни было качественных их различий. Еще конкретнее трактуются «многообразия», составляющие предмет статистики. Здесь многообразие тоже представляет собою совокупность более или менее однородных элементов, но такую совокупность, в которой уже отнюдь нельзя отвлечься от качественных различий.

Многообразие — это сложный комплекс с варьирующими от одного элемента к другому признаками сходства и различия. В нем представляет интерес не только суммарная величина данной совокупности, но и внутренняя качественная ее структура. Многообразие — это качественно дифференцированное количество.

Возьмем для примера хоть такую совокупность, как население Москвы в 1935 г. Его можно рассматривать и как некоторую известную величину, не требующую дальнейших определений, и как итоговое число жителей данной столицы, и как сложное многообразие большого, качественно разнородного трудового коллектива, нуждающегося в четкой расшивке своего состава. Все зависит от подхода к данной совокупности.

Статистический подход требует дифференциации. Простой арифметический подсчет жителей Москвы не заслуживает еще наименования статистической операции. Статистика должна определить не только величину, но и состав этой совокупности, расчлняя общее число жителей по социальному их положению, по занятиям, квалификации, грамотности, школьному образованию, возрастно-половому составу, семейному состоянию и т. д. и устанавливая в этом многообразии признаков тот или иной структурный порядок, ту или иную статистическую их организацию. Это будет несомненно не тот порядок, в каком население Москвы организовано «в натуре» — в своем бытовом и трудовом обиходе. В статистической таблице тру-

довой коллектив Москвы организуется не для трудовых процессов, а только для комбинированного подсчета его членов, сгруппированных для этого по признакам их сходства и различия, и потому трудящиеся будут здесь искусственно сторваны от своих иждивенцев, мужчины изолированы от женщин, старики от подростков, грамотные от неграмотных и т. д.

Уже отсюда можно заключить, что статистика отнюдь не ставит своей задачей фотографическое отображение действительности. Прежде всего уже в стадии наблюдения элементов изучаемой совокупности статистика сознательно отвлекается от всех индивидуальных признаков этих элементов, отличающих каждый из них от всех других. Ее вовсе не занимают никакие уникальные, неповторимые признаки, вроде бородавки на носу городничего уже потому, что они не поддаются объединению и суммированию. Статистика регистрирует только так называемые сводные признаки, которые, повторяясь многократно, несмотря на свою количественную изменчивость от одного элемента к другому, сохраняют свою качественную однородность и стало быть поддаются массовому наблюдению и статистической сводке. Например по признаку «рабочего возраста», варьирующего количественно от 18 до 50 лет, мы выделяем и объединяем все же в качественно достаточно однородный рабочий коллектив весьма компактную группу населения. Еще меньше статистика стремится к фотографичности в стадии обработки и окончательного оформления. Статистическая таблица отнюдь не похожа даже на схематическую модель изучаемого многообразия. Она по-своему конструирует элементы этого многообразия применительно к своим специальным задачам.

Каковы же эти задачи? В задачу статистики входит: расчленение многообразия по признакам сходства и различия, группировка этих признаков в последовательные ряды, наблюдение структурных и динамических закономерностей в данном многообразии и нахождение количественной меры взаимозависимости наблюдаемых признаков в пределах данной их совокупности. Иными словами, задача статистики прежде всего привести всякое неоформленное множество к единству путем перестройки всего многообразия его элементов и признаков в организованный статистический их коллектив, в котором все скрытые ранее внутренние связи и закономерности поддаются уже прямому наблюдению, обобщению и учету.

Не всякое многообразие поддается статистической организации в единый, четко отграниченный от других, коллектив, ибо такой коллектив всегда предполагает известную внутреннюю цельность и однородность своего состава. Совкупность, раздраемую внутренними противоречиями, статистик не вправе рассматривать как единый коллектив, ибо в таком «единстве» тонут наиболее интересные качественные различия и смазываются наиболее существенные для данного многообразия внутренние закономерности. Именно поэтому плодотворно организовать такую сложную совокупность статистику удастся только путем предварительного ее разложения на целый ряд более элементарных коллективов. И в этом именно аналитическом назначении и заключается основная ценность статистических группировок. Изучать статистически совокупность крестьянских хозяйств при достаточном расслоении деревни без расчленения этой сложной совокупности на социальные группы кулаков, середняков, бедняков и т. п. было бы, как показал В. И. Ленин, более чем бес-

плодным занятием. Это было бы прямо вредной дезориентирующей работой.

Иной раз статистику приходится иметь дело и с такой совокупностью явлений, многообразие которых за отсутствием внутренних связей и вообще не может быть уложено в какие-либо закономерные ряды признаков и стройные коллективы явлений. Однако и такие многообразия нельзя исключить из предмета ведения статистики, ибо даже полное отсутствие связей в изучаемой совокупности элементов приходится рассматривать лишь как частный случай убывающей их связи в некотором ряду смежных совокупностей. Отсутствие связей в данной совокупности элементов, так же как и присутствие их, выявляется и измеряется одними и теми же статистическими приемами и требует от исследователя отнюдь не меньше аналитических усилий и творческого остроумия.

Кстати сказать, выявление отсутствия связей в изучаемом многообразии является не менее существенным научным выводом из статистического исследования, чем всякий другой.

Конечно рационально организовать какое-либо бесформенное многообразие в стройный статистический коллектив можно, лишь исходя из той либо иной гипотезы в отношении искомых связей и закономерностей. А для этого требуется, чтобы исследователь не только вполне владел статистической техникой, но и хорошо разбирался теоретически в существе искомых им закономерностей. В хозяйственной сфере нужная гипотеза для успешных статистических операций легче всего строится на базе предварительного экономического анализа данного хозяйственного комплекса и заложенных в нем закономерностей; в сфере естественных процессов статистику для той же цели должен служить теоретический их анализ на базе соответствующих специальных отраслей естествознания. Механически, без ясного понимания процессов, образующих данное многообразие, статистик не сможет организовать его в четкий коллектив, и потому далеко не всякая статистическая таблица представляет собою такой «коллектив». Нередко в ее клетках размещается и ровно ничего не говорящий ни уму, ни сердцу сброд механически — вкривь и вкось, на авось — подсчитанных цифровых итогов.

Статистические ряды представляют действительно организованный в таблицу коллектив величин, а не случайный цифровой сброд, и дадут вполне ясный — положительный или отрицательный — ответ на поставленный вопрос только в том случае, если они уже задуманы и построены в должном соответствии с этим вопросом.

Известную организацию многообразия обеспечивают все виды учета — и оперативно-технический, и бухгалтерский, и статистический. Все они начинаются, как известно, с продуманной организации первичного наблюдения и регистрации составных элементов изучаемого многообразия. Эта регистрация представляет нередко и вполне самостоятельный интерес, как например записи актов гражданского состояния, инвентарные описи имущества, особые технические паспорта на каждый станок в цехе и т. д. И тогда она производится специальным аппаратом, независимо от органов учета, но и в этом случае особые задачи учета должны быть продуманы и учтены уже при самом составлении форм и инструкций к проведению соответствующих видов регистрации. Так, в актах загсов должны быть заранее предусмотрены те признаки, которые подлежат сводке в текущей статистике населения, в инвентарных записях — те графы, которые не-

обходимы для учета амортизации в бухгалтерских сводках; в паспортах станков и агрегатов—те показатели, которые понадобятся для технических коэффициентов и графиков производственного их использования, и т. д. Особо наглядно это организующее воздействие учета на первичную регистрацию сказывается однако лишь там, где эта регистрация специально осуществляется учетным аппаратом для статистических целей, например в переписях населения. Здесь уже всякая деталь вплоть до редакции любого вопроса в опросном листе продумывается и утверждается лишь после тщательной ее увязки со всем планом сводки и обработки переписи.

На дальнейших ступенях сводки и обработки данных первичной регистрации организующая роль разных видов учета уже далеко не одинакова. Оперативно-технический учет не выходит обычно из рамок отдельного предприятия и ставит своей задачей получение лишь наиболее элементарных натуральных показателей его работы. Число таких натуральных показателей очень велико, но, выраженные в очень разнородных измерениях и целеустремленные в весьма различных направлениях, все они, взятые в совокупности, представляют собой совершенно неоформленное многообразие. Весьма ценные каждый в отдельности, они в общем не увязываются еще ни в какую систему и не образуют собой никакого организованного коллектива. Бухгалтерский учет в капиталистических условиях тоже замыкался обычно рамками одного индивидуального хозяйства. Но, пользуясь единым денежным измерителем, он может охватить в новых условиях хотя бы и все общественное хозяйство страны, взятое в целом. Вместе с тем бухгалтерский учет располагает уже вполне определенным счетным планом, связующим все его счета в единую аналитическую систему и автоматически организующую все его показатели в единый стройный коллектив — балансовую таблицу. Статистика же относится к бухгалтерии примерно так, как алгебра к арифметике. Бухгалтерский баланс она рассматривает лишь как один из частных случаев статистической группировки.

Бухгалтерия, занимаясь расчленением и организацией хозяйственного многообразия фактов, имеет пока что только одну специальную целевую установку выявления рентабельности данного хозяйства и его хозрасчетных достижений, а потому оперирует только рублем. Статистика дает общий метод группировок, годный для разрешения аналогичных задач повсюду, где сплетение большого числа воздействий затемняет причинные связи и общий их результат как в хозяйственной сфере, так и в других, как в денежном измерителе, так и в любом ином.

И далее. Оперативно-технический учет чаще всего ограничивается только первой ступенью учета, давая помимо первичной регистрации и накопления сырого материала лишь самую элементарную сводку учетных данных. Бухгалтерия, начиная с той же первой ступени — низового учета, поднимается уже и на вторую ступень — систематической счетной обработки учетного сырья по заранее установленным формам отчетности специального прикладного значения. Статистика же, не ограничиваясь названными двумя ступенями — низового учета и счетной обработки учетного материала применительно к установленным формам отчетности, — поднимается и выше, на третью ступень не связанной уже никакими трафаретами на учетной обработки того же материала, восходя при этом от решения самых конкретных практических задач до наиболее отвлеченных

обобщений теоретического значения. Все эти разные виды учета могут и должны быть увязаны между собой в единую стройную систему, но каждый из них при рациональном разделении функций представляет свои особенности и специальные области приложения. В частности для статистики характерна ее исключительная роль в области научной обработки счетного материала. Этим и определяется специфическое место статистики в общей системе учета.

Статистика является наиболее универсальным и мощным орудием аналитического расчленения многосложных взаимодействий для организации их в стройные и четкие группы показателей. Но выполняется ею эта задача в отличие от бухгалтерии отнюдь не автоматически, ибо для каждого особого многообразия и для каждой специальной задачи здесь требуются особый подход, особая гипотеза и особый план действий.

Свои гипотезы статистик может строить из априорных теоретических соображений или из конкретных эмпирических наблюдений. Однако, поскольку это лишь гипотезы, они еще подлежат статистической проверке.

Искусство организовать цифры в подлинно статистический их коллектив — дело нелегкое. Оно дается далеко не всем работающим в области учета. Но в этом лишь первый шаг собственно статистической методики. Если отвлечься от начальной стадии первичного учета с его задачей собрать и проконтролировать достоверность собранных цифр, т. е. дать лишь вполне пригодный сырой материал для статистической обработки, то собственно статистическое производство начинается со сводки этого цифрового сырья по заранее задуманному плану обработки в стройные табличные коллективы итогов.

Уже в этой стадии обработки удается нередко установить наличность целого ряда связей и закономерностей в изучаемом многообразии. И на этом чаще всего дело кончается. Но если мы хотим от простой констатации наличности известных взаимозависимостей и закономерных связей подняться до измерения тесноты этих связей в данном многообразии признаков, то должны еще провести и следующую стадию статистической обработки этого многообразия математическими средствами.

Рассматривая какой-либо конкретный факт как частный случай искомой закономерности, статистика в этой стадии обработки обращается к наблюдению повторяемости подобных случаев при возрастающем числе наблюдений и исчисляет вероятность таких повторений, ибо если единичный случай сам по себе представляет даже бесконечно малую вероятность реальности проверяемой закономерности, то, интегрируя этот дифференциал, можно нередко получить при достаточно большом числе наблюдений очень весомый численный измеритель ее достоверности. Исходя при этом в анализе многообразия из закона больших чисел, статистика редчайшую случайность рассматривает лишь как частное проявление необходимости и малейшую степень вероятности расценивает лишь как меру стопроцентной достоверности.

В этом подходе, утверждающем принципиальное единство, а в соответствующей мере и тождество таких противоположностей, как случайность и необходимость, бесконечно малая вероятность и полная достоверность, достаточно ярко отражается диалектичность статистического метода.

Статистическая наука, изучает ли она природу или общественное хозяйство, располагает в своем арсенале только одним средством измерения — числом. Но это — в некотором роде универсальное мерило. И оно отнюдь не ограничивает нас рамками одних лишь количественных измерений. К сожалению, даже в советских учебниках статистики можно иной раз встретить определение, по которому «предметом статистики являются количественные процессы в особом рода коллективах многих единиц»¹. Но это едва ли удачная формулировка. Когда статистик путем своих группировок выявляет, скажем, в таком многообразии, как «население СССР», что с повышением в о з р а с т а группы грамотность ее до известного момента последовательно растет, а затем резко падает, то он изучает одновременно и количественный и качественный процессы в данном многообразии, обнажая вместе с тем внутреннюю их взаимообусловленность. Правда, и качественные сдвиги здесь определяются количественной меркой, например большей или меньшей частотой появления определенного качественного признака в разных условиях. Но это не меняет существа дела.

Всякому марксисту, в том числе и авторам приведенного выше определения, хорошо известен диалектический «закон перехода количества в качество и обратно». По словам Энгельса, «невозможно изменить качество какого-нибудь тела без прибавления или отнимания материи, либо движения, т. е. без количественного изменения этого тела»². «Мы знаем теперь, — иллюстрирует он же это положение примером, — «что химические свойства элементов являются периодической функцией атомных весов», что, следовательно, их качество обусловлено количеством их атомного веса»³. Вот эту именно диалектику естественных и общественных процессов с постоянными переходами количества в качество и обратно и призвана прежде всего отражать своими методами повсюду наряду с другими науками и статистика как наука о многообразиях и связующих их элементы закономерностях.

В самом методе этой дисциплины, выявляющей наличие и тесноту изучаемых связей в данном комплексе явлений, заложен, как уже было отмечено, диалектический подход к предмету изучения. Вероятность обнаружения какого-либо признака в данном комплексе, возрастающая количественно в изменяющихся условиях от 0 до 100%, перерастает из не вероятности в достоверность. Коррелятивная связь двух признаков, повышаясь только от 0 до 1, знаменует собой переход от полной случайности их совместного пребывания до теснейшей функциональной их зависимости друг от друга, т. е. безраздельного господства необходимости. Количество здесь самым осязательным образом переходит в качество, раскрывая на конкретном статистическом материале изучаемых фактов диалектику природы и общественного развития.

II

Теория советской статистики, несмотря на прочный фундамент, заложенный под нее классическими трудами Маркса и Ленина, не построена еще до конца. Но уже теперь выявилось немало глубоко принципиальных ее отличий от старых установок буржуазной эпохи.

¹ «Статистика». Соцэкгиз, М. 1934 г., стр. 34 (разрядка моя.—С. С.).

² Э н г е л ь с, Диалектика природы, Соцэкгиз, 1931 г., стр. 158 (разрядка моя.—С. С.).

³ Там же, стр. 162 (разрядка моя.—С. С.).

Так например буржуазные теоретики впадали в явно идеалистическую трактовку статистических средних как метода приближения при достаточно большом числе наблюдений к некоторой идеальной «истинной величине» вне времени и пространства, отклонения от которой в конкретных явлениях они склонны были рассматривать лишь как случайные «ошибки» природы. Советские статистики, подходя к закону больших чисел материалистически, предпочитают иную его формулировку, по которой средняя величина, выведенная из малого числа наблюдений, по мере увеличения этого числа может нас как угодно приблизить только к средней же величине из всей совокупности данного рода конкретных явлений. Но и этого вполне достаточно для обоснования весьма экономного выборочного метода статистических исследований. Буржуазная статистика от Кетле до Громана возлагала слишком большие надежды на пресловутую устойчивость статистических рядов и коэффициентов, апологетически подкрепляя ею свои иллюзии о незыблемости основ капиталистического строя. А теперь, после бесславного крушения этих основ, наша советская статистика, наоборот, повседневно иллюстрирует высокую динамичность тех же статистических рядов и коэффициентов в бурных темпах революционной эпохи. Но этот диалектический переход относительной устойчивости в столь же относительную динамичность наших рядов отнюдь не является для нас неожиданным. Буржуазные теоретики и не подозревали, какая диалектическая острота и сила заложены в этом статистическом методе, которым они пользовались, подобно тому как известный герой Мольера и не подозревал, что он говорит прозой. Уже поэтому они не могли использовать всех возможностей этого метода. Тем более плодотворным, казалось бы, должен стать этот метод в руках не чуждых диалектике советских статистиков на необозримом поприще социалистического хозяйства. А между тем тут-то и начинается неразбериха.

Говоря о неразберихе, мы имеем в виду усердно распространяемое у нас с некоторого времени мнение, что статистика вовсе не подходит к советским условиям, поскольку «социалистическое хозяйство не представляет собой объекта статистического». Курьезнее всего, что этот неожиданный взгляд пропагандируется не в каком-либо никчемном зарубежном пасквиле, а в целой серии довольно популярных советских учебников статистики, составленных бригадой советских авторов¹. Таким образом советская статистика в этих учебниках сама себя упраздняет по всем правилам академической премудрости. Этого еще не бывало даже в щедринском городе Глупове, где, как известно, некий не очень умный градоправитель Перехват-Залихватский въехал в свои владения на белом коне и в избытке административного восторга сжег гимназию и упразднил науки. Здесь коллектив авторов, сочинив совсем не плохой в других отношениях учебник для вузов и придя от этого в некоторое головокружение от успехов, сам учинил себе «академическое хакари». Написать целый учебник статистики для советских читателей с целью убедить их в том, что им ни к чему сей предмет, к советскому хозяйству отнюдь не применимый, — идея, если хотите, оригинальная. Жаль только, что почтенная бригада не оказалась достаточно последовательной, чтобы выдержать ее до конца.

¹ «Статистика». Учебник для вузов. Коммунистическая академия, М.—Л. 1932 г., то же в новом издании Московского института нархозучета, М.—Л. 1934 г., то же в сокращенном издании под заглавием «Элементы общей теории статистики», М. 1935 г. и др.

Советским вузовцам достаточно известны установки партии и правительства в вопросе о едином социалистическом учете, в систему которого входит и статистика, и потому наша бригада хотя бы ввиду этой установки вынуждена была сохранить за статистикой хоть какую-нибудь роль в советском обиходе. Бригада поэтому, отвергая «левацкие загибы, выражающиеся прежде всего в теории отмирания статистики на данном этапе социалистического строительства», милостиво допускает еще известное, весьма ограниченное применение статистического метода и в нашей стране. Статистика, по этому воззрению, это — наука, специально приспособленная по своим методам к изучению капиталистического общества. «Социалистическое хозяйство не представляет собой объекта статистического» или, говоря точнее, уже перестало им быть. «Само хозяйство, — читаем мы в учебнике, — перестало быть статистическим коллективом независимых товаропроизводителей, но при решении ряда совершенно конкретных и зачастую весьма и весьма важных своих задач социалистический учет прибегает к статистическому методу как к одному из своих орудий»¹. Это не очень ясные формулировки. Но их нетрудно расшифровать. Если статистика еще не отмирает на данном этапе, то значит это «отмирание» не отвергается нашей бригадой, а лишь откладывается до последующего этапа. И если социалистическое хозяйство уже теперь перестало быть статистическим коллективом, т. е. предметом статистики, то стало быть у нас уже нет места для хозяйственной статистики, она становится беспредметной, и речь может идти о применении статистического метода либо там, где еще сохранились остатки необобществленного частного хозяйства, либо на стыке социалистического хозяйства с природой, например в оценках «биологического» урожая, в учете естественного движения населения, в подсчетах подземных запасов ископаемых, для определения дебета реки и т. д. Именно этими примерами и пользуются наши авторы для определения сферы приложения статистических методов в СССР². Эта ссылка статистики на хозяйственные задворки прежде всего означает огромное сужение области ее применения. Она исключает статистику из сферы общественных наук и осуждает на жалкое прозябание за пределами планового хозяйства. Но хуже всего то, что такая установка вносит страшный сумбур в головы советских читателей учебника, ибо она никак не вяжется со всей нашей советской практикой в этой области.

Всем известно выступление т. Сталина об учете на XIII съезде партии. «...Никакая строительная работа, никакая государственная работа, никакая плановая работа, — учил нас т. Сталин, — немыслима без правильного учета. А учет немыслим без статистики. Учет без статистики ни шагу не двинется вперед»³. О чем здесь идет речь? О социалистическом строительстве и хозяйственной плановой работе. Значит, именно в этой центральной для нас области, а не на каких-то хозяйственных задворках, т. Сталин не мыслит себе учета без статистики. И это глубоко правильная постановка вопроса. Статистика — это действительно такая связующая все отраслевые звенья низового учета и научно организующая их в народно-хозяйственное целое высшая ступень системы социалистического уче-

¹ «Статистика», изд. 1934 г., стр. 39 (разрядка моя.—С. С.).

² Там же, стр. 40.

³ Тринадцатый съезд Российской Коммунистической партии большевиков». Стенографический отчет, М. 1924 г., стр. 130; ¶

та, без которой эту систему нельзя себе и представить. Без этой высшей ступени, обеспечивающей общую научную обработку счетного материала, мы потеряли бы не какую-то побочную чужеродную пристройку, а венчающий все здание купол или, лучше сказать, самое ценное связующее звено системы социалистического учета, без которого, как без цемента, распалась бы и вся система на отдельные составляющие ее учетные кирпичики.

И вот читателям учебника предлагается на выбор, с одной стороны, столь категорическое утверждение высшего организатора и руководителя советской системы, по которому в нашем плановом хозяйстве без статистики ни шагу нельзя сделать вперед, а с другой — заверения ученой бригады о том, что наше хозяйство перестало уже составлять предмет статистики и что вообще поле приложения такого явного пережитка чуждой нам буржуазной эпохи, как статистика, следует строго ограничить определенной чертой оседлости — за пределами общественного хозяйства. Спрашивается, что кроме полного сумбура в головах читателей может создать такая отнюдь не диалектическая антитеза?

Однако и на этой позиции — отвода для статистики хозяйственных задворков — наши авторы никак не могли удержаться. Такой установке противоречит несомненный факт, что на деле статистика у нас все шире применяется именно в области хозяйственной плановой работы, а не где-либо на задворках. И авторы учебника вынуждены сами отмечать такие факты: «Так например группировка наших шахт по степени механизации с целью выявления количественной характеристики влияния механизации на производительность труда означает не что иное, как применение статистики, причем коллективом служит совокупность шахт»¹. Значит, совокупность советских шахт в этом случае признается коллективом статистическим. Но разве это единичный случай? Разве статистические группировки применяются у нас только к шахтам? Конечно нет. Случай, когда «сами социалистические предприятия рассматриваются как совокупность», по отношению к которой «мы действительно — по признанию учебника — имеем и будем иметь применение статистики», это у нас скорее общее правило, чем исключение. Как же это правило согласовать с основной доктриной учебника, что наше хозяйство уже перестало быть объектом статистики и что совокупность социалистических предприятий не является статистическим коллективом? Авторы учебника объявляют этот вопрос «наиболее трудным для усвоения»². И действительно тайна сия велика. Разгадку ее можно бы усмотреть в том, что, поскольку наше хозяйство уже перестало быть объектом статистики и «статистика превращается в учет», ее применение у нас допускается авторами учебника уже не в качестве особой науки, а лишь в качестве специального «статистического метода внутри учета»³. Но ведь «признание статистики только методом» уже отвергнуто в другом месте учебника как идущее «вразрез с основными положениями марксизма» о единстве предмета и метода науки⁴. Откуда же пошла вся эта неразбериха?

Отвечая на этот вопрос, можно отметить, что еще в 1930 и 1931 гг. в очень содержательном учебнике математической статистики той же бригады авторов не было и намека на какие-либо ограничения ком-

¹ «Статистика», 1934 г., стр. 40.

² Там же.

³ Там же, см. стр. 43 и заголовок § 4;

⁴ Там же, стр. 27.

петенции советской статистики в отношении социалистического хозяйства. Но в 1932 г. имело место известное выступление т. Осинского о значении учета, которое произвело повидному очень сильное впечатление на нашу бригаду, что и сказалось в последующих переработках вышеназванного учебника.

Тов. Осинский предложил такие определения статистики и учета: «Под статистикой мы понимаем совокупность методов и операций, позволяющих учитывать массовые стихийные явления. Под учетом мы в этом случае понимаем качественно-количественный охват сознательно намечаемых нами самими действий и их результатов». В соответствии с этими определениями т. Осинский выдвигает следующий тезис: «Вместе с изживанием остатков капитализма в экономике и сознании людей статистика все больше отступает на второй план перед прямым народнохозяйственным учетом»¹. И хотя в дальнейшем этот тезис смягчается целым рядом оговорок о том, что он «еще вовсе не означает полного вытеснения и умирания статистики» и что на «период борьбы за развернутый социализм» потребуются еще некоторое «применение в учетной работе статистических методов»², но и от этой блестящей перспективы — неполного умирания или, говоря по-ученому, анабиоза статистики на весь переходный период и очевидно еще горшей участи после недалекого уже завершения социализма — веет погребальным холодом для нашей науки.

Тов. Осинский не останавливался подробно на этом вопросе, и очень возможно, что в данном случае он просто слегка перегнул палку, так как в других случаях он придерживался гораздо более оптимистических взглядов на судьбы советской статистики. Но у него, как мы выше видели, появились уже такие ученики в этом вопросе, которые готовы идти еще дальше своего учителя. И с их весьма пессимистической концепцией, осуждающей статистику на все более худосочное прозябание в советской земле, необходимо посчитаться тем серьезнее, что она отнюдь не вдохновляет особой энергией и энтузиазмом к своему делу всю многотысячную рать советских статистиков.

В определениях т. Осинского мы усматриваем существенные неточности. Его противоположение статистики учету едва ли закономерно, потому, что статистика тоже один из видов учета, составляющий к тому же наиболее ценное в научном отношении связующее звено в общей системе учета. Охват «сознательно намечаемых нами действий и их результатов» находит у нас обычно свое выражение в плане, а не в учете. Учет же в сопоставлении с планом отражает собою у нас всегда те или иные фактические отклонения от плана в процессе его выполнения, которые уже никак не подошли бы под определение «сознательно намечаемых». Эти отклонения представляют собой как раз тот «элемент неизвестного» в нашей творческой работе, ради измерения которого и сам Осинский требует применения в нашем учете «статистических методов (как методов выявления новых, непредвиденных обстоятельств)»³. Но это общее правило, а не исключение. У нас весь хозяйственный учет ставит своей основной задачей выявление отклонений от плана. Значит, весь наш советский учет в целом, а не какой-либо его отрезок, должен быть оснащен статистическими методами разработки.

¹ Н. Осинский. Что значит учет. «Союзоргучет», М.—Л.: 1932 г., стр.8—9.

² Там же, стр. 11.

³ Там же.

Авторы учебника статистики для вузов тоже резко противопоставляют понятия статистики и учета и тоже без достаточного основания. Из директив партии и правительства об «установлении единства бухгалтерского, оперативного и статистического учета»¹ и о «построении системы единого социалистического учета»² очевидно, что термин «учет» уже твердо приобрел у нас значение родового понятия, обнимающего собою все специальные виды учета. Авторам учебника известно это словоупотребление. Но они, отнюдь его не оспаривая, вводят наряду с ним и свое собственное — другое, по которому социалистический учет наперекор первому толкованию «отличается коренным образом от статистики»³ и статистика выключается из учета. Исходя из того, что «предметом статистики являются количественные процессы в особом рода коллективах», а именно в «совокупностях (коллективах) внешне обособленных и независимых, внутренне связанных индивидов», авторы учебника утверждают: «В противоположность этому предметом учета является изучение количественных процессов в таком объекте, внутренняя связь элементов которого не затухает внешней независимостью, а, наоборот, непосредственно в этой внешности выражена»⁴.

Приведенные определения — типичный образчик школьной схоластики. Они не представляют собой научной ценности, ибо не улавливают даже самых специфических признаков определяемого. Мы уже отмечали, что изучение количественных процессов — признак далеко не специфичный для статистики, хотя бы потому, что их изучают и другие науки. Поясним это еще примером. Возьмем хотя бы такую совокупность, как суточная продукция стальных шариков определенного размера на заводе «Шарикоподшипник». Спрашивается, отвечает ли она признакам статистического коллектива, по определению нашего учебника? Да, отвечает. «Внутренняя связь, т. е. общая качественная основа», или, как еще поясняется этот признак в учебнике, «качественная однородность единиц коллектива»⁵ здесь несомненно налицо. Стальные шарики «Шарикоподшипника» уже по самому способу их производства и по своему назначению однородны до полной неразличимости. «Внешняя их обособленность и независимость» — тоже бесспорна. Число их в суточной продукции может возрастать или падать, и этот «количественный процесс» несомненно поддается изучению. Все признаки налицо. И все же это не объект для статистики. Совокупность таких шариков можно измерить числом, но это дело арифметики, а не статистики. Там, где дело идет только о суммарном количественном подсчете, где нет качественно дифференцированной совокупности единиц, т. е. известного их многообразия, нуждающегося в качественном различении и группировках для комбинированных подсчетов, — там нет еще статистического коллектива.

Теперь рассмотрим к «коренному» отличию учета от статистики по тем же определениям. Они оба вполне сходны повидимому в том, что предметом их — и статистики и учета — являются количественные процессы в коллективах «внутренне связанных» между собою элементов. И это вполне объективный признак сходства. Различаются же между собою статистические коллективы и учетные только тем, что

¹ Из резолюции XVI конференции ВКП(б), 1929 г.

² Постановление СНК от 28/VIII 1931 г.

³ «Статистика», изд. 1934 г., стр. 38.

⁴ Там же, стр. 16 и 34.

⁵ «Статистика», изд. 1934 г.; стр. 16.

при наличии в обоих случаях вполне определенной внутренней связи составляющих их элементов, в первых из них эти элементы представляются с «внешней» стороны независимыми, во-вторых же не представляются таковыми. А это уже несомненно момент субъективного порядка. Возьмем хотя бы такой коллектив, как совокупность внешне «независимых» друг от друга, но внутренне связанных между собою узлами рынка капиталистических предприятий. Внутренняя их связь — это объективный факт, а внешняя видимость «независимости» — это не более как иллюзия известной общественной группы, отнюдь не разделяемая другими. Природа, а стало быть и методы познания такой «совокупности капиталистических предприятий» ни в какой мере не зависят от этой «внешней», т. е. кажущейся, мнимой их «независимости». Буржуазные экономисты могут сколько угодно ею обольщаться, но для нас, марксистов, не скользящих по поверхности явлений, она просто не существует. Можно ли однако на столь эфемерной базе субъективных оценок и стало быть мнимых различий строить научные определения? А между тем если отбросить из определений учебника этот эфемерный признак внешней видимости, то исчезнет всякий критерий различий между объектами статистики и учета, и оба понятия превратятся в синонимы.

Заслуживает внимания еще одно определение статистики из арсенала наших авторов. По этому определению, «статистика изучает стихийно-случайные, т. е. стохастические процессы». А последний мудреный термин определяется в свою очередь так: «Стохастическим, или стихийно-случайным, процессом называется массовый поток случайных событий, внешне независимых и в то же время внутренне связанных»¹. Напомним, что «внутренняя связь» изучаемых событий отнюдь не предполагает какой-либо функциональной между ними зависимости, а по общему правилу отражает лишь известную их качественную однородность, а «внешняя независимость» и вообще ничего реального собой не отражает. Тем не менее ссылка на стихийно-случайные процессы как предмет статистики делает правдоподобным следующий вывод авторов: «Таким образом, в противоположность капиталистическому хозяйству с его стихийным характером, социалистическое хозяйство, как хозяйство плановое, не представляющее собою совокупности независимых элементов, является объектом не статистики, а учета»².

О том, что социалистическое хозяйство является объектом учета, никто не спорит. Но понятие учета само по себе не исключает статистики. А вот план, поскольку он исключил из социалистического хозяйства стихийные факторы, вместе с тем, казалось бы, должен исключить из него и применение статистики, изучающей закономерности стихийных процессов. Базируясь на законе больших чисел, статистика действительно применима лишь там, где случайность под влиянием стихийных факторов складывается в закономерности. Там, где тот или иной порядок вносится сознательно человеческой волей, нет нужды в статистическом его открытии и обосновании. В такой постановке вопроса, выдвинутой в свое время т. Осинским, несомненно есть свой резон. И мы тоже готовы признать в ней долю истины. Но не следует преувеличивать эту долю. В самом деле, что такое стихия? Стихийными силами мы обычно называем слепые силы природы. И только по аналогии с ними мы говорим о слепо дейую-

¹ «Элементы общей теории статистики», изд. 2-е, М. 1935 г., стр. 37.

² «Статистика», М. 1934 г., стр. 36.

щей рыночной стихии в общественном хозяйстве и о всех социально-экономических закономерностях капиталистического уклада, обусловленных стихийным проявлением закона стоимости. В социалистическом обществе, где регулятором социальных отношений становится уже план, т. е. сознательная человеческая воля, отпало автоматическое действие стихии капиталистического рынка и обусловленного ею закона стоимости. Исключив из сферы хозяйства общественную рыночную стихию, мы отнюдь еще не исключили из нее воздействия всех стихийных сил природы. А поскольку из сферы социалистического планового хозяйства отнюдь не исключено действие такого рода стихийных факторов, всегда заключающих в себе «элементы неизвестного», оно не сможет отказаться и от статистики для изучения этих элементов.

Когда нам говорят, что в области социалистического хозяйства нет места для статистики, то на это легче всего было бы возразить, что и за пределами хозяйства остается еще широчайшее поле приложения для этой науки в области всего многообразия природы от внутриатомной механики до астрономических астральных конфигураций, отнюдь не подверженных, кстати сказать, действию ни плана, ни рыночной стихии. Но нас ни в какой мере не удовлетворяет и более умеренная концепция, по которой статистика, не совсем отмирая и в социалистическом хозяйстве, обречена все же влачить в нем все более жалкое существование.

Вот почему, не соглашаясь в корне с этой концепцией, мы хотели бы противопоставить ей другую, диаметрально противоположную. Не только статистика в широком смысле этого слова вообще, но именно хозяйственная статистика в частности, и даже в особенности, только теперь после социальной революции и только в плановом хозяйстве получает впервые огромное, почти необъятное поле для своего плодотворного развития вширь и вглубь и расцвета.

III

Некоторые статистики утверждают, что «экономические законы общества невозможно открыть статистическим путем»¹. Но если бы даже это было не так, помимо возможности для этой цели нужна еще охота. Буржуазные статистики много сделали для демографии и страховой статистики, кое-что для индексов динамики цен, но отнюдь не проявили особого пыла к анализу тех социальных антагонизмов, которыми столь богата капиталистическая экономика. Социальные закономерности этого уклада были выявлены, как известно, школой Маркса путем абстрактного экономического анализа, а не статистических группировок. И хотя Ленину и другим марксистам приходилось не раз прибегать к острому статистическому анализу, но чаще всего это делалось ими лишь попутно — для иллюстрации, или в критических целях — ради разоблачения апологетических фокусов народнической и ревизионистской мелкобуржуазной статистики. И это понятно. Они предпочитали для анализа социальных отношений и классовых антагонизмов оружие экономической абстракции, ибо для этой цели оно действительно было пригоднее статистической обработки соответствующего эмпирического материала.

¹ «Статистика», 1934 г., стр. 15.

С отпадением классово́й борьбы, а стало быть и всей остроты производственных отношений, людей между собою, в бесклассовом обществе на первый план в производстве выступают проблемы овладения техникой или, говоря шире, проблема борьбы человека с природой за возможно полное использование ее стихийных сил и ресурсов.

Возьмем хотя бы огромную проблему рационального размещения производительных сил в стране или такие, не меньшие, как проблема перманентного повышения производительности труда, сокращения удельных затрат сырья и топлива, использования отходов и отбросов и общего снижения издержек производства. Все эти хозяйственные проблемы, стоявшие и раньше перед каждым отдельным предпринимателем, перекрывались и ограничивались однако верховности для капиталистического общества критерием рентабельности требующихся для их разрешения усилий в данных условиях рыночного сбыта. Необеспеченность рентабельного сбыта убивала в этом отношении всякую предприимчивость. Но, если даже хозяева капиталистических предприятий интересуются указанными задачами с большой оглядкой, то рабочие в капиталистических условиях еще меньше заинтересованы в их разрешении, поскольку плоды всякого успеха в этом деле здесь обычно полностью достаются другим, а самим рабочим остается лишь, как в сказке, недоумевать: по усам, дескать, текло, а в рот не попало. Иное дело у нас. В общественном хозяйстве высокая производительность труда, сберегающая человеческие силы, уже сама по себе представляет высший критерий успешности хозяйственных устремлений. Здесь все производители одинаково и притом кровно заинтересованы в этом успехе. И потому здесь впервые в истории человечества вышеуказанные хозяйственные задачи встают перед нами во весь свой гигантский рост.

Считаться со стихией рынка нам уже теперь не особенно приходится. И совсем не случайно у нас за последние годы так захирели всякие индексы цен при все более широком использовании индексов производительности труда. Все текущие хозяйственные задачи ставятся у нас и решаются в плановом порядке. Но если рыночная стихия за нас в этом деле уже ничего не решает, то тем важнее нам для обоснования наших плановых построений располагать достаточно полным и точным учетом как собственных трудовых ресурсов, так и тех материальных масс и стихийных сил природы, которые мы приводим в движение и взаимодействие в процессе нашей хозяйственной деятельности.

В пределах отдельных цехов и предприятий при этом все хозяйственные задачи экономически достаточно просты и ясны и обычно решаются без особых статистических изысканий силами одних инженеров, бухгалтеров и калькуляторов, использующих для этого в случае нужды лишь действующие нормативы и наличные итоги первичного учета и отчетности.

В связях между каждым действием и его результатами в производстве здесь чаще всего господствует весьма элементарная механическая причинность. Закон больших чисел еще не находит себе здесь достаточного приложения. И потому первичный технический учет и бухгалтерская денежная отчетность явно преобладают над статистикой. Но когда мы от управления отдельным предприятием поднимаемся к задачам плановой организации и руководства целыми отраслями хозяйства или всем народным хозяйством в целом, то дело сильно осложняется. От весьма конкретных технических трудностей

непосредственного управления данной хозяйственной единицей мы восходим к гораздо более общим экономическим задачам межхозяйственной балансовой увязки общественного производства, распределения, потребления и накопления в масштабах всей страны. Для соответствующих плановых расчетов вместо конкретных технических нормативов, различных для каждого цеха, здесь требуются уже гораздо более обобщенные и укрупненные технико-экономические измерители, годные для целых отраслей хозяйства.

Такие укрупненные измерители определенных хозяйственных соотношений или пропорций, закономерно вытекающих из условий производства в данных социальных условиях и на данном этапе овладения человечеством силами природы, конечно весьма изменчивы. Из года в год мы заметно их улучшаем в меру наших успехов в области подъема производительных сил страны. Но при этом — в масштабе народного хозяйства всей страны — здесь вступает во взаимодействие уж столько скрещивающихся общественных и естественных факторов их изменчивости, что общий результат этого многообразия воздействий может быть получен и проанализирован лишь в порядке статистической обработки текущих данных хозяйственного учета.

Это крайне многообразное сплетение внутренних сил развития общественного хозяйства с внешними на него воздействиями ограничивает в известной мере и действие самого плана. Даже располагая полным учетом основных общественных и естественных факторов хозяйственного развития при построении своих планов, мы никогда не сможем гарантировать, что они будут выполнены повсеместно и во всех деталях, именно на 100%, не больше и не меньше. Всегда останется еще достаточно неучтенных второстепенных факторов и местных особенностей, которые определяют собою «случайные» отклонения от плана в ту или другую сторону. Недостаточный учет основных действующих в нашем хозяйстве сил и факторов лишил бы конечно наши планы всякой реальности. Именно поэтому нам столь необходимо учитывать те основные отчетные измерители хозяйственных пропорций за прошлые годы, отправляясь от которых мы проектируем в своих планах достаточно реально соответствующие хозяйственные задания на следующий год.

Было бы очень наивно думать, что освобождение от воздействий рыночной стихии на хозяйственную сферу позволит нам уже совершенно произвольно осуществлять в ней свою плановую волю, не считаясь ни с какими иными силами и воздействиями. Правда, социальная революция открывает перед нами новую эру. Мы делаем здесь огромный скачок из царства необходимости в царство свободы. Но это царство свободы, по Марксу, в действительности начнется лишь «по ту сторону собственно материального производства». Хозяйственная сфера деятельности человека «при всех возможных способах производства» строго ограничивается силами и законами природы. «Свобода в этой области может заключаться лишь в том, что социализированный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того, чтобы, напротив, он как слепая сила господствовал над ними; в том, что они совершают его с наименьшей затратой силы и при условиях, наиболее достойных и адекватных их человеческой природе. Но тем не менее это все же остается царством необходимости»¹. Вот по-

чему социалистическое хозяйство, даже полностью преодолев стихию рынка, не может конечно строить свои планы на песке — в полном отрыве от фактических условий производства и определяющих его весьма многообразных технико-экономических измерителей, т. е. измерителей в первую очередь всех хозяйственных цепных связей, а в последнем счете и естественных закономерностей. Таким образом без хозяйственного учета на всех его ступенях — от первичной регистрации до бухгалтерских сводок и статистической обработки учетных данных — нельзя себе и мыслить плодотворной плановой деятельности. Недаром же В. И. Ленин учил нас, что социализм — это прежде всего учет, и так горячо ратовал за всенародный учет и контроль нашего хозяйства. И недаром т. Сталин, уточняя эту мысль, добавил, что учет нашего планового хозяйства «немыслим без статистики». Это устраняет всякие кривотолки.

Плановое хозяйство, более чем какое-либо иное, нуждается в развернутой хозяйственной статистике. В капиталистических хозяйствах нет ни стимулов, ни условий для ее развития. В пределах отдельных предприятий ей было бы слишком тесно и душно, а в широких рамках межхозяйственных отношений для плановых задач она вовсе не требуется, да и для других целей едва терпима, и то в минимальных дозах конъюнктурных показателей состояния рынка и общих итогов числа предприятий, рабочих и суммы продукции. Всякое более углубленное изучение хозяйственных отношений, которое могло бы задеть священные покровы «коммерческой тайны» или вообще превратить статистику в орудие всенародного контроля капиталистических мистерий, было бы здесь просто нестерпимо. Совсем другое дело в плановом хозяйстве. Оно повелительно требует использования хозяйственной статистики. И не только в стадии составления планов, но и в стадии проверки их исполнения. И не только в примитивном виде первичных итогов выполнения плана по всем его участкам, — без всякой дальнейшей аналитической сводки этих итогов и обработки для научных обобщений.

Такой учет не смог бы удовлетворить последователей научного социализма. Нам мало знать, где и в каком проценте выполняются планы на разных микроучастках нашего широкого хозяйственного фронта. Нам необходимо представлять себе ясно, не теряясь в деталях, и общую картину выполнения плана по всему фронту. Чтобы не двигаться вперед вслепую, мы должны выявлять при этом не только масштабы, но и движущие причины или главнейших виновников основных отклонений от плана. Мы должны каждый раз исследовать, в какой мере «случайны» или закономерны отдельные отклонения, где находятся наиболее узкие места плана и за какое звено следует в первую очередь ухватиться, чтобы снова надежно продвинуть вперед в плановом порядке всю многозвенную цепь хозяйственных отношений и достижений. Говоря иначе, перед нами практически неисчерпаемое поле для экономического анализа и ценнейших статистических исследований.

Такие задачи предъявляют очень большие требования к советской статистике. И надо прямо сказать, что мы отнюдь еще не удовлетворяем их.

Правда, уже теперь наш хозяйственный учет опередил в целом ряде отношений те довольно скромные достижения в этой области, какие мы находим в капиталистическом обиходе. В обобщественном хо-

¹ К. Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, отд. VII. М. 1908, стр. 349 (разрядка моя.—С.С.)

зайстве мы давно уже привыкли предъявлять к хозяйственному учету такие требования, какие оказались бы совершенно неприемлемыми с точки зрения индивидуалистических интересов частнохозяйственного оборота. Так, например вся продукция нашей социалистической промышленности давно уже регулярно учитывается во всех предприятиях в двойной оценке — в тех текущих отпускных ценах, в которых она на деле реализуется, и в совершенно условных неизменных ценах 1926/27 г. Можно ли было бы чем-либо оправдать такой повторный учет продукции в условных ценах в каждом отдельном частнокапиталистическом предприятии? Конечно нет. Капиталисты выпускают свою продукцию не для собственного потребления, а для продажи, и поэтому их интересует только рыночная оценка этой продукции. А в наших условиях общественного хозяйства, где каждый продукт должен служить прежде всего целям общественного потребления, неизменные цены, призванные отражать собою объемный рост продукции именно в этом потребительном ее значении, уже ныне выполняют в нашем хозяйственном учете более важную общественную роль, чем колеблющиеся реализационные расценки. Это видно хотя бы из того, что планируется советская продукция только в натуре и неизменных ценах. Соответственно этому и выполнение плана учитывается в тех же ценах. Они же используются для исчислений динамики производительности труда и других решающих измерителей успешности нашего социалистического хозяйства.

Условиями нашего хозяйства диктуется целый ряд и других учетно-статистических операций, не осуществимых в частнокапиталистических условиях производства. Возьмем хотя бы такие грандиозные операции, как сплошные переоценки, начиная с 1925 г., и переинвентаризация производственных фондов промышленности, транспорта и других отраслей нашего хозяйства по всей стране или как производимая ныне статистическая перепись всего оборудования в СССР. Можно назвать и целый ряд других пионерных работ в области хозяйственной статистики СССР, не имеющих себе прецедентов в капиталистических странах. Назовем хотя бы такие темы, как факторы квалификации труда, влияние фактора образования на производительность труда, бюджет времени рабочего и крестьянина, социальное расслоение деревни, размеры обложения различных социальных слоев нашего города и деревни, и целую серию балансовых работ последних лет как в области специальных материальных балансов разного рода и балансов труда, так и в области опытных разработок более синтетических построений народнохозяйственного баланса СССР. Все эти работы непосредственно вытекают из потребностей планирования. В капиталистической экономике для них не находилось ни стимулов, ни возможностей. Вот почему они и не производились там никогда.

Уже теперь мы располагаем широко разработанной системой плановых показателей, создавших повелительную необходимость в меньшем составе статистических измерителей выполнения плана по всем его показателям. Эти показатели можно подразделить на количественные, качественные и структурные. Наиболее элементарные из них количественные показатели определяют только объем того или иного задания, взятого вне связи с другими заданиями плана. Например по заданию плана 1935 г. мы должны выплавить за год 12,5 млн. т чугуна, что соответствует 34,2 тыс. т в сутки. Ежедневный подсчет выплавки чугуна по всем донам страны дает нам в едином итоге весьма четкий отчетный измеритель выполнения данного зада-

ния. Качественные показатели всегда отражают в себе уже некоторые связанные отношения величин. Показатель производительности труда например отражает собою отношение количества произведенного продукта к отработанному времени, показатель успешности работы марленов равен отношению суточной их выплавки в тоннах к суммарной площади их пода в квадратных метрах; показатель коммерческой скорости движения выражается отношением сделанных поездок-километров к числу поездочасов, проведенных в движении и на остановках, и т. д. Еще сложнее подчас выражаются плановые показатели задаваемых структурных сдвигов в хозяйственных пропорциях. Сюда относятся например коэффициенты обобществления, учитывающие смещение соотношений социальных секторов: частного-хозяйственного, кооперативного и социалистического; показатели отраслевых сдвигов как мерило индустриализации страны и смещения производственных пропорций между тяжелой и легкой промышленностью или так называемыми группами А и Б со всеми их подразделениями; показатели территориальных сдвигов в размещении производительных сил страны; показатели структурных смещений в народном доходе с его подразделениями на фонды потребления и накопления смещения в составе издержек производства и обращения и т. д. Такие сложные показатели плана и их статистические измерители выражаются подчас уже целыми совокупностями цифр, организованными в табличные их коллективы.

Для получения и оформления их и ныне производится большая статистическая работа. К сожалению, до сих пор она развивалась главным образом по линии количественного объема работы в ущерб ее качеству. В огромном большинстве случаев эта работа заканчивается в стадии весьма элементарной сводки требующихся итогов выполнения плана по тому или иному показателю. За немногими исключениями¹ никаких углубленных группировок отчетного материала для анализа скрытых в нем закономерностей и важнейших факторов наблюдаемых явлений наша хозяйственная статистика обычно не дает. Еще реже можно встретить в ней приемы математической обработки статистических рядов для установления характера и тесноты выявляющихся в нем зависимостей.

Довольствуясь общими итогами выполнения плана по целым производствам и даже группам производств, наши ведомства еще и не пытаются даже расчленять все подчиненные им предприятия на целый ряд групп, хотя бы, скажем, по возрастающему проценту выполнения общего объема заданий, с тем чтобы посмотреть, в каком соотношении в каждой из этих групп окажутся количественные измерители выполнения плана с качественными и за счет каких именно причин или условий одни из них перевыполняют план, в то время как другие его недовыполняют. А между тем нет никаких сомнений, что такого рода группировки своими результатами оказали бы очень существенную помощь нашим плановым органам. Не лучше обстоит у нас дело и в области практического применения математических методов статистической обработки. У нас имеется целая плеяда выдающихся статистиков, прекрасно владеющих этими методами. Широко известны имена Н. С. Четверикова, В. В. Обухова, Е. Е. Слуцкого, Б. С. Ястремского, М. Н. Смит, а из младшего поколения—Ста-

¹ Сюда относятся например отличные работы М. Н. Смит по промышленной статистике, классические работы Г. Вейца по электроэнергетике, весьма ценные разработки Г. Кваши в переписи оборудования и некоторые другие.

ровского, Бранда, Бояровского и многих других. Но все они вовсе не занимаются хозяйственной статистикой, а естественно-физическими науками.

В области теории советской статистики мы тоже, к сожалению, располагаем пока гораздо более широкими возможностями, чем фактическими достижениями. И это не случайно. Статистика еще не получила у нас широкого общественного признания. Ею уже очень широко пользуются, но отнюдь еще не оценивают по достоинству ее научного значения. Недаром же нам приходится отстаивать здесь самое право на существование и развитие статистики в советских условиях. У нас нередко замечается даже явное перепроизводство учетной цифири, но при всех излишествах в учете реального спроса на научную статистическую обработку учетного сырья у нас еще не чувствуется. Наши издательства выпускают немало цифрового баласта, но, скажем, очень ценную книжку по теории статистических группировок выпустить не решаются. Наши плановики находят бумагу для издаваемой порою литературной халтуры и макулатуры, но на издание хотя бы одного на весь СССР журнала, посвященного проблемам социалистического учета, у них бумаги нет как нет. Спрашивается, где же нам обсуждать эти проблемы и продвигать вперед свою науку?

Мы однако ничуть не смущаемся этими временными препятствиями. Статистика в наших условиях и может и должна завоевать себе должное общественное признание. За это нужно конечно бороться. Если ведомственный учет, поглощенный текущими злобами дня, не успевает еще подняться до научной разработки своих измерителей, то этим должны заняться статистики-исследователи и на опыте доказать всем скептикам практическую ценность такой работы в плановом хозяйстве. Если кое-кто еще пытается трактовать советскую статистику как изживающую себя в новых условиях буржуазную дисциплину, то мы должны рассеять это злобное заблуждение. Владея строго диалектическим методом и таким предметом, как плановое хозяйство, советская хозяйственная статистика приобретает ныне принципиально иное значение, чем в буржуазном обществе. Буржуазная практика согласно американской пословице знает три степени лжи: простую ложь, более тонкий обман и статистику. Но если на службе буржуазии хозяйственная статистика действительно нередко превращается в орудие тончайшего всенародного обмана, то в социалистическом обществе она призвана стать орудием всенародного контроля планового хозяйства. И в этой роли, вопреки всем прогнозам статистических Кассандр, ей предстоит у нас конечно отнюдь не гибель или резкая деградация и жалкое прозябание, а мощный расцвет и широчайшее общественное признание.

От редакции. По вопросам, поставленным в статье т. Струмилина, редакция открывает на страницах журнала обмен мнений.

Технические сдвиги в машиностроении

В условиях депрессии особого рода, когда социально-экономические условия в капиталистических странах тормозят обновление основного капитала, когда огромный процент производственного аппарата хронически бездействует, техническая мысль за рубежом загнана в прокрустово ложе. Однако техническая мысль капиталистического мира, пораженного кризисом, сдавленного резким сокращением спроса на средства производства, все же не может совершенно приостановиться. Продолжаются поиски новых путей, ведущих к дальнейшему усовершенствованию освоенных уже технических методов производства и испытанных конструкций машин. Причины этого явления несомненно коренятся главным образом в том, что капиталистическая промышленность, стремясь найти выход из кризиса за счет народных масс и особенно за счет рабочих, пытается облегчить сбыт своей продукции путем максимального ее удешевления и повышения ее качества. И в этом случае буржуазная техническая мысль руководствуется стремлением усилить производство прибавочной стоимости. Особое внимание уделяется увеличению интенсивности труда и вообще таким методам удешевления продукции, которые не вызывают или вызывают минимум капитальных затрат.

У нас в СССР, в стране бурно расцветающей индустрии и бесконечно растущих потребностей, стимулы совершенствования техники в корне иные. Совершенствование техники — одна из предпосылок максимального развертывания производства и максимального повышения качества изготавливаемой продукции — стимулируется у нас стремлением удовлетворить рост потребностей страны, насытить ее всем ассортиментом продуктов, орудий и средств производства. Если в капиталистических странах новая машина ухудшает положение рабочих (увеличение армии безработных, рост интенсивности и т. п.), то у нас машина вооружает трудящихся в борьбе за построение бесклассового социалистического общества. Ликвидация монополии класса капиталистов на средства производства открыла совершенно новые перспективы развития техники и технической мысли в СССР, такие перспективы, каких не знает ни одна капиталистическая страна. Советский союз из отсталой в технико-экономическом отношении страны превратился в передовую индустриальную страну. Мы усиленными темпами осваиваем достижения мировой техники, оценивая под этим углом зрения опыт иностранной технической мысли. Посмотрим, каков этот опыт, каковы новые сдвиги в области машиностроения.

*

Можно с полной уверенностью сказать, что все нити современной техники сходятся в технике машиностроения, ибо совершенствование любого технологического процесса на любом участке индустрии в конечном итоге упирается в создание необходимой для этого нового процесса совершенной по своей конструкции, точной и хорошо вы-

полненной машины, аппарата, прибора или инструмента. Иными словами, разрешение всякой технической проблемы в конечном итоге упирается в разрешение той или иной проблемы машиностроения.

Развитие современной передовой техники и определяемые им тенденции технической реконструкции машиностроения идут в основном по двум направлениям: по линии конструирования совершенных, эффективных машин и орудий производства и по линии совершенствования технологических процессов производства. Ведущая роль в деле технической реконструкции машиностроения несомненно принадлежит первой из указанных форм технической политики, т. е. делу конструирования машин, ибо конструкторское творчество лежит в основе технической реконструкции машиностроения. Постараемся осветить наиболее характерные тенденции современного конструкторского творчества.

1. Создание больших мощностей и большой производительности в одном машинном агрегате путем максимальной интенсификации рабочих скоростей, напоров, давлений и напряжений, развиваемых в данной машине. В этой тенденции проявляется прежде всего стремление современной техники максимально сократить удельные расходы энергии на работу машины, т. е. максимально повысить экономический коэффициент полезного действия машины при одновременном максимальном сокращении удельных затрат на изготовление единицы мощности. Эта тенденция уже на данной стадии развития техники проявляется буквально на всех участках машиностроения. Например в котлостроении в данное время мы имеем уже дело с конструкцией прямоточных котлов на 100 и выше атмосфер пара с паросъемом чуть ли не в 1 тыс. кг с 1 м² (вместо 60—70 кг для существующих котлов повышенного давления); в двигателестроении речь идет уже о постройке мощных паровых турбин на 160—200 тыс. квт; в компрессоростроении — о постройке компрессоров давлением на 5 тыс. ат (вместо 200—300 ат, которые мы до недавнего времени рассматривали как предел высокого давления); в паровозостроении мощность выпускаемых серий паровозов растет из года в год и доходит до освоенных уже нами сверхмощных паровозов типа ИС; в вагоностроении — мощные саморазгружающиеся вагоны емкостью в 100 т; в экскаваторостроении дело доходит уже до изготовления сверхмощных экскаваторов с ковшами емкостью в 16 м³; в металлургическом машиностроении сооружаются грандиозные установки листопрокатного стана непрерывной прокатки производительностью около 1 млн. т в год, мощностью в 50 тыс. л. с. при общем протяжении стана в 480 м, при количестве работающих моторов около 1 тыс. единиц; в дробильно-размольном машиностроении техника создала уже тип сверхмощной конусной дробилки производительностью в 2 тыс. т в час для дробления кусков руды свыше 10 т. Следует при этом отметить, что концентрация мощностей и производительностей подобного рода в сверхмощных агрегатах достигается современной техникой не столько за счет увеличения самих размеров рабочих органов машины, сколько главным образом за счет повышения скоростей работы этих органов и действующих на них давлений. Так например переход от паровой турбины мощностью в 50 тыс. квт на турбину мощностью в 100 тыс. квт осуществляется путем перехода с более тихоходной модели в 1500 оборотов на быстроходную модель в

3 тыс. оборотов. При этом увеличении мощности агрегата в 2 раза вес его увеличивается всего лишь на 10%. Совершенно очевидно, что при этих условиях получается значительный выигрыш на стоимости единицы мощности машины и на занимаемых площадях, следовательно на стоимости строительных расходов, связанных с установкой данного машинного агрегата.

Об экономической эффективности подобного рода мероприятий технической реконструкции можно судить например по тому, что переход на московском заводе «Красный факел» с модели центробежного насоса с числом оборотов 1 500 в минуту на быстроходный мотор в 3 тыс. оборотов позволил повысить месячный выпуск продукции со 100 до 800 насосов. Это увеличение выпуска было достигнуто исключительно благодаря значительному сокращению размеров рабочих колес, камер, валов и т. д. Новая техника, учитывая огромное экономическое значение быстроходности, в своем стремлении к максимальному воплощению ее в жизнь не знает почти никаких пределов. Практика дает уже такие скорости, как 30 тыс. оборотов в ротационных машинах или 50 тыс. оборотов в шлифовальных станках. Стремление к высоким скоростям проявляется в современной технике двигателестроения прежде всего в области двигателей внутреннего сгорания, предназначенных для безрельсового транспорта. Облегчение веса машины при одновременном росте ее быстроходности играет огромную роль в экономике автостроения. И действительно, переход от модели карбюраторного бензинового автомобильного двигателя с числом оборотов около 1 тыс. на 3—4 тыс. оборотов дает почти удвоенную скорость движения автомобиля. В данном случае от применения принципа быстроходности выигрывает не только машиностроительная промышленность, получающая возможность на тех же станках и на тех же площадях давать в 1½—2 раза больше машинной продукции, но еще больше выигрывает транспорт, пользующийся этими орудиями производства.

Чрезвычайно высокий экономический эффект дает также применение принципа повышения давления, благодаря которому удается значительно сократить вес рабочей машины (компрессора) и тем самым удешевить стоимость ее. В еще большей степени повышение давления облегчает технологический процесс, для которого предназначается компрессор. О том, чего можно добиться в результате рекордного повышения рабочего давления, можно судить хотя бы по тому, что современную технологию разделения газов при низкой температуре, построенную на принципе глубокого охлаждения, оказалось возможным осуществить исключительно благодаря освоению машиностроением техники производства компрессоров высокого давления (до 200—300 ат). И только поэтому удалось создать современную технику азотно-аммиачного или кислородного производства. Однако новейшая техника на этом не успокаивается и стремится перейти к еще более высокому давлению — до 1 тыс. и даже до 5 тыс. ат. Подобное стремление опять-таки имеет под собой глубокие экономические основания, поскольку таким путем можно освободиться от ряда операций по многократному перекачиванию газа (при процессе глубокого охлаждения), а также и от дорогих приспособлений для катализаторов, крайне упростив таким образом конструкцию так называемых колонн синтеза, в которых происходит разделение газа, и сократив в то же время размер этих колонн и их вес.

2. Максимальная концентрация технологическо-

го процесса в одном машинном агрегате. Этот принцип техники проявляется в широком применении метода комбинирования, т. е. в создании машин-комбайнов, представляющих большие преимущества в отношении занимаемых площадей, количества необходимой для обслуживания машин рабочей силы, а также сокращения времени, затрачиваемого на переход от одной операции к другой (при выполнении сложного технологического процесса на ряде отдельных машин и орудий). Подобного рода конструкции агрегатов-комбайнов можно сейчас встретить на каждом участке промышленной техники. Так например угольные комбайны одновременно выполняют операции по зарубке угля, отбойке и подаче его к рабочему конвейеру; зерноуборочные комбайны выполняют одновременно операции уборки и обмолачивания зерна; торфяные комбайны производят все операции по заготовке торфа; дорожный комбайн подготавливает гудрон для цементных масс и производит заливку верхнего покрова дорог; рыборабочий комбайн выполняет все процессы очистки, потрошения и мойки рыбы; консервно-закаточная машина сосредоточивает в себе все операции по сборке банок; наконец наборная машина или ротационная печатная машина выполняет ряд сложнейших операций по набору или по печатанию. Все эти машины представляют собой продукт творчества современной техники, стремящейся в одном агрегате осуществить максимально большее количество функциональных процессов.

Следует указать, что у нас, в Стране советов, подобный принцип комплексного разрешения технологического процесса на одной конструктивной базе нашел более широкое применение, чем где бы то ни было в капиталистических странах. Творческая мысль в области комбайностроения находится у нас, благодаря принадлежности пролетарскому государству средств производства и плановости нашего хозяйства в таком расцвете, как нигде.

3. Повышение экономичности работы машин путем реконструкции самого метода работы машинного механизма. В этом отношении прежде всего следует отметить стремление техники перейти от поступательно-возвратного принципа рабочего действия к ротационному процессу, имеющему то огромное преимущество по сравнению с поступательно-возвратным, что при ротационной системе работы в громадной степени сокращаются вес машины, расход на производство ее, а также затраты на установку. Паровая турбина, турбинная конструкция центробежного насоса, турбовоздуходувка — все это пришло на смену тяжелой, громоздкой конструкции паровых машин, приводных насосов, компрессоров и воздуходувок главным образом в связи с той высокой экономичностью, которую приносит за собой ротационная конструкция. Можно при этом определенно сказать, что благодаря успехам современной техники в деле реализации ротационного принципа могли быть достигнуты высокие результаты в области интенсификации процессов работы машин, т. е. в области конструирования больших мощностей и производительностей. Осуществить такие сверхмощные конструкции, как например 150—200 тыс. квт в одном турбинном агрегате, или такую сверхмощную производительность, как подача 200 м³ воды в минуту, оказалось возможным исключительно благодаря блестящему разрешению вопроса турбинного метода действия. Экономическая выгода получается при этом еще та, что ротационный принцип позволяет осуществить непосредственную передачу силы от двигателя к машине-орудию. Благодаря этому современной тех-

нике удалось создать такие компактные агрегаты, как турбодинамо, где нет почти механической потери на промежуточной передаче силы и где при этом отпадает еще необходимость в редукторном приводе для ременной передачи со связанными с ними потерями в 15—20%.

Подобного рода стремление приблизить движущую силу к рабочему орудью, т. е. стремление создать непосредственное агрегатирование двигателя с рабочей машиной, начинает охватывать все большие и большие области производства и далеко выходит за пределы одной только энергетической техники, турбодинамо или турбонасосов. В данное время мы имеем уже например конструкции современных деревообделочных станков с многомоторными приводами, где каждая рабочая часть машины имеет свой самостоятельный электромотор, или сверхмощный листопрокатный стан для Днепро-стали, который будет иметь 1 200 отдельных моторов для вращения каждого из 1 200 роликов огромного рольганга. Интересно отметить, что даже в таких механизмах, где должны совершаться колебательные движения, например при работе грохотов или отбойных молотков, возможно применение принципа непосредственного привода при помощи электромагнитной силы, действующей на якорь, связанный с рабочим органом. Экономический эффект получается при этом разительный: установка освобождается от целого ряда приводов, рабочих валов, подшипников, т. е. освобождается по существу от всей массы потерь на трении. Неудивительно, что при этих условиях расход энергии на работу подобного рода электровибрационных грохотов или электромолотков сокращается почти в 5 раз.

Эта тенденция максимального сокращения потерь на трении в машине особенно характерна для современной техники, поскольку всякий успешный шаг техники в этом направлении освобождает для полезной работы десятки и сотни лошадиных сил, бесполезно затрачиваемых на преодоление вредного сопротивления — трения — на работающих частях, опорах и подшипниках. Огромные успехи техники в этом направлении выразились за последнее десятилетие в широком применении шариковых и роликовых подшипников, что в свою очередь далеко продвинуло вперед вопрос больших скоростей для рабочих валов. Другими словами, от применения шарико-роликовой системы подшипников экономика машиностроения выиграла вдвойне не только на механическом коэффициенте полезного действия рабочего механизма, где выигрыш составляет не менее 10—15%, но также и на габаритах рабочего механизма. Еще больше выигрывает от широкого внедрения шарико-роликовой системы экономика народного хозяйства в целом, получающая возможность пользоваться быстроходными средствами передвижения и быстроходными орудиями производства. Неудивительно, что в связи с этим современная техника стремится уже к переводу паровозов на роликовые буксы или к переводу прокатных станков на роликовые подшипники.

Следует отметить, что если до сих пор все внимание было направлено в сторону внедрения в конструкции шарико-роликовых подшипников для максимального сокращения потери на трении в рабочих механизмах, то за последнее время техника начинает уделять большое внимание и борьбе с сопротивлением трения в окружающей среде. В этом направлении за последние годы получены блестящие результаты в паровозо- и автомобилестроении благодаря применению уже общеизвестной системы обтекаемых конструкций. Применение принципа обтекаемости дает большой экономиче-

ский эффект. Так, автомобиль обтекаемой формы получает возможность развить на 25—40% большую скорость, нежели автомобиль необтекаемой формы, и сокращает на 50—55% расход топлива.

Таким образом борьба с потерями на трении является в современной технике несомненно наиболее эффективным фактором, непосредственно влияющим на экономичность работы машины.

4. Внедрение начал автоматики и телемеханики. Автоматика значительно повышает производительность работы машины, сокращает до минимума потери времени на переход от одной операции к другой, позволяет в то же время повышать до максимума скорость выполнения каждой операции. Тенденция к совершенствованию в области автоматизации все сильнее проявляется в мировой технике. Но в капиталистических странах она служит прежде всего для максимального удешевления стоимости работы и ведет к большему росту безработицы среди индустриальных рабочих. Не приходится конечно говорить о том, что пересаживаемые в наши условия лучшие достижения автоматизации играют совершенно другую роль: они позволяют максимально расширять узкие места производства, поднимать производительность до предельно возможных размеров, максимально увеличивать выпуск продукции на жадно поглощающий ее рынок. В то же время в не меньшей степени важна для нас роль автоматизации как фактора поднятия культурного уровня рабочего; благодаря работе на машине-автомате рабочий переходит на более высокую ступень работы механика или даже инженера автоматизированного агрегата.

Все то, что мы говорили выше о современных комбайнах или о современных сверхмощных машинах, выполняющих сложнейшие операции, имеет по существу непосредственное отношение к технике автоматостроения, причем следует сказать, что в этой области творческая конструкторская мысль сумела проявить себя у нас в довольно заметной форме. На целом ряде участков — в станкостроении, деревообделочном, продовольственном, текстильном машиностроении — советское производство дало ряд блестящих примеров освоения опыта автоматостроения. Это позволяет нам в настоящее время быстро и легко пересаживать лучшие конструкции автоматов, созданные мировой техникой, и значительно их совершенствовать.

Однако современная автоматика проявляется не только в создании моделей машин-автоматов. В связи с телемеханикой современная автоматика творит чудеса в области техники управления на расстоянии, пользуясь при этом методами электропривода, методами фотометрии, светотехники, т. е. всеми теми чудесами техники, которые позволяют управлять машиной исключительно с помощью магнитных токов и фотоэлементов.

Следует сказать, что аппарат телемеханики сам по себе представляет своего рода автомат, работающий в технологической цепи и с величайшей точностью регулирующий производственный процесс в установленных заранее границах. В современной технике подобного рода четкие контролеры производства, исключительно точно выполняющие строго установленные для них задания, приобретают крупное значение. Не допуская брака и гарантируя требования качества, точности и стандарта технических условий, они обеспечивают высокие результаты производства. Другими словами, осуществление автоматики и телемеханики приобретает для нас огромное значение в деле правильной организации производства и достижения лучших производственных нормативов.

Мы отметили четыре основных направления в современной технике машиностроения: интенсификацию процессов, развиваемых в машине, концентрацию технологических процессов в машине-агрегате, повышение экономичности работы машины путем улучшения процесса работы машин-агрегатов (ротационный принцип работы, непосредственное приложение движущей силы к рабочему месту, максимальное сокращение потерь на трении) и развитие автоматизации и телемеханики. Все эти технические сдвиги ведут непосредственно к созданию наиболее эффективных, наиболее экономных, дешевых и наиболее точно работающих машин и механизмов. В связи с этим осуществление указанных четырех принципов ведет непосредственно и к улучшению всех технологических процессов, для которых предназначаются совершенствуемые этими методами конструкции машин. Однако в новейшей технике идет одновременно усиленная ревизия технических методов, применяемых в технологии производства на разных участках промышленной техники. Ревизия эта опять-таки имеет своей целью максимально упростить процесс, удешевить и одновременно интенсифицировать его. В связи с этим создается определенное воздействие передовой отраслевой технологии на технику машиностроения. В подтверждение можно привести ряд чрезвычайно интересных примеров, указывающих, какие глубокие изменения в машиностроении вызываются сдвигами отраслевой технологии. Примеры эти еще раз показывают, что только тщательно следя за технологией обслуживаемой отрасли, за культурным прогрессом, идущим в этой отрасли, машиностроитель в состоянии учитывать все технические изменения, могущие произойти в его отрасли производства.

При работе по глубокому бурению приходится по мере проходки скважины прибегать к установке целой колонны обсадных труб, для того чтобы в скважине можно было вести работу буровым инструментом. Дороговизна этого способа при большой массе металла, участвующего в процессе бурения, побудила современную американскую технику резко изменить самый метод работы. Устанавливаются насосы для глинистого раствора, который нагнетается через полые штанги и цементирует стенки буровой скважины, настолько уплотняя их, что совершенно отпадает необходимость в установке дорогостоящих обсадных труб и соединений. Перед машиностроением вырастает таким образом задача создать сильные насосы, рассчитанные на высокое давление до 500—1000 м, т. е. до 50—100 ат и больше.

Откачивание воды или нефти из глубоких скважин обычно производится штанговыми насосами, приводимыми в действие от тяжелых качалок, т. е. приводными механизмами к штанговым насосам. Нынешняя техника все больше отходит от этой системы и переходит к пневматическому методу добытия жидких масс из скважины: в находящуюся в скважине жидкость нагнетается воздух, вследствие чего она, смешанная с воздухом, поднимается вверх по трубе. Таким образом и в данном случае отпадает необходимость в тяжелых конструкциях — приводных лебедках, штанговых насосах с огромными колоннами штанг. Вместо этого усиливается потребность в компрессорных устройствах, рассчитанных на более высокое давление.

В технологии обогащения мы до сих пор встречаемся преимущественно с методом мокрого обогащения, в котором участвует огромное количество воды, необходимой для выполнения разнообразных

процессов классификации и сепарации рудных масс. Современная техника все больше и больше стремится к переходу на сухой метод обогащения, при котором сепарация, классификация и отделение обогащаемых руд осуществляются путем взвешивания их в струях воздуха. При этом совершенно отпадает необходимость в громоздкой, тяжелой конструкции обогатительного обрудования, пропускающего через себя огромное количество жидкости. Отпадает необходимость в большом количестве насосных установок и сложной коммуникации к ним, но зато усиливается требование к технике воздухоудовк и вентиляционных устройств, которые приобретают при воздушной сепарации решающее значение.

Добыча ископаемых, в особенности в тех случаях, когда их приходится добывать на поверхности земли или когда они заложены неглубоко, под наносным слоем почвы, осуществляется обычно с помощью экскаваторов и скреперных устройств для непосредственных работ по вскрышке этих пластов рудных ископаемых. Вместе с экскаваторами и механическими средствами для вскрышных работ должно участвовать немалое количество паровозов, вагонов для вывоза масс пустых пород и руды. Добыча руды в силу этого является очень сложным, очень дорогим и громоздким делом. Горная техника постепенно отходит от этих методов, стараясь перейти на гидравлическую разработку месторождений руд и топливных залежей.

При этом способе вместо парка экскаваторов, паровозов, вагонеток в работу вступает небольшой механизм, так называемый гидромонитор, т. е. аппарат для создания гидравлического давления в 15—20 ат; сильная струя воды, направленная на разрабатываемый пласт, быстро и легко отделяет и смывает его. Весь транспорт при этом заменяется гидропроводом, выносящим вместе с водой также и отходы руды. Машиностроение получает огромное облегчение, оно освобождается от вдвойне трудной задачи — обеспечить горные работы не только экскаваторами, но и транспортным парком. Усиливаются только требования на гидравлические механизмы, не представляющие по существу ничего сложного или громоздкого. Мы уже широко применяем гидравлический принцип в области гидроторфа, где полностью подтверждаются жизненность этого принципа и его экономическая целесообразность.

Современная техника энергетики относится чрезвычайно бережно к топливу и в связи с этим стремится заменить карбюраторные двигательные установки дизельными с почти вдвое меньшим расходом жидкого топлива. Но наряду с этим в энергетике начинают пользоваться для работы автомобилей сжатым водяным газом. Таким образом используется энергия дешевого бурого угля посредством перевода его на высококачественный газ. Имея в своем распоряжении один лишь баллон сжатого до 150 ат газа, грузовой автомобиль в состоянии пройти 1 тыс. км. Сберегается при этом жидкое топливо на работу автомобильного двигателя, упрощается также конструкция мотора, а грузовик освобождается от громоздкого бака для бензина, от лишнего веса самого бензина и т. д. Но энергетическая мысль не успокаивается и на этом и стремится использовать бесконечные ресурсы, которыми располагает природа, как например энергию воды и воздушных течений. При этом речь идет не об общеизвестных уже ресурсах гидротехнических установок, но о стремлении техники извлекать водород из воды и заменять этим водородом энергию жидкого топлива при работе двигателей внутреннего сгорания.

Что касается использования воздушных течений, то уже в нашей советской практике мы имеем первые установки мощных ветряных двигателей (установка в 100 л. с. в районе Балаклавы). В ЦАГИ ведется разработка сверхмощного ветряного двигателя в 5 тыс. л. с., который должен открыть собой новую страницу в мировой технике ветряного двигателестроения.

Мы видим, что все методы энергоиспользования ведут прежде всего и непосредственно к коренным изменениям в конструкции машин-двигателей, к упрощению этих конструкций и повышению их экономической эффективности.

Наряду с совершенствованием конструкций машин современная техника машиностроения в неменьшей степени занята непрерывным совершенствованием технологических методов производства машин. Если совершенствование конструкций имеет своей целью создание таких моделей машин, которые дали бы серьезные преимущества технологии того производства, для которого эти машины предназначены, то совершенствование производственных процессов изготовления машины имеет своей целью прежде всего интересы самой машиностроительной промышленности. В связи с этим современная технология машиностроения стремится к повышению качества машин, ускорению процесса их изготовления, а в связи с этим и к удешевлению стоимости их производства. Стремление к осуществлению этих трех принципов проходит красной нитью через всю техническую политику машиностроительного производства и является двигательной силой современной технологии машиностроения на всех его этапах—отливки, холодной и горячей обработки металла, сварки, сборки. При этом новейшая техника подвергает непрерывной ревизии все уже установившиеся методы производства, не щадя никаких освоенных уже начал и неустанно выдвигая все более эффективные методы производства. Остановимся на некоторых наиболее характерных новейших достижениях в области машиностроительной технологии.

1. **Техника литейного дела.** За последнее десятилетие заложены прочные основания для механизации трудоемких процессов литейного дела, в первую очередь формовочных процессов, поглощающих больше всего труда, времени и средств. Создан целый ряд высокоэффективных и высокопроизводительных пневматических формовочных машин, которые в состоянии давать до 250 полуформ за 7 часов, по меньшей мере в 2—3 раза повышая производительность литейных и раза в 2—3 снижая при этом требуемую формовочную площадь. Следует при этом сказать, что механизация формовки осуществляется не только в заготовке массовых и крупносерийных форм производства, но и при изготовлении мелкого и среднего литья. Современная техника находит возможным механизировать процесс формовки даже при изготовлении такого крупного литья, как например вагонные рамы. Применение пескометов позволяет быстро набивать формы для деталей площадью в несколько квадратных метров, выполняя это с большой быстротой с помощью одного лишь человека. Однако передовая техника поставила перед собой ряд задач, идущих гораздо дальше. Дело в том, что процесс изготовления формы из земли по деревянным моделям не может уже удовлетворять современную технику, поскольку при этом метод подготовки литья и результат отливки в значительной степени зависят от качества материала деревянной модели, степени точности

изготовления ее, а также от материала формы. Новейшая техника не может уже мириться с деревянной моделью и земляной формой, поскольку природа этих материалов, оказывающая решающее влияние на результаты литья, не является устойчивой, требует к себе особо внимательного отношения и не гарантирует в то же время точности отливки. В связи с этим на смену деревянным моделям приходят уже модели металлические, позволяющие получать более точное литье облегченного веса (примерно на 12—14% по сравнению с отливкой по деревянным моделям). На смену технике земляных форм и технике машинного изготовления этих форм приходит новейшая техника машинной отливки в металлических формах, в так называемых полупостоянных формах.

Далее техника стремится уже полностью механизировать процесс литья, и это находит отражение в той исключительно напряженной работе, которая проводится над осуществлением метода литья под давлением, а также метода центробежного литья. Экономическое значение этого метода литья под давлением очень велико. Так, применение его в меднолитейном деле должно привести к повышению производительности труда литейщика примерно в 15 раз (вместо 5—10 т в год на одного литейщика, 2 литейщика при литье под давлением могут дать 1 т в смену). Или например при отливке щеткодержателей обычным путем 100 штук готовых, обработанных металлических щеток обходится приблизительно в 115 руб., причем на одну только механическую обработку приходится 73 руб.; сотня же щеток, изготовленных методом отливки под давлением, обойдется всего лишь в 42 руб., причем вся механическая обработка, поглощающая, как мы указали, около 70—80% стоимости, в данном случае сведется к одной только отделке отлитой детали, что обойдется примерно в 2 р. 87 к. Огромная экономическая эффективность метода литья под давлением сказывается не только в ускорении процесса литья и удешевлении его, но, что особенно важно, в получении такой чистой поверхности отлитой детали, при которой механическая обработка делается почти излишней. Эта высшая форма техники литейного дела может в будущем свести на-нет те преимущества, которые в настоящее время несомненно имеют (перед литьем) методы штамповки иковки, позволяющие быстро и дешево изготавливать при массовых процессах производства детали, почти не нуждающиеся в механической обработке.

Если техника литья под давлением относится пока к области грядущих достижений, поскольку в данное время еще не созданы вполне прочные формы для отливки под давлением чугуна и стали, то зато метод центробежного литья завоевал себе уже полностью право гражданства в заграничной технике, но к сожалению еще не привился в достаточной мере у нас. Метод этот экономически выгоден при всех условиях массового производства деталей, представляющих тела вращения, например при изготовлении втулок, труб, колес, дисков и т. д. Нужно отметить, что у нас уже есть свои изобретатели, успешно завершившие цикл опытных работ в области изготовления методом центробежного литья даже таких мелких деталей, которые не имеют формы тела вращения. Метод центробежного литья системы г. Захарина, детально проверенный в Институте машиностроения (НИИМАШ), дал достаточно хорошие результаты, но, как это очень часто бывает у нас, бюрократизм задержал до сих пор широкое внедрение этого метода в жизнь (по крайней мере для простейших деталей), несмотря на несомненные преимущества его.

несмотря даже на то, что в заграничной технике нет прецедентов такого рода метода литейного производства.

Другой процесс литейного производства — процесс очистки, обрубки литья — поглощает безобразно много человеческого труда в немеханизированных литейных и создает при этом крайне антисанитарные условия работы. Ныне созданы пескоструйные аппараты и пескоструйные камеры для очистки литья, или камеры гидравлической очистки, куда загружается сразу большое количество отлитых деталей, выходящих оттуда через некоторое время совершенно чистыми, без малейших изъянов на поверхности.

Все то, что мы указывали до сих пор, имеет отношение к механизации трудоемких процессов литейного производства, играющей огромную роль в деле повышения производительности литейных и удешевления стоимости изготовления литья. Но этого еще мало. Новейшая техника литейного дела в борьбе с таким сильным конкурентом, каким является кузнечная технология с ее безграничными возможностями по изготовлению самых разнообразных видов изделий из профильного качественного металла, стремится во что бы то ни стало создать такое качество металла отливой модели, при котором она не уступала бы детали кованой или штампованной. Нужно сказать, что в этом отношении мировая техника пошла особенно далеко, поставив на значительную высоту так называемое легированное стальное и чугунное литье, т. е. литье с присадкой таких ценных материалов, как хром, никель, марганец, которые значительно повышают физико-механические свойства литья. Изнашиваемость такого рода легированного чугуна почти в 5 раз меньшая, чем изнашиваемость обыкновенного чугуна, а механические свойства такого легированного чугуна настолько повышаются, что сопротивление его на изгиб доходит до совершенно недоступных обыкновенному чугуну размеров, до 45—75 кг на квадратный миллиметр.

Однако присадка в количестве 15—17% такого металла, как импортный никель, является конечно делом слишком дорогим, и это экономически затрудняет внедрение хромо-никелевой легированной литой стали и чугуна. В этом случае на помощь приходит хром или марганец, который в количестве 6—8% и при соответствующей термической обработке в состоянии заменить никель. С успехом применяются также и алюминиевые обрезки, которые имеются у нас в больших количествах. Применение алюминия при изготовлении так называемого чугуна «чугаля» советской системы инж. Дурниенко позволяет полностью обходиться без никеля при получении легированного чугуна.

В связи со всем сказанным в советской экономике приобретает особенно большое значение практическое разрешение проблемы Орско-халиловского района, располагающего огромными богатствами руд со значительным содержанием никеля. Халиловский чугун, отлитый из этих руд, представляет собой природный легированный чугун, содержащий до 2—3% никеля, благодаря чему он обладает свойством жароупорности и антикоррозийности. Присадка халиловского чугуна в обычных вагранках в пределах до 10%, а в некоторых случаях даже до 70% необычайно легко и просто разрешает вопрос качественного литья и освобождает народное хозяйство от валютных затрат на импортный никель.

Мы таким образом видим, что в нашей экономике имеются все предпосылки для создания самых надежных, самых прочных чугу-

нов и сталей. Широкое использование имеющихся у нас ресурсов позволило бы нашей стране далеко обогнать передовые страны мира и даже США, занимающие первое место по качественному литью. Нужно однако сказать, что у нас до сих пор этой стороне техники советского машиностроения не уделялось должного внимания, и мы платились за это большими перерасходами на весе отлитых деталей, изготавливаемых обычно из низкокачественного чугуна, теряя при этом немало на большом браке и на высокой стоимости литья. Все это можно было бы без труда изжить в том случае, если бы наше машиностроение, располагающее почти всеми техническими данными передовых литейных мира, перешло на практическую работу по широкому внедрению легированных чугунов по всему фронту литейной техники.

2. Технология кузнечного дела. В этой области техника за последние годы развила особенно большую активность. Созданы усовершенствованные орудия кузнечно-прессового производства и совершенные методы термической обработки кузнечной заготовки. Производительность современных быстроходных ковочных парогидравлических прессов почти в 2 раза выше производительности обычных молотов, при расходе пара почти в 2 раза меньше. Новая техника привела также к широкому применению приводных электрических пружин и приводных пневматических молотов, незаменимых при производстве легких поковок и дающих очень большую экономию энергии по сравнению с паровыми или воздушными молотами. Появление в новейшей кузнечной технике таких орудий производства, как американские так называемые макси-прессы, позволяет придавать изготовленным откованным деталям калиброванную поверхность формы. Изделия, выходящие из-под таких прессов, приобретают настолько чистую поверхность и настолько точные размеры, что в этом случае никаких механических обработок больше не требуется.

Нынешняя техника не останавливается на достижении высших форм горячейковки, поскольку последняя связана со сложным процессом предварительного подогрева заготовки. Все больше и больше расширяется сфера применения холоднойковки. По имеющимся сведениям, завод Форда производит способом холоднойковки валы диаметром около 2,5 дюйма. Об экономическом значении штамповки можно судить по тому например, что, по данным тракторной мастерской Кировского завода, деталь шатуна, которая до введения штамповки весила 15 кг, после введения штамповки весила всего лишь 13 кг. Заготовка деталей шестерни до штамповки весила 15 кг, после штамповки — 13,6 кг, т. е. применение штамповки позволяет на 11—13% сократить черновой вес детали. В данном случае экономическая выгода получается еще и от того, что при изготовлении детали ковочным путем приходится почти полностью обрабатывать ее на всей поверхности, при изготовлении же методом штамповки деталь может быть обработана лишь частично, только на отдельных работающих участках.

На примерах литейной и кузнечной технологии можно видеть, что новейшая техника неуклонно стремится к объединению процесса заготовки с процессом отделки полужабриката, т. е. к полному, законченному процессу отливки и поковки вплоть до окончательной отделки детали, не требующей уже механической обработки. Трудно себе даже представить, какова экономиче-

ская значимость получения законченной детали в процессе литья иликовки и насколько значительными могут оказаться результаты окончательной победы этого принципа.

3. Технология механической обработки. Само собой разумеется, что победа указанных методов изготовления литейных иликованых деталей в значительной мере суживает уже сферу механической обработки. В большинстве областей массового производства, как например в автотракторном и сельскохозяйственном машиностроении, моторостроении, где массовое изготовление литых, кованных илиштампованных деталей небольших размеров находит особенно широкое применение, совершенные методы литья и кузнечной обработки должны оттеснить и уже оттесняют в значительной мере метод механической обработки. Но это обстоятельство еще не ликвидирует технологию механической обработки, а только ведет к переходу этой технологии на следующую, более высокую ступень, а именно к ш л и ф о в к е. Как бы точно и аккуратно ни изготавливалась литая иликованая деталь, необходимость работать на чрезвычайно высоких пределах точности, при допусках, измеряемых подчас сотой долей миллиметра, приводит в современной технике к расцвету особого метода механической обработки — шлифовки. Это обстоятельство должно в корне видоизменить профиль механического процесса производства, во много раз удешевить начальные затраты на станочный парк, на требуемые для него рабочие площади, ибо во всех случаях, когда требуется снять 1—2 мм, гораздо выгоднее и экономичнее окажется вести работу шлифовальным кругом (вместо работы резцом).

Не приходится говорить о том, как далеко зашла техника в области применения больших скоростей резания, доходящих чуть ли не до 200 м в минуту. Такая рекордная скорость резания сочетается с успехами техники высококачественных сталей и сверхтвердых сплавов, из которых изготавливаются быстроходные резцы, а также с техникой увеличенной мощности станков, выпускаемых современным станкостроением, и с увеличенным числом их оборотов. Достаточно сказать, что за последние 3—4 года число оборотов американских станков увеличилось в 4—6 раз, доходя теперь до 3 тыс. оборотов (вместо нашего максимума — 1 тыс. оборотов), причем средняя мощность станков составляет там около 20 л. с. против 10 л. с. мощности наших станков.

Во всех случаях массового производства и специальной механической обработки, например при обработке пальцев кривошипов, шестерен и т. д., современная техника применяет исключительно ст а н к и - а в т о м а т ы, обеспечивающие величайшую точность работы и позволяющие обходиться одним рабочим на 4—5 станках. Применение автоматического промера деталей во время шлифовки, метода протяжки (вместо фрезеровки или обработки на строгальных станках), копировальных станков Келлера, пневматических патронов для быстрого зажима при установке детали — все это в огромной степени облегчает процесс механической обработки, ускоряет его и повышает производительность механических мастерских, вооруженных такого рода совершенными орудиями производства.

Немаловажную роль в экономике механической обработки сыграли также успехи техники приспособлений при механической обработке, получивших огромное распространение в США, где до виртуозности изощряются в конструировании подобного рода при-

способлений. Освоение техники конструирования приспособлений при механической обработке должно сыграть огромную роль в нашей экономике, поскольку таким путем возможно на почти любом станке, имеющемся в цехе, изготавливать самые сложные детали. С этой стороны чрезвычайно облегчается возможность использования имеющихся у нас резервов площадей и наличного станкового парка. К сожалению, это еще не учитывается у нас в должной мере. Между тем конструирование приспособлений к станкам довольно серьезно поставлено в особом бюро Оргаметалла, которое могло бы легко и быстро сконструировать почти любое приспособление. Тем самым были бы использованы «гуляющие» или малозагруженные станки.

4. Технология сварки и резки. За последние годы на помощь машиностроительному производству в значительной мере приходят усовершенствованные методы сварки и автогенной резки. Еще до недавнего времени электрическая сварка применялась главным образом в деле замены заклепочных работ при котельных процессах и немаловажную роль сыграла в экономии дорогого котельного железа и в ускорении работы при производстве железных конструкций. Но за последние годы техника сварки поднялась на большую высоту — она охватила довольно широкий фронт работ по изготовлению самых сложных машинных деталей, успешно заменяя собой в этих случаях литье. Там, где литье трудно справляется со своей задачей, например при формовке и отливке крупных деталей сложной конфигурации с рядом внутренних тонких стенок, задача разрешается современной техникой путем комбинированного оформления сварных конструкций (например приварки литого обода или же при изготовлении самого обода из сварной провальцованной полосы, или наконец путем отливки отдельных частей сложной литой конструкции и затем сварки их между собой). В последних случаях здесь, по американским данным, вес детали должен уменьшиться почти на 20% и стоимость сократиться почти на 35%.

Насколько этот метод сварки глубоко внедряется в мировую технику, можно судить по тому, что например на американских заводах оказалось более выгодным изготавливать сваренные статоры электромашин, а сейчас уже и на нашем заводе «Электросила» изготавливаются довольно крупные статоры генераторов, сваренные из отдельных листовых вырезок. Итальянская фирма «Фиат» изготавливает у себя даже крупные формовочные машины почти сплошь сварной конструкции. Точно так же станины токарных станков там не отливаются, а изготавливаются сварным способом.

В американской практике можно наблюдать комбинированное сочетание литых и сварных конструкций, причем даже сложный литой подшипник вваривается в станину. Высокое качество автогенной резки, производимой по копиру, позволяет при самой сложной по конфигурации заготовке (например шатуна) обходиться без ряда кузнечных ковочных и даже без ряда механических (строгальных) работ, необходимых для получения подобной конфигурации деталей. Наконец освоение метода заварки дает сейчас блестящие результаты в смысле лечения брака, например при появлении трещин или же при восстановлении деталей, пострадавших от аварий.

Успешно развивающаяся техника сварки серьезно угрожает литейному делу, все больше и больше суживая его сферу применения, казавшуюся недавно безграничной. Эта угроза тем более действи-

тельна, что за последние годы большие успехи сделала техника точечной сварки, прекрасно разрешающая вопрос массового изготовления сварных деталей. Все это вместе взятое говорит о том, что должно наступить время, когда успехи металлургии по изготовлению профильных и конструкционных сталей любых размеров и форм позволят столь широко использовать методы сварки, что методы литья, связанные со значительными потерями на браке и угаре и требующие довольно сложного и дорогого оборудования и площадей, постепенно начнут уступать свое место технике сварки.

Следует сказать, что в Стране советов техника электросварки в значительной мере освоена, и пожалуй по количеству применяемых сварочных машин мы занимаем одно из первых, если не первое место в мире. Это относится главным образом к котельной сварке или к производству железных конструкций. В гораздо меньшей степени у нас внедрены принципы сварки в область машинного производства. В этом отношении мы еще отстаем от заграничной техники, и эту отсталость мы должны ликвидировать, если не хотим оставаться в хвосте мировой техники в тот момент, когда сварка окончательно завоюет позиции и в машинном деле.

5. Технология термической обработки. Достижения техники в области качественного литья не были бы реализованы в должной мере и не были бы столь значительны, если бы они не шли рука об руку с достижениями термической обработки. О том, какое огромное экономическое значение имеет применение термической обработки, можно судить хотя бы по тому, что, по данным производства Круппа, цементация литых шестерен редукторов почти на 300% повышает допускаемый крутящий момент, причем почти в 8 раз повышается длительность производственного использования шестерни. Цементация еще до недавнего времени (а у нас, пожалуй, и в настоящее время) относилась к области особого искусства и связывалась с какими-то особыми секретами режима работы. В новейшей технике цементация является уже научно поставленным делом благодаря применению новейших методов газовой цементации, смешанной с парами нефти и масла или цементации в азотной среде, в цианистых солях, цементации алюминием и т. д. При этом например в последнем случае за 16 часов можно получить те же результаты, что за 48 часов при обжиге в обычных печах.

Следует сказать, что огромное экономическое значение освоения новейшей технологии цементации заключается не только в сильном повышении механических качеств металла, идущего на механическую обработку, но и в возможностях соответственного сокращения размера этих деталей и удешевления стоимости их.

Ограничимся приведенными иллюстрациями из области технических сдвигов в машиностроении. Можно было бы привести еще десятки примеров технического творчества в области современного машиностроения, но и сказанного вполне достаточно, чтобы понять, как далеко вперед идет мировое машиностроение и в области конструирования и в области технологии. Эта неустанная работа капиталистического машиностроения, являющаяся в данное время результатом его тяжелой борьбы за существование, ведет в то же время к невиданно высокому совершенствованию конструктивных и технологических методов машиностроительного производства.

Советские машиностроители, работающие в неизмеримо лучших условиях, в обстановке полной уверенности в завтрашнем дне, в условиях безграничной свободы творчества, должны пытливно, настойчиво, неустанно, каждодневно изучать все то новое, все то совершенное, что дает мировая техника, и, немедленно же отбирая самое лучшее, пересаживать его в нашу промышленность, немедленно внедрять в жизнь. Нужно помнить, что эти технические усовершенствования имеют серьезное экономическое содержание, открывающее большие возможности как в отношении расширения производства на существующей базе, без необходимости значительных капиталовложений, так и в отношении повышения качества выпускаемых машин и снижения стоимости их.

Осваивая новейшую технику, советские машиностроители должны прежде всего помнить указание т. Сталина о том, что мы должны из техники выжать все, что она может дать, для того чтобы в 2—4 раза повысить производительность наших фабрик и заводов. Осуществить это возможно, только располагая самыми лучшими орудиями производства, следовательно ответственность за выполнение указаний т. Сталина падает прежде всего на само машиностроение и на живых людей, представляющих технику машиностроения. Кадры и здесь решают все.

Депрессия особого рода и положение рабочего класса в капиталистических странах

I

Товарищ Сталин в своем отчетном докладе XVII съезду партии показал, как капитализму удалось за счет трудящихся масс несколько улучшить положение промышленности, преодолеть наибольшую глубину кризиса в середине 1932 г. и перейти к депрессии особого рода. Обстановка общего кризиса капитализма, в которой протекает современный экономический кризис в странах капитализма, чрезвычайно осложняет и затрудняет обычный ход циклического движения. Буржуазия в поисках выхода из кризиса больше, чем когда-либо во время прежних кризисов, усилила эксплуатацию и нажим на массы рабочих и фермеров, а также крестьян колоний и экономически слабые страны. В результате всего этого положение рабочих и широких трудящихся масс ухудшилось теперь, как никогда раньше во время экономических кризисов. Армия безработных приняла невиданные еще в истории капитализма размеры. Только по 20 важнейшим капиталистическим странам зарегистрированная безработица в худшую пору кризиса дошла, по данным Международного бюро труда, до 30 млн. чел. Резко сократилась заработная плата рабочих во всех капиталистических странах. Например, по официальным правительственным данным (Department of Labor), индекс выплаченной зарплаты в обрабатывающей промышленности США сократился от высшей точки 1929 г. к низшей точке кризиса на 67%.

Это — типичная картина для всех капиталистических стран в годы мирового экономического кризиса. Только в Советском союзе ликвидированы навсегда безработица и пауперизация народных масс, нищета и голод трудящихся. С 1927 г. общая сумма зарплаты в СССР возросла более чем в пять раз; количество занятых рабочих и служащих — более чем в два раза. Победа социалистической индустриализации, победа коллективизации сельского хозяйства, ликвидация последнего эксплуататорского класса — кулачества — создали основные материальные предпосылки более быстрых темпов роста материально-культурного уровня жизни трудящихся СССР. И VII конгресс Коминтерна явился конгрессом демонстраций победы социализма. Доклад т. Мануильского об итогах социалистического строительства в СССР был настоящей симфонией свободного труда, воплощающего под руководством партии Ленина—Сталина в реальность вековые мечты и идеалы трудящегося человечества. Конгресс подвел итоги положению и борьбе рабочего класса также в капиталистических странах. Два мира — два различных итога, две противоположных перспективы.

Огромное обнищание рабочего класса в годы экономического кризиса в капиталистических странах является фактом, которого не мо-

гут отрицать даже буржуазные экономисты. И действительно, надо быть совершенно ослепленным, чтобы не видеть чудовищного обнищания за последние 5—6 лет рабочего класса, ужасающего бедствия народных масс, не имеющего по своим размерам и остроте прецедента в истории капиталистических кризисов. Тем не менее известный буржуазный экономист Кондлиф (J. B. Condliffe), являющийся официальным обозревателем мировой экономики при Лиге наций, позволяет себе утверждать, что реальная зарплата рабочих в капиталистических странах во время кризиса выше, чем до кризиса, и что никогда раньше экономическое положение рабочих не было так устойчиво, как теперь.

«Стандартные ставки денежной зарплаты, — пишет он, — сохранились в целом в годы современного кризиса лучше, чем во время прежних кризисов (depressions). Несмотря на длительность и суровость кризиса и сокращение спроса труда в большинстве стран, ставки зарплаты не были в общем namного сокращены. А если учесть падение стоимости жизни, то реальная зарплата в большинстве отраслей промышленности и практически в каждой стране окажется во время кризиса выше, чем накануне кризиса. Эта стабильность зарплаты, подкрепленная расширением общественной помощи и мероприятиями по социальному обеспечению, свидетельствует о важных сдвигах в общественном мнении. В настоящее время более широко, чем когда-либо раньше, признано «право на жизнь» («right to live»). Современное общество обращает особое внимание на справедливость и гуманность и готово в период экономического затруднения обеспечить всем членам общества стандартный прожиточный минимум и в то же самое время довести до минимума жертвы организованных рабочих»¹.

Кондлиф, стремясь обелить современный капитализм, переворачивает вверх ногами социальные последствия мирового экономического кризиса для рабочего класса. Оказывается, кризис несет рабочему классу не нищету и голод, а благоденствие. Разберемся несколько подробнее в высказываниях Кондлифа, так как они появились в материалах такого почтенного учреждения, как Лига наций.

Прежде всего остановимся на вопросе о ставках номинальной зарплаты. Кондлиф считает, что эти ставки в общем не namного сократились в современном кризисе и что по сравнению с прежними кризисами они сохранились прочнее. Это — неверно. Неверно потому, что противоречит фактам мирового экономического кризиса.

В фазе кризиса обычно происходит массовое обесценение производительных сил страны. Недаром одним из типичных показателей капиталистических кризисов является падение цен. В современном кризисе произошло особенно сильное падение цен, хотя борьба монополистических организаций капитала за высокие прибыли создала ряд затруднений для понижения цен в порядке, обычном для кризисов старого капитализма. В этих условиях особенно действуют экономические силы капитализма по линии сокращения ставок номинальной зарплаты.

Конечно автоматизма в падении ставок зарплаты нет. Рабочий класс может своей борьбой против снижения зарплаты препятствовать наступлению капитала. Мы имеем массу примеров успешного от-

¹ World Economic Survey. Fourth Year, 1934—1935. League of Nations, Geneva, 1935, p. 134.

ражения рабочими во время кризисов попыток предпринимателей уменьшить ставки зарплаты. Практика стачечного движения опрокидывает теорию социал-демократических лидеров о невозможности экономической борьбы во время кризисов, вскрывает антипролетарский характер стачкобоязни в условиях кризисного наступления капитала на зарплату. В условиях экономического кризиса возникают дополнительные трудности для стачечной борьбы¹, но это не может оправдать теории и практики отказа от стачек. Надо отметить, что сами предприниматели в страхе пред усилением борьбы рабочего класса обычно прибегают больше к обходным формам наступления на зарплату, чем к лобовой атаке на ставки зарплаты, не отказываясь конечно и от прямого понижения номинальных ставок зарплаты. Но при всем этом борьба рабочего класса не может устранить того факта, что при капитализме зарплата является превращенной формой стоимости рабочей силы. Ставки же номинальной зарплаты, а при повременной оплате цена рабочего часа, выступают таким образом как известная доля стоимости рабочей силы в денежном выражении. И в условиях всеобщего падения цен внутренние силы капитализма не могут не действовать в направлении понижения стоимости рабочей силы и единицы измерения зарплаты — цены рабочего часа или номинальной ставки зарплаты. Именно во время экономических кризисов особенно сказывается тенденция капитализма уменьшить стоимость рабочей силы и зарплаты как ее превращенной формы.

Иначе и не может быть, когда во время кризиса колоссально возрастает безработица. Как известно, Маркс писал, что широкие колебания зарплаты в общем и целом регулируются в различных фазах цикла движением армии безработных. В современном кризисе безработица приняла чудовищные размеры, невиданные прежде в истории капиталистических кризисов. Это означает, что в настоящее время условия предложения труда ухудшились, как никогда раньше при прежних кризисах. Как же можно при этом говорить, что зарплата в современном кризисе сохранилась прочнее, чем во время прежних кризисов? Тем более, что из-за саботажа социал-демократических лидеров стачечная борьба рабочих в годы наибольшего обострения кризиса и наступления капитала на рабочих не приняла достаточно широких размеров, необходимых для защиты зарплаты.

Такова теоретическая сторона вопроса, интересующего нас здесь.

Обратимся теперь к фактам современного кризиса. Возьмем для примера данные о движении почасовой оплаты американских рабочих (за исключением сельскохозяйственных) за последние семь лет — данные, которые можно рассматривать как более или менее типичные для движения ставок зарплаты в капиталистических странах в период нынешнего кризиса (см. табл. на стр. 87).

Эти данные, являющиеся, кстати сказать, официальными буржуазными данными, не оставляют и тени сомнения относительно значе-

¹ Т. в. Мануильский в докладе об итогах VII конгресса Коминтерна говорил, что одна из причин медленного развертывания единого фронта в области профдвижения „заключается в том, что в условиях экономического кризиса, когда налицо огромная армия безработных, легче развернуть политические бои, чем организовать стачки» (См. Д. Мануильский, Итоги VII конгресса Коммунистического интернационала, «Большевик», № 18, 30 сентября 1935 г., стр. 21).

Индекс среднечасовой оплаты рабочих в США¹ (1913 г. = 100)

Годы	Индекс	Изменение к 1929 г.
1929	233	—
1930	229	— 1,7 %
1931	217	» „ — 6,9
1932	186	» „ — 20,2
1933	178	» „ — 23,6
1934	200	» „ — 14,2

т е л ь н о г о сокращения почасовой оплаты рабочих вопреки утверждению Кондлифа. Надо отметить, что фактические данные из того же источника опрокидывают и другое положение Кондлифа о том, что по сравнению с прежними кризисами ставки зарплаты в современном кризисе сохранились лучше.

Займемся простым вычислением процента падения того же индекса почасовой оплаты за период с 1840 г. За это время индекс почасовой оплаты ни разу не уменьшался настолько резко, как в 1929—1933 гг. Об этом свидетельствуют следующие данные о падении индекса почасовой оплаты (1913 г. = 100), составленные нами на основании официальных материалов.

Падение индекса почасовой оплаты рабочих в США

Периоды падения	Процент падения
1841—1844 гг.	5,9
1849—1851 »	5,5
1857—1858 »	2,5
1873—1879 »	14,5
1893—1894 »	2,9
1920—1922 »	11,1
1929—1933 »	23,6

Мы видим, что утверждения Кондлифа совершенно г о л о с л о в н ы, противоречат истории почасовой оплаты рабочих в США.

Однако зарплата рабочих зависит — и особенно во время кризисов — не только и даже не столько от движения почасовой оплаты. Если последняя даже останется неизменной, номинальная зарплата дневная, недельная или месячная может сократиться благодаря уменьшению числа рабочих часов (частичная безработица). Б действительности, и особенно при современном кризисе, дело так и обстоит. Например согласно данным предпринимателей² среднечасовая оплата рабочих 25 отраслей обрабатывающей промышленности США была в июне 1935 г. на 1,5% выше соответствующей оплаты в июне 1929 г. Но из-за сокращения рабочей недели на 25,8% номинальная зарплата за неделю уменьшилась за тот же период в среднем на 24,9%, а реальная зарплата — на 10%. Дополнительное представление о наступлении капитала на зарплату дают следующие показатели, заимствованные из того же источника: с июня 1929 г. по июнь 1935 г. число занятых рабочих в обрабатывающей промышленности США сократилось на 20,4%, количество отработанных часов — на 40,9% и сумма выплаченной зарплаты — на 40,3%.

В свете этих фактов настоящим издевательством над наукой, издевательством над рабочими звучит утверждение экономиста Кондлифа о том, что реальная зарплата во время кризиса фактически выше зарплаты докризисного периода. Старая вульгарная теория буржуазной политэкономии об увеличении реальной зарплаты

¹ Monthly Labor Review, August 1935, p. 430.

² Conference Board Service Letter, July 30, 1935.

в период экономических кризисов лишней раз обнаружила свою полную несостоятельность и апологетичность. Как раз наоборот, в фазе подъема происходит временное повышение зарплаты рабочих, что несколько не противоречит общей тенденции капитализма понижать средний уровень зарплаты. Маркс писал: «В периоды процветания, большого расширения, ускорения и энергии процесса воспроизводства рабочие заняты полностью. Обыкновенно наступает и повышение заработной платы, несколько выравнивающее ее падение ниже среднего уровня в другие периоды промышленного цикла»¹.

Кондлиф тщетно пытается замазать также наступление капитала на социальное страхование в годы кризиса. Типичным для периода мирового экономического кризиса является не расширение различных видов социального обеспечения, как пишет Кондлиф, а, наоборот, — их сужение. Буржуазия, и особенно буржуазия фашистских стран, старается всячески урезать и ликвидировать социальное обеспечение. Достаточно отметить, что еще до образования фашистской власти пособия безработным в Германии были уменьшены за 1929—1932 гг. в три раза. Во второй половине 1932 г. среднее пособие равнялось всего 31,82 марки в месяц против 91,16 марки накануне кризиса. За это же время сократился срок получения пособия с 26 недель до 16 и около 2 млн. безработных было лишено права на пособие. При фашистской диктатуре еще больше усилилось наступление капитала на жалкие остатки социального страхования германских рабочих. Новые категории рабочих сняты со страхования, время выдачи пособия урезано до 6 недель и т. д. Фашизм ставит себе задачу окончательно ликвидировать всяческие виды социального страхования.

Наступление капитала на рабочий класс получило свою наиболее грубую, варварскую, оголтелую форму в фашизме. Вообще в условиях капиталистического способа производства реально никогда за рабочими не признавалось «право на жизнь». Да и не только за рабочими не признавалось реально это право. Конкурентная борьба разоряет массы самостоятельных производителей. Кондлифу наверно не меньше нашего известно, что жизненным принципом буржуазного общества, даже самого демократического, является не реальное признание, «права на жизнь» каждого члена общества, а *homo homini lupus est* (человек человеку волк), — и тем более в настоящее время, когда империалистическая буржуазия в страхе перед революционизированием масс все больше прибегает к самой жестокой, откровенной террористической, зверской форме господства (особенно в Германии). Самые элементарные права германского пролетариата попорчены грязными сапогами гитлеровских палачей. Тов. Д и м и т р о в, характеризуя германский фашизм как самую реакционную разновидность фашизма и как ударный кулак международной контрреволюции, говорил на конгрессе Коминтерна: «Это звериный шовинизм. Это правительственная система политического бандитизма, система провокаций и пыток в отношении рабочего класса и революционных элементов крестьянства, мелкой буржуазии и интеллигенции. Это средневековое варварство и зверство. Это необузданная агрессия в отношении других народов и стран»². Такова истинная физиономия фашизма, возведшего старый буржуазный принцип *homo homini lupus est* в официаль-

¹ К. Маркс, Капитал, т. III, Партиздат, 1935 г., стр. 317.

² Г. Димитров, Наступление фашизма и задачи Коммунистического интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма. Партиздат, 1935 г., стр. 11.

ную догму политического бандитизма. И при всем этом находятся экономисты, которые разыгрывают из себя простачков, и кого-то хотят уверить, что экономический кризис более, чем когда-либо раньше, утвердил «право на жизнь», «справедливость», «гуманность» и т. п. Именно в ходе развития мирового экономического кризиса все больше и больше разоблачается беззастенчивая спекуляция буржуазии на справедливости и гуманности, на этих лучших чувствах трудящихся и передовой интеллигенции. Именно в ходе кризиса, резко обостряющего классовые противоречия, буржуазия показывает наиболее безобразно и жестоко свои волчьи клыки, свои звериные когти, обгаренные народной кровью.

Только в Советском союзе реально утвердилось право на жизнь. только здесь восторжествовала настоящая гуманность, справедливость для трудящихся масс. В середине второй пятилетки СССР встретил 18-ю годовщину Октябрьской революции с высоко поднятым знаменем подлинного гуманизма — гуманизма советского, с лозунгом «из всех ценных капиталов, имеющихсЯ в мире, самым ценным и самым решающим капиталом являются люди, кадры» (Сталин). Страна добилась упорной и напряженной работы под руководством великого Ленина и великого Сталина окончательной и бесповоротной победы социализма. В центре внимания по инициативе тов. Сталина встала забота о живом человеке, забота о счастье каждого из многих десятков миллионов людей, которые судьбы свои связали с социалистическим строительством. И, как правильно указал т. Мануильский в докладе VII конгрессу Коминтерна, в СССР речь идет не о реформах, вырываемых рабочими в ожесточенных боях с капиталистами и теряемых часто в годы кризиса, что является обычной картиной, хорошо известной рабочим в буржуазных странах. Нет, Советский союз переживает ныне новую полосу развития в связи с окончательной и бесповоротной победой социализма, великой целью которого является создание счастливой и зажиточной жизни великого 170-миллионного народа. Рост народного богатства впервые в человеческой истории благодаря победе Октябрьской революции гармонирует со счастьем трудящихся — самих творцов богатства.

II

Безработица в годы современного кризиса и депрессии особого рода отличается от безработицы во время прежних кризисов. Она имеет особые черты, которых не знала прежняя безработица. Каковы эти черты?

Нынешняя кризисная безработица не представляет собой обьчного расширения резервной армии труда, расширения, присущего фазе кризиса, после чего следует нормальное сокращение армии безработных, доходящей до минимума в годы подъема. Еще до возникновения кризиса в 1929 г. безработица в капиталистических странах приобрела новую качественную характеристику. V конгресс Коминтерна отметил, «что это уже не «резервная армия труда» в старом смысле». Резервная армия безработных превратилась в условиях общего кризиса капитализма в хроническую армию безработных. В течение всего послевоенного периода безработица в капиталистических странах стояла на высоком уровне, например в Англии она не спускалась ниже 12%. И когда разразился современный экономический кризис, то кризисная безработица переплелась с безработицей хронической.

Углубление общего кризиса капитализма в процессе развертывания экономического кризиса привело к усилению хронической безработицы. Сильно возросла продолжительность безработицы. Например по официальным данным, в г. Буффало (США) безработные, не имеющие занятия в течение 1 года и больше, составляли в 1929 г. 9,3% по отношению ко всем безработным. В годы же кризиса этот процент быстро рос: в 1920 г. он равнялся 21,1, в 1931 г. — 43, в 1932 г. — 60 и в 1933 г. — 68,2. В Великобритании среди застрахованных безработных в мае 1933 г. было 23,7% таких, которые не имели работы свыше 1 года, а в мае 1935 г. их уже было 25,2%. В штате Массачусетс (США) в начале 1934 г. среди безработных 18,1% не имели работы в продолжение от 1 года до 2 лет, 41,5% не имели работы 2 года и больше, из которых 22,5% не имели работы 3 года и больше, а 10,2% — 4 года и больше. В это же самое время в г. Бриджпорте (штат Коннектикут, США) 28,5% безработных не имели работы в продолжение 3 лет и больше и 14,3% в продолжение 4 лет и больше. Эти данные свидетельствуют об огромном росте армии постоянно безработных за годы кризиса и депрессии особого рода.

Общий кризис капитализма наложил отпечаток на движение безработицы после преодоления наибольшей глубины промышленного кризиса и перехода к депрессии особого рода. В то время как продукция капиталистической промышленности после преодоления наибольшей глубины падения увеличилась в целом на 35%, безработица сократилась всего лишь на 13,4%. В Соединенных штатах, даже по самым оптимистическим подсчетам, безработица не падала в это время ниже 10 млн. чел. Если даже допустить, что капиталистическое производство достигнет в целом уровня 1929 г., хотя пока нет соответствующих показателей, то и тогда хроническая безработица будет давать о себе знать сильнее, чем накануне кризиса, так как капиталистическая рационализация в условиях кризиса еще больше обострила положение.

Безработица в современном кризисе приняла по своей абсолютной величине и по своему процентному выражению к общему составу рабочего класса чудовищные размеры, никогда еще не встречавшиеся в истории капиталистических кризисов. Безработица остается огромной и после перехода к депрессии особого рода. По данным Международного бюро труда, в 20 основных капиталистических странах зарегистрировано в середине 1935 г. 20,8 млн. безработных. Соответствующие данные равнялись в 1932 г. 24 млн., в 1933 г. — 26,5 млн. и в 1934 г. — 21,5 млн. Никогда еще в истории капиталистических кризисов после преодоления точки наибольшего упадка промышленности безработица не стояла на таком высоком уровне и так длительно, как в настоящее время, несмотря на повышение производства. В ряде стран, как например в США, безработица, несмотря на некоторое уменьшение ее, остается самой острой социальной проблемой современности. В других странах, как например Франция, Польша и т. д., безработица продолжает расти и в настоящее время.

Огромные размеры современной безработицы объясняются тем, что кризисная безработица стала развиваться с высокого уровня хронической безработицы. Хроническая недогрузка предприятий и капиталистическая рационализация составляют материальную базу, которая непосредственно обуславливает (дополнительно к обычным факторам относительного перенаселения) огромные размеры армии безработных в течение всего периода после мировой империалистической войны. Характерной чертой всего периода общего кризиса

капитализма — в период до современного кризиса, в годы наибольшего обострения экономического кризиса, а также после перехода к депрессии особого рода — являются огромные размеры безработицы. И пока существует капитализм, будет существовать и миллионная безработица как хронический недуг буржуазного общества.

Огромные размеры современной безработицы объясняются также тем обстоятельством, что экономический кризис является всеобщим кризисом, охватившим все отрасли капиталистического производства (за исключением военной) и все страны буржуазного мира как промышленные, так и сельскохозяйственные. Это создает исключительные затруднения характерному для товарно-капиталистического хозяйства стихийному переливанию труда из одной отрасли производства в другую и почти целиком приостанавливает эмиграцию рабочей силы из одной страны в другую. Наоборот, в годы кризиса и депрессии особого рода наблюдается реэмиграция рабочих: из Франции изгоняются иностранные рабочие и т. п.

Благодаря особому характеру послевоенной безработицы, объясняемому общим кризисом капитализма, переход к депрессии особого рода, несколько сокращая размеры безработицы, тем не менее не привел к рассасыванию многомиллионной армии безработных. Расширение капиталистического производства больше не в состоянии поглотить миллионы безработных. Движение безработицы в капиталистических странах после преодоления точки наибольшего упадка промышленности показано в следующей таблице¹:

Современная безработица в капиталистических странах (в %)

Страны	1929 г.	1932 г.	1933 г.	1934 г.	1935 г.	Характер безработицы
США	12	32	31	26	23	Полная безработица среди членов профсоюзов
»	—	21	21	24	23	Частичная безработица среди членов профсоюзов
Великобритания .	8,2	17,6	16,4	13,9	12,6	Полная безработица среди застрахованных
»	2,2	4,5	3,5	2,9	2,9	Временная безработица среди застрахованных
Германия	—	30,1	25,8	14,5	10,0	Зарегистрированная безработица среди застрахованных
Австрия	12,3	26,1	29,0	26,3	21,0	По данным бирж труда
Польша	4,9	11,8	11,9	16,3	17,4	Членов профсоюзов, получающих пособия
Чехословакия . .	2,2	13,5	16,9	17,4	16,0	Полная безработица среди застрахованных
Бельгия	1,3	19,0	17,0	19,0	15,8	Частичная безработица среди застрахованных
»	3,0	20,7	17,2	17,2	11,2	Среди членов профсоюзов
Дания	15,5	31,7	28,8	22,1	13,1	» застрахованных
Голландия	7,5	30,0	31,4	31,9	34,2	» членов профсоюзов
Норвегия	15,4	30,8	33,4	30,7	30,6	» » »
Швеция	10,7	22,8	23,7	19,0	12,7	» » »
Швейцария	1,8	9,1	10,8	9,8	9,1	Полная безработица среди застрахованных
»	1,7	12,2	8,5	6,1	5,5	Частичная безработица среди застрахованных
Канада	5,7	22,0	22,3	18,2	15,4	Среди членов профсоюзов
Австралия	11,0	29,0	25,1	20,5	17,8	» » »

¹ International Labour Review, Geneva, August, 1935, pp. 245—248. Данные за 1929—1934 гг. представляют среднемесячный процент, а за 1935 г.—процент за последний месяц: для Норвегии — апрель; для Швеции, Швейцарии, Чехословакии и Австрии — май; для Голландии и Дании — июль; для остальных стран — июнь.

Анализ этой таблицы показывает нам следующее:

Безработица во всех странах после трех лет преодоления капиталистическим производством в целом наибольшей глубины падения продолжает оставаться на высоком уровне. В середине 1935 г. безработица во всех капиталистических странах значительно выше предкризисного уровня (за исключением Дании). Даже индекс мировой безработицы, который, по признанию его составителей из Международного бюро труда, имеет большие недостатки, показывает, что безработица в середине 1935 г. выше предкризисного уровня в два раза, а именно: в мае 1935 г. индекс этот равнялся 191 против 221 в 1934 г. и 100 в 1929 г.¹

Уменьшение безработицы при нынешней депрессии настолько несущественно, что процент безработных даже в настоящее время, к началу 4 года после преодоления низшей точки кризиса, превышает процент безработных в острые периоды прежних кризисов. Например в Германии, несмотря на военно-государственное финансирование промышленности и явную фальсификацию официальных данных с приходом фашистов к власти², процент безработных все еще далеко превышает процент острой кризисной безработицы в прежнее время. Накануне мировой империалистической войны безработица росла следующим образом: в 1912 г. она равнялась 2%, в 1913 г. — 2,9% и в 1914 г. поднялась до 6,7%. Война на время расстроила дальнейшее обычное движение цикла. Во время кризиса 1907—1908 гг. безработица среди членов профсоюзов росла в течение двух лет и поднялась всего до 4,4% к концу 1908 г., но уже в середине 1909 г. она уменьшилась до уровня ниже предыдущего года. Во время кризиса начала 90-х годов безработица поднялась с 3,9% в 1891 г. до 6,3% в 1892 г. Приблизительно такая же картина наблюдается и по другим странам. Даже в период кризиса 1920/21 г., являющегося благодаря специфичности его как послевоенного кризиса чрезвычайно острым, безработица была в общем ниже безработицы в середине 1935 г. Например в США безработица в 1921 г. поднялась до 23% с 7,2% в 1920 г., но уже в 1923 г. она опустилась до предкризисного уровня; в течение же последних трех лет вплоть до середины 1935 г. безработица держалась на уровне выше самого высокого уровня безработицы в кризисе 1921 г.

Характерной чертой современной безработицы является исключительная неравномерность ее движения как по различным отраслям производства, так и по различным странам. В этой неравномерности отражается особый характер нынешней депрессии.

В то время как в большинстве капиталистических стран после 1932 г. наблюдается тенденция некоторого уменьшения безработицы, хотя и незначительного, в ряде стран безработица продолжает расти.

По данным Международного бюро труда, безработица увеличилась за два года, с мая 1933 по май 1935, в Канаде на 4%, в Голландии — на 10%, в Швейцарии — на 15%, во Франции — на 46% и Польше — на 75%. В следующей таблице мы даем более подроб-

¹ International Labour Review, Geneva, July 1935, p. 119.

² Например с августа 1933 г. из статистических данных о безработице исключены данные о безработных в лагерях труда, данные о различных формах принудительного труда и т. д.

ную картину состояния современной безработицы в странах, где продолжается рост безработицы в последние 3 года¹.

Увеличение безработицы в ряде капиталистических стран

Страны	В тысячах				Май 1935 г. в % к	
	среднемесячн.		май		средн-мсс. 1932 г.	маю 1934 г.
	1929 г.	1932 г.	1934 г.	1935 г.		
Франция	0,9	273,8	323,4	423,3	+54,6	+30,9
Бельгия	8,5	161,5	188,5	181,1	+12,1	-3,9
Голландия	—	271,1	309,9	368,2	+35,8	+18,8
Швейцария	8,1	54,4	44,1	65,9	+28,5	+58,5
Польша	129,6	255,6	358,1	473,2	+85,1	+32,1

Таким образом, в ряде капиталистических стран безработица продолжает в настоящее время абсолютно расти. Эдуард Эррио еще совсем недавно с большой тревогой говорил о безработице во Франции: «С точки зрения внутреннего положения страны над всеми доминирует в настоящее время грозная проблема безработицы, опутавшей всю страну. Это — неотложная и ужасная проблема, которая стоит перед нами»².

Очень характерным для современной безработицы является ее отраслевой профиль. В следующей таблице мы показываем процент безработных в различных отраслях английской промышленности и процент занятости в различных отраслях американской промышленности³.

Отраслевой профиль безработицы в Англии и занятости в США

Соединенные штаты Америки			Англия	
Отрасли	Индекс занятости 1923—25 гг. = 100		Отрасли	% безработных 26/VIII 1935 г.
	май 1935 г.	май 1935 г. к маю 1934 г. в %		
Вся промышленность	81,1	-1,7	Всего	15,0
Производство средств произв.	71,3	-0,3	Угольная промыш.	26,1
Производство средств потребл.	91,6	-2,9	Химическая пром.	10,4
Трансп. машиностроение	102,7	+3,0	Произв. взрывч. веществ	5,4
Авиопромышленность	392,0	+5,6	Пронзв. чугуна	19,7
Паровозостроение	30,1	+31,1	Машиностр. пром.	12,4
Общее машиностроение	84,5	+3,9	Авто-, вело- и авио-	9,2
Текстильное машиностроение	63,6	-16,2	Судостроение	40,9
Радио и патефоны	168,0	-16,5	Хлопчатобум. пром.	21,2
Химическая пром.	108,0	+2,6	Строительная пром.	21,9
Произв. искусств. шелка	326,9	+22,1	Портовые рабочие	31,2
Текстильная пром.	93,5	-2,7		
Произв. изделий из натуральн. и искусственного шелка	65,9	-9,5		

¹ Deutsche Wirtschaftszeitung. Berlin, 8. August 1935, S. 745. Данные о Бельгии, Голландии и Польше в 1934 и 1935 гг. — за апрель. По данным газеты «Journée Industrielle» (18 Juin 1935) во Франции насчитывалось в начале 1935 г. 650 тыс. полностью безработных и 1,2 млн. частично безработных.

² Le Temps, 19 Mars 1935.

³ Для Англии: The Ministry of Labour Gazette, September 1935, p. 346—347. Для США—Monthly Labor Review, August 1935, pp. 466—469.

Эти данные выявляют характерные черты безработицы годов депрессии особого рода. В Англии, где развитие цикла идет в относительно более благоприятных условиях, чем в большинстве других капиталистических стран, безработица в настоящее время особенно высока как раз в основных старых отраслях английской промышленности, а именно — в судостроительной, угольной, хлопчатобумажной, строительной и даже в производстве чугуна. Наименьший процент безработных показывают те отрасли промышленности, которые имеют большое военное значение, например химическая, авто-авиопромышленность и производство взрывчатых веществ. В Соединенных штатах наблюдаются те же самые явления. В отраслях промышленности, имеющих военное значение, в авиопромышленности, в производстве искусственного шелка и т. д. занятость относительно высока. Чрезвычайно показательным является сопоставление индекса производства искусственного шелка с индексом производства текстильных изделий из натурального и искусственного шелка в США. Сразу выступает военный характер значительно более высокого индекса производства искусственного шелка. В то время как последний индекс увеличился более чем в 3 раза по сравнению с уровнем 1923—1925 гг., индекс текстильных изделий из шелка составляет только $\frac{2}{3}$ производства 1923—1925 гг. Во всех капиталистических странах, особенно в Германии, Италии и Японии, занятость сравнительно выше в отраслях промышленности, работающих на войну.

Таблица об отраслевом профиле занятости в США показывает, что индекс занятости в производстве средств производства (durable goods) стоит на значительно более низком уровне, чем индекс занятости в производстве средств потребления (nondurable goods). Это — типичная для депрессии особого рода черта безработицы, поскольку характерным для этого периода является отсутствие сколько-нибудь серьезного обновления основного капитала. Такого же порядка явление констатируют и данные Американской федерации труда о безработице среди членов союзов. В июле 1935 г. всего было безработных 27%, среди же строительных рабочих — 51%.

Исключительная неравномерность движения нынешней депрессии сказывается также на движении занятости в промышленности различных капиталистических стран. В следующей таблице показано это движение. В этой таблице нами дана группировка официальных индексов занятости в соответствии с характером их движения и с достигнутым ими в настоящее время уровнем (1929 г. = 100)¹ (см. стр. 95).

По характеру движения индексов занятости и по достигнутому ими уровню можно различить более или менее отчетливо четыре группы стран. В первую группу стран входят Великобритания и Япония, которые уже достигли и перевалили за предкризисный уровень занятости. В этих странах индекс занятости поднимался из года в год в течение всего периода депрессии особого рода, отражая собою

¹ International Labour Review. August 1935, pp. 250—252. Индексы для Германии и Австрии вычислены нами на основании абсолютных данных, приводимых в указанном здесь журнале. За 1935 г. взята последняя дата — март — для Австрии и Швейцарии, апрель — для Италии и Японии, май — для Польши и июнь — для остальных стран. База для индекса Франции = 1930 г. Для США — индекс занятости в обрабатывающей промышленности.

Движение занятости в промышленности капиталистических стран

	1932 г.	1933 г.	1934 г.	1935 г.
Великобритания	91,7	94,8	99,2	101,4
Япония	81,7	89,9	100,2	110,5
Германия	71,1	73,9	86,0	93,8
Италия	78,5	79,4	82,9	94,2
США	61,2	65,8	75,2	76,0
Канада	72,5	70,6	80,9	83,5
Польша	63,3	62,9	68,0	71,3
Бельгия	78,2	81,1	78,3	81,7
Чехословакия	83,2	75,4	75,0	78,8
Франция	80,9	79,4	76,9	73,6
Швейцария	76,1	73,0	73,0	70,8
Австрия	76,4	70,6	69,8	67,1

движение общей конъюнктуры этих стран в последние годы. Об этом мы уже писали в другой статье и останавливаться здесь не будем¹. Относительно Великобритании надо отметить, что достигнутый предкризисный уровень занятости является сам по себе неблагоприятным, определяемым застоём, в котором находилась английская промышленность еще накануне экономического кризиса. Кроме того, несмотря на то, что индекс занятости достиг в Великобритании предкризисного уровня, безработица ныне выше тогдашней безработицы. Газета «Daily Telegraph» меланхолически пишет: «Число безработных сегодня выше, чем в 1920 г., хотя количество занятых рабочих больше, чем когда-либо за последние 14 лет»².

Во вторую группу стран составляют Германия и Италия, в которых рост индекса занятости близко подходит к довоенному уровню и отражает, особенно в последнее время, главным образом рост производства, имеющего военное значение. В этом отношении Япония, Германия и Италия составляют одну группу стран, в которых военная или военно-инфляционная конъюнктура является главной и решающей силой повышения индекса занятости. Разница прежде всего количественная. Япония пошла вперед, являя собой еще один пример неравномерности развития капитализма. Следует отметить, что в той или другой мере военный фактор играет свою роль в движении индекса занятости во всех капиталистических странах, хотя не настолько сильно, как в Германии и Италии, а тем более в Японии.

Третью группу стран составляют такие страны, как например США, в которых индекс занятости хотя и выявляет повышательную тенденцию, однако все еще далеко отстает от предкризисного уровня. К этой же группе относятся отчасти Канада и Польша, но здесь, особенно в Польше, одновременно растет в абсолютном выражении безработица. В этой группе стран мы наблюдаем вообще вялую повышательную тенденцию индекса занятости. В пределах года наблюдаются (США) резкие колебания. Мировой индекс занятости (без СССР) по своему движению в последние годы напоминает движение индекса занятости данной группы стран. Например мировой индекс занятости равнялся в 1932 г. 75, в 1933 г. — 78 и в 1934 г. — 84 (1929 = 100).

¹ См. статью «О депрессии особого рода» в «Проблемах экономики» № 2, за 1935 г.

² Daily Telegraph, June 29, 1935.

В четвертую группу стран входят Франция, Швейцария и Австрия, отчасти Чехословакия и Бельгия. Здесь мы наблюдаем, несмотря на преодоление в целом точки наибольшего падения мирового производства, явно выраженную понижательную тенденцию индекса занятости, хотя производство топчется на месте. В большинстве стран, входящих в эту группу, индекс занятости еще не упал до низшей точки.

Анализ индекса занятости таким образом выявляет своеобразие движения его в годы депрессии особого рода. Неравномерность развития кладет особый отпечаток на характер движения индекса занятости. Однако, несмотря на исключительную неравномерность движения занятости в промышленности различных капиталистических стран, типичная картина современного состояния занятости, как показывает вышеприведенная таблица, продолжает оставаться неблагоприятной: среднемесячный индекс за 1934 г. и индекс 1935 г. за последнюю дату, как правило, серьезно отстают от предкризисного уровня. И это соответствует характеру нынешнего движения самого капиталистического производства.

Интересную картину показывает таблица фактического рабочего времени¹.

Фактическое рабочее время в капиталистических странах

		1929 г.	1932 г.	1933 г.	1934 г.
Германия	Среднее число час. рабоч. дня	7,67	6,91	7,15	7,42
Япония	» » » » »	—	9,63	9,75	9,83
США	» » » рабоч. нед.	47,4	34,9	37,9	34,7
Польша	» » » » »	44,6	40,6	40,9	41,8
Швеция	» » » » »	—	—	45,2	46,7
Франция	% раб., занят. свыше 48 час. в нед.	—	52,4	62,1	56,0
Италия	» » » » »	15,6	8,0	8,5	7,6
Австрия	» » » » »	95,0	79,4	76,7	—
Швейцария	» » » » »	—	—	12,5	9,3
Латвия	» » » 46 » »	—	2,1	1,8	8,2

Таблица выявляет пеструю картину положения рабочего времени в капиталистических странах. В то время как в одних странах, как например в США, рабочее время сильно урезано в годы кризиса, что находит свое выражение в падении недельной зарплаты, в других странах, как например в Японии, рабочий день доходит в среднем почти до 10 час. (вероятно, фактически еще больше, так как японцы скрывают действительную продолжительность рабочего времени). После преодоления низшей точки кризиса в большинстве капиталистических стран рабочее время увеличивается. Это происходит в Германии, Японии, Швеции и т. д. Кризис не изменяет принципиальных позиций предпринимателя и наемного рабочего в вопросе о рабочем дне. Предприниматели и во время кризиса стремятся удлинить рабочий день в порядке усиления производства абсолютной прибавочной стоимости, а если вынуждены бывают из-за плохой хозяйственной конъюнктуры урезать рабочее время, то производят сокращение зарплаты, часто даже в относительно большем размере.

¹ Annuaire Statistique de la Société des Nations, 1934/35, Genève, p. 75.

III

Наступление капитала на рабочий класс в годы кризиса и депрессии особого рода получило свое концентрированное выражение в фашизме. Расколотость рабочего класса, его политическая и организационная разоруженность из-за социал-демократической политики классового сотрудничества с буржуазией привели к временному поражению германского пролетариата и образованию фашистской диктатуры. Однако приход к власти фашистов, в особенности в Германии, говорит не только о слабости рабочего класса, но и о слабости самой буржуазии, как это блестяще вскрыто т. Сталиным. Усиление процесса обнищания масс в капиталистических странах в годы кризиса на фоне социалистического строительства СССР создает все более благоприятные условия революционирования масс. Буржуазия в этих условиях все чаще начинает прибегать к фашизму, являющемуся, как отметил еще XIII пленум ИККИ, открытой террористической диктатурой наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала. И чтобы прикрыть свою классовую природу и привлечь массы на свою сторону, фашизм прибегает к бесцеремонной лживой демагогии, апеллируя к антикапиталистическим настроениям масс: безработным он обещает работу, занятым рабочим — «справедливую» зарплату и т. п. Подготавливая захват власти, фашизм всячески спекулирует на насущных запросах масс. Что же несет массам победивший фашизм?

Тов. Димитров решительно сорвал с фашизма маску социальной демагогии. «Фашизм, — отметил руководитель Коминтерна, — обещал рабочим «справедливую заработную плату», а на деле принес еще более низкий, нищенский уровень жизни. Он обещал безработным работу, а на деле принес еще более тяжелые муки голода, рабочий принудительный труд. На деле он превращает рабочих и безработных в бесправнейших париев капиталистического общества, разрушает их профессиональные союзы, лишает их права стачек и рабочей печати, насильно загоняет их в фашистские организации, расхищает фонды их социального страхования, а фабрики и заводы превращает в казармы, где царит безудержный произвол капиталистов»¹. Таково положение рабочих в гитлеровской Германии.

Даже представители более или менее демократических слоев буржуазии начинают разоблачать демагогию фашизма. Недавно солидный английский журнал «Economist» показал, как фашисты прибегают в Германии к фальсификации статистики, чтобы скрыть истинные размеры безработицы. Это разоблачение «Economist» облетело весь мир, вызвало резкое недовольство германской печати и даже специальное выступление Берлинского конъюнктурного института.

«Economist» вполне резонно поставил перед собою задачу выяснить, как же согласуется с реляциями фашистских молодчиков о резком уменьшении безработицы то обстоятельство, что производство средств потребления сократилось в начале 1935 г. в Германии на 5% по сравнению с прошлым годом и на 15% по сравнению с 1928 г. в то время как производство средств производства почти достигло уровня 1928 г. и на 30% превышает прошлогодний уровень. В этой связи отмечая ухудшение материального положения рабочих в Гер-

¹ Г. Димитров, Цит. выше доклад на VII конгрессе Коминтерна, стр. 15.

мании. «Economist» говорит об огромной армии «невидимой» (invisible) безработицы.

По данным социального страхования, в июне 1929 г. число занятых рабочих составляло в Германии 18 368 тыс. чел., а в июне 1935 г. — всего лишь 16 505 тыс., иначе говоря, за бортом производства осталось 2 133 тыс. чел. Официально же безработица за это время возросла только на 617 тыс.: в июне 1935 г. было зарегистрировано 1 877 тыс. безработных против 1 260 тыс. в июне 1929 г. Одно сопоставление этих данных свидетельствует о том, что огромные армии рабочих, выброшенных кризисом из производства, не исчисляются официальной статистикой безработных. «Economist» приводит следующую таблицу, вычисленную на основании официальных данных и показывающую состояние «невидимой» безработицы в период фашистской диктатуры¹:

Движение занятости и безработицы в Германии 1933—1935 гг. (в тысячах)

	Июнь 1933 г.	Июнь 1935 г.	Измене- ние
Общее число рабочих	20 700	20 800	+ 100
Количество занятых рабочих	13 307	16 505	+ 3 198
Общее количество безработных	7 393	4 295	— 3 098
Количество зарегистрированных безработных	4 856	1 877	— 2 979
«Невидимая» безработица	2 537	2 418	— 119

Эти данные показывают, что в Германии имеется огромная армия в 2,4 млн. незарегистрированных безработных. Причем за последние два года количество этих безработных является стабильным: ничтожное уменьшение его на 119 тыс. чел. легко объяснимо введением всеобщей воинской повинности. Таким образом общее количество зарегистрированных и незарегистрированных безработных в Германии составляет 4,3 млн. чел.²

Эти цифры показывают, что вопреки всем фашистским мероприятиям безработица продолжает оставаться и в Германии на высоком уровне. Переход к депрессии особого рода в большинстве капиталистических стран, включая и Германию, несколько сократил безработицу. В Германии особенно сильно сказалась бешеная гонка вооружений, рост военного производства, а также введение воинской повинности. Все это привело к тому, что армия зарегистрированных безработных там уменьшилась сравнительно больше, чем в некоторых капиталистических странах. Это однако очень далеко от той картины, которую рисуют «унифицированные» немецкие экономисты. Во всяком случае огромная армия безработных в 4 с лишним миллиона — это живые люди, которых фашистам сбросить со счетов соотношения классовых сил в стране не удастся, как бы они ни объявляли «невидимых» безработных лишь «статистическими фигурами».

Любопытно, что Берлинский конъюнктурный институт разыгрывает

¹ The Economist. August, 10, 1935, p. 271—272.

² По подсчетам Института мирового хозяйства и мировой политики (Москва), незарегистрированная безработица в Германии равнялась в июне 1935 г. приблизительно 2,1 млн. чел. Газета «New York Times» называет общее число безработных в Германии в начале 1935 г. около 6 млн. чел.

роль Ивана Непомнящего. Возражая против вычислений «Economist» Институт забывает, что в сентябре 1932 г., еще до прихода фашистов к власти, он таким же образом определял для июля 1932 г. в дополнение к официальной безработице в 5,4 млн. чел. «невидимую» безработицу в 1,8 млн. Характерно, что даже расчеты самого Института в настоящее время не могут свести в официальной статистике концы с концами: получается армия в 722 тыс. чел., которые не нашли места в официальных данных ни по занятости, ни по безработице. Институту ничего не остается, как объявить их «лишь статистическими фигурами», не соответствующими действительности. Институт в пылу полемики с «Economist» не замечает, что такими своими рассуждениями он признает факт фальсификации официальной германской статистики безработицы¹.

Германскую печать особенно беспокоит разоблачение «Economist», потому что возможности роста занятости в производстве исчерпываются, и дальнейшее колебание безработицы может происходить на уровне более или менее стабильном и почти уже достигнутом. Вероятнее же всего безработица в скором будущем начнет вновь расти. Сам Берлинский конъюнктурный институт констатирует в одном из недавних своих отчетов, что благодаря достигнутому уровню занятости в германской промышленности «естественно, что дальнейший рост занятости будет встречать перерывы и колебания». Программы предоставления работ «постепенно исчерпали себя», «в настоящее время их заменили декреты о вооружении, которые дали новый стимул к занятости»². Но немецкие экономисты сами хорошо понимают, что все это не может ликвидировать оставшуюся безработицу более чем в 4 с лишним млн. чел. Признание же наличия такой огромной армии безработных означает для них признание на длительный период хронической армии безработных чудовищных размеров.

В то время как индекс физического объема промышленной продукции в Германии (без пищевкусовой промышленности) в мае 1935 г. был всего лишь на 9,4% ниже предкризисной высшей точки (сентябрь 1928 г.), безработица — и то лишь только зарегистрированная — была соответственно в мае 1935 г. выше на 77,4% по сравнению с низшей предкризисной точкой (июль 1929 г.). Такой колоссальный разрыв в движении производства и безработицы объясняется главным образом большим возрастанием интенсивности труда благодаря кризисной рационализации. Хроническая армия безработных установилась на значительно более высоком уровне, чем это имело место накануне кризиса. В июле 1929 г. было зарегистрированных безработных 1 251 тыс., а в июле 1935 г. — 2 019 тыс. Это без «невидимой» безработицы. Даже буржуазная печать считает, что большие массы армии зарегистрированных безработных никогда больше не найдут работы. Например орган тяжелой промышленности Германии «Deutsche Bergwerkszeitung» делит безработных на три части. Одну треть безработных газета причисляет к неполноценным работникам (по возрасту и т. д.), которые даже при лучших перспективах не получают работы; другую треть она считает конъюнктурно безработными, подвергающимися флюктуациям; остальные составляют без-

¹ Wochenbericht des Instituts für Konjunkturforschung; Berlin, den 21. August, 1935;

² Ibid, 18. September 1935;

работные, которые в известном смысле «заморожены» («eingefroren»), так как на них нет спроса¹. Даже по этим буржуазным и фашистским подсчетам мы видим, что значительная часть безработных в Германии составляет армию постоянно безработных.

Известную часть безработных фашисты загнали в концентрационные лагеря. В середине 1935 г. в Германии было охвачено различными формами принудительного труда около 530 тыс. чел. Вообще в годы мирового экономического кризиса и особенно нынешней депрессии в ряде капиталистических стран — в Польше, США, Чехословакии и т. д. — стали практиковать принудительный труд. Безработных заставляют за бесценок отрабатывать те жалкие подачки, которые им оказывает буржуазное государство или муниципалитет. Однако наиболее гнусную форму принудительный труд принял в фашистской Германии.

Хроническая безработица является одним из типичных выражений общего кризиса капитализма. И никакая «программа предоставления работ» и тем более концентрационные лагеря не могут ее ликвидировать. Фашистам ничего другого не остается, как объявить эти массы безработных «социальными» или «замороженными».

Хроническая безработица в Германии предопределяется всей обстановкой германской экономики наших дней. Прежде всего надо отметить хроническую недогрузку предприятий. Несмотря на чудовищное военное напряжение германской промышленности, производственный аппарат использован в первом полугодии 1935 г. всего лишь на две трети. В отраслях, имеющих военное значение, процент использования выше. Например по чугуну и стали он равняется 70, по автомобильной промышленности — 88. Количество занятых рабочих по сравнению с возможной нагрузкой предприятий равняется 69,8% в производстве средств производства, 61% — в производстве предметов потребления, в общем — 65,8%. А число проработанных часов из-за урезывания рабочего времени в годы кризиса и того меньше. В производстве средств производства количество проработанных часов равнялось 65,8% полного рабочего времени, в производстве предметов потребления — 51,1, а в целом — 59,4%. Все это нагляднейшим образом показывает, что буржуазия не в состоянии эффективно использовать имеющийся производственный аппарат и дать миллионам безработных заработок.

Гитлер пришел к власти (январь 1933 г.) почти в самом начале перехода от наибольшей глубины кризиса к депрессии особого рода. Фашисты пытались отыгаться на внутренних законах движения капиталистического цикла, обнаружившего некоторое повышение производства и занятости. Но общий кризис капитализма, в обстановке которого происходит переход к депрессии особого рода, не обеспечивает длительной повышательной волны в промышленности. Фашисты всячески накачивают конъюнктуру государственным финансиро-

¹ Deutsche Bergwerkszeitung: 25. Juli 1935. Некий д-р Сугур в своем докладе в Кобленце в июне с. г. несколько иначе характеризует состав остаточной (restlichen) безработицы. Одну треть безработицы он причисляет к «нормальной безработице», существовавшей и до войны; вторую треть он называет основной, сутью (Kernpunkt) современной безработицы, — это длительные безработные благодаря структурным изменениям промышленности; к последней трети он причисляет таких безработных, которых «нельзя брать в счет», — это преступники и вообще асоциальные элементы, — заявляет Сугур (См. «Deutsche Bergwerkszeitung», 25. Juni 1935). На этой классификации безработных лежит печать типичной фашистской идеологии.

ванием за счет массы налогоплательщиков, они максимально увеличили военные заказы и другие военно-хозяйственные мероприятия. Таким образом в наблюдаемом повышении германского производства первостепенное значение имеет военная подготовка фашизма к новому империалистическому переделу мира, и прежде всего к нападению на Советский союз. Но все это ликвидировать хроническую безработицу конечно не в состоянии. Как относительное перенаселение является сателитом капиталистической промышленности, так и хроническая безработица является выражением глубоких противоречий послевоенного капитализма. Ликвидировать всякую безработицу в Германии может лишь революционное разрешение этих противоречий, низвержение диктатуры буржуазии через социалистическую революцию.

Под шумихой фашистской кампании предоставления работ усилилось наступление капитала на зарплату. Чтобы прикрыть это наступление, фашисты выдумали теорию очередности: «прежде всего ликвидировать безработицу, а потом займемся зарплатой». Даже организации «трудового фронта», созданные фашистами взамен разогнанных профсоюзов, не имеют права заниматься вопросами зарплаты рабочих. Вопросы зарплаты разрешаются фашистскими попечителями труда, действующими с согласия предпринимателей. И если рабочим приходится сопротивляться понижению зарплаты или добиваться повышения ее, то это происходит вопреки руководителям «трудового фронта».

Зарплата германских рабочих при фашистах резко сократилась. Даже данные «трудового фронта» не могут скрыть этого понижения и вынуждены отметить уменьшение недельной зарплаты в 1933—1934 гг. на 10—15%. На самом деле имеет место более значительное падение зарплаты. По данным корреспондентов американских газет, зарплата сократилась в среднем за время фашистской диктатуры на 30%. Неквалифицированные рабочие получают ныне 8 долл. в неделю против 10,8 долл. до фашистской диктатуры, квалифицированные — соответственно — 10 долл. против 19,2 долл., строительные рабочие — 20 долл. против 35 долл. Средняя годовая зарплата рабочего и служащего на электротехнических предприятиях Сименса уменьшилась до 1 436 марок в 1934 г. против 1 753 марок в 1932 г., т. е. на 18% и т. д.¹

Несмотря на низкий голодный уровень зарплаты в Германии, фашисты практикуют различные формы прямого ограбления рабочих путем удержаний из зарплаты. Французская печать приводит массу примеров, показывающих, каким бременем ложатся эти принудительные удержания на плечи рабочих. Например с высококвалифицированного рабочего, получающего недельную зарплату 53,94 марки, удерживают 8,55 марки, т. е. 15,5%; с другого рабочего, холостого, получающего 60 марок, удерживают 19,87 марки, или 33%; третий квалифицированный рабочий в автопромышленности получает 39,15 марки, удерживают с него 7,96 марки, или 20,3%; четвертый, служащий, получает в месяц 250 марок, удерживают с него 59,37 марки, т. е. 23,7%². Мы видим на живых примерах, как германский фашизм грабит зарплату рабочих и служащих. Эти принудительные отчисления от зарплаты

¹ American Socialist Quarterly, June 1935, Vol. 4, № 2, p. 56;

² Bulletin Quotidien, 29 Mai 1935, № 122;

являются одной из серьезных причин волнений и забастовок рабочих в фашистской Германии. Газета «Daily Herald» (4 июля с. г.) сообщает о забастовке против принудительного отчисления на постройку воздушного флота; в забастовке участвовало много сотен рабочих. Недавно, как сообщает «Правда» (20 октября с. г.), на одном из крупных военных заводов в Берлине рабочие под угрозой разрушения заводских машин принудили администрацию отказаться от отчисления с зарплаты для постройки воздушной эскадрильи ко дню рождения Гитлера. Таких примеров можно привести немало.

Открытое, прямое наступление капитала на зарплату рабочих сопровождается в фашистской Германии резким повышением цен, еще больше сокращающим реальную заработную плату. Один из нелегальных профработников пишет в своей корреспонденции из Германии: «С самого начала национал-фашистского режима, иначе говоря с начала 1933 г., зарплата продолжает свое падение, в то время как стоимость жизни показывает ярко выраженное повышение». Автор приводит примеры, свидетельствующие о значительном повышении цен на берлинском рынке к началу 1935 г. Цены за два года фашистской диктатуры поднялись на горох на 102%, на картошку — на 30, на сало — на 25, на сливочное масло — на 27, на топленое свиное сало — на 78, на бобы — на 26% и т. д.¹

Особенно резко цены поднялись в Германии с середины 1935 г. За три месяца цены на продовольственные продукты вновь возросли в среднем на 40%. Фашистское хозяйствование привело страну к продовольственному кризису. Золотой запас и валютный фонд фашисты разбазарили на усиление ввоза стратегического сырья и на другие военные мероприятия. С другой стороны, политика поддержки юнкерских и кулацких хозяйств и особенно приспособление экономики к войне привели к автаркическим мероприятиям, чрезвычайно затрудняющим или совершенно запрещающим импорт продовольствия. Все это привело к большим затруднениям на продовольственном рынке. Остро ощущается недостаток мяса, молочных продуктов и т. д. Берлинский корреспондент английской газеты «Manchester Guardian» сообщает: «Недостаток в важных продовольственных продуктах продолжает расти; начинают возникать явления, свойственные военному времени, как например припрятывание запасов»². Появляются у магазинов очереди, вводится ограничительная продажа и т. д.

Фашистская политика обостряет в резкой форме характерное для депрессии явление — рост дороговизны. В связи с переходом к депрессии намечается перелом в движении цен. Цены начинают повышаться, что ведет к удорожанию жизни. Это явление более или менее типично в настоящее время для капиталистических стран. Например индекс стоимости жизни в Германии поднялся с 118 в 1933 г. до 124,3 в середине 1935 г.; в США — с 131,7 в 1933 г. до 137,7 в 1934 г.; в Японии — с 135,5 в 1931 г. до 149,5 в середине 1935 г. и т. д.³ Эти индексы, особенно германский, при фашистах не отражают действительного удорожания жизни. Но замечательно то, что они не могут скрыть его и неизбежно выявляют тенденции роста стоимости жизни.

Рост дороговизны, естественно, сказывается на сокращении потребления рабочих и широких народных масс. Годы мирового экономи-

¹ Le Travail, 27 Mars 1935:

² Manchester Guardian, August 30, 1935.

³ Bulletin Mensuel de Statistique, Société des Nations, No 8, Août 1935.

ческого кризиса и депрессии особого рода являются годами резкого сокращения потребления, особенно в фашистских странах. Например, по данным Венского экономического института, потребление предметов первой необходимости сократилось в Австрии в 1932 г. на 7% по сравнению со среднегодовым потреблением в 1923—1931 гг. В 1933 и 1934 гг. шло дальнейшее сокращение потребления соответственно еще на 10% и 20%. По ряду предметов падение потребления было более значительным, например по одежде и белью — на 19%, 20% и 30% соответственно в 1932, 1933 и 1934 гг.¹ В период кризиса и депрессии наблюдается сильное сокращение потребления масс во всех капиталистических странах. Фашистская диктатура в Германии возвела даже в добродетель сокращение потребления трудящихся масс. Военная авантюра итальянского империализма в Абиссинии привела к колоссальному вздорожанию жизни в Италии, к резкому сокращению потребления масс.

Три года фашистского господства в Германии показывают, как финансовый капитал осуществляет наиболее грабительские мероприятия против рабочих и трудящихся масс, как он превратил страну в настоящую военную каторгу для народа. Фашизм разгромил все рабочие организации, лишил рабочих и трудящихся каких бы то ни было политических прав. На предприятиях он ввел военно-каторжный режим. Фашизм целиком выявил себя как наиболее опасный и свирепый враг рабочего класса, как враг народа.

IV.

Каковы последствия для рабочего класса рузвельтовской политики восстановления промышленности?

Рузвельт пришел к власти, так же как и Гитлер, в начале перехода от наибольшей глубины кризиса к депрессии особого рода — в начале 1933 г. В этом отношении и перед Рузвельтом и перед Гитлером стояла одна и та же задача: помочь капиталистическому выходу из кризиса за счет трудящихся масс и прежде всего за счет рабочих. Однако в формах и методах осуществления этой задачи имеется значительная разница, определяемая соотношением классовых сил в США и в Германии.

В Германии классовые противоречия в ходе кризиса настолько обострились, что буржуазия ощутила реальную угрозу своему господству. В страхе перед революцией она прибегла к методам превентивной гражданской войны, к методам, осуществляющим в наиболее террористической форме диктатуру финансового капитала. В ходе кризиса германский империализм практически поставил вопрос о новом военном переделе мира как пути империалистического выхода из кризиса. Известно, что фашизм олицетворяет собою политику усиленной подготовки к империалистической войне, политику зверского подавления рабочего класса в целях подготовки тыла.

В США положение сложилось иначе. Американская буржуазия на данном этапе пока не ищет выхода из кризиса в вооруженной борьбе за новые рынки. С другой стороны, классовые противоречия в стране хотя и обострились очень серьезно, однако не настолько, чтобы буржуазия не сумела управлять массами в основном при помощи демократических методов господства. Надо еще отметить, что американ-

¹ Цит. по газете «Le Travail», 24 Avril 1935.

ский рабочий класс не прошел той школы политической борьбы и организованности, какую прошел германский пролетариат, который, если бы не был предан социал-демократической политикой сотрудничества с буржуазией, мог бы не только предотвратить образование фашистской диктатуры, но и обеспечить революционный выход из кризиса. Если компартия Германии оказалась недостаточно сильной, чтобы самостоятельно отбить атаки наступающего фашизма, она тем не менее представляла — и представляет, несмотря на фашистский террор, — грозную силу, могущую в революционирующей обстановке повести массы на борьбу за диктатуру пролетариата. В Соединенных же штатах компартия пока еще не представляет большой массовой партии, которая практически могла бы реально угрожать господству буржуазии. Американская буржуазия не ощущала угрозы пролетарской революции так, как это ощущала буржуазия германская. Благодаря этому капиталистический выход из кризиса за счет рабочих и трудящихся масс осуществляется здесь пока что в основном в демократических формах.

Надо отметить, что при всем этом имеют место и элементы фашизации рабочей политики американской буржуазии. Именно при Рузвельте организованы лесные лагеря принудительного труда для молодежи в возрасте 18—25 лет (Civil Conservation Corps). В США не впервые в современном кризисе практикуется вооруженное подавление забастовки, как например во время горняцкой стачки в Кентуки и т. д. Вообще фашистская опасность растет и в США, хотя фашизм здесь пытается маскировать свою природу демагогическими лозунгами о защите американской демократии. И это обязывает рабочий класс и демократические слои населения США быть бдительными и готовыми к борьбе против фашизма.

Рузвельт пытается в основном буржуазно-демократическими методами обеспечить восстановление промышленности и ликвидировать безработицу, находя себе подражателей в европейских странах. План Ллойд-Джорджа, план де Мана и т. п. являются своеобразным преобразованием рузвельтовской программы в европейских условиях.

К моменту прихода Рузвельта к власти (март 1933 г.) безработица в США достигла высшей точки. По подсчетам Американской федерации труда, она равнялась 13 689 тыс. чел., а по подсчетам Labor Research Association — 17 млн. Свыше 4,5 млн. американских семей, т. е. 10% всего населения страны, жили подачками благотворительных и общественных организаций. Зарплата занятых рабочих упала до крайне низкого уровня. Центральная идея рузвельтовской программы в этих условиях сводилась к попытке увеличить платежеспособный спрос населения путем ликвидации безработицы и повышения зарплаты. Как же в действительности осуществлялась рузвельтовская программа?

В период март—октябрь 1933 г. безработица сократилась приблизительно на 3,5 млн. чел. С того времени безработица держится на уровне свыше 10 млн. чел., даже растет, тем более, если учесть прирост рабочего населения. «Рузвельтовская кампания по представлению работ изжила себя в шесть месяцев. Вопреки некоторым колебаниям количество безработных за последующие двадцать месяцев скорее росло, чем сокращалось. Молодежь пополняет рынок труда быстрее, чем промышленность в состоянии набрать новую рабочую силу. В настоящее время насчитываются 11—15 млн. чел., ищущих работы»

и не могущих ее найти»¹. Таким образом безработица сократилась с марта 1933 г. до середины 1935 г. всего лишь на 2,5 млн. чел. Учитывая, что данные о безработице являются одним из важных показателей состояния экономики, мы видим, насколько ограничены возможности повышательной волны производства в обстановке общего кризиса капитализма.

Не лучше обстоит дело и с зарплатой занятых рабочих. Реальная заработная плата сократилась. За последние два года недельная зарплата номинально увеличилась всего лишь на 8%, в то время как жизнь вздорожала на 14%; цены на продовольствие поднялись еще больше — на 40%. В это же время прибыль 840 капиталистических корпораций увеличилась на 43%.

В этом реальном сокращении зарплаты при некотором номинальном ее росте, а также резком повышении прибылей предпринимателей мы видим типичную для депрессии картину. Политика Рузвельта по кодификации зарплаты таким образом шла в общем направлении, определяемом развитием капиталистического цикла. Это можно показать еще на следующих данных. Недельная зарплата в отраслях промышленности, не охваченных регулированием Рузвельта, увеличилась с января 1933 г. по ноябрь 1934 г. на 4% против 6% в отраслях, охваченных политикой кодификации. Характерно, что в последних отраслях промышленности зарплата значительно ниже, чем в первых, а именно 19,51 долл. и 26,36 долл. в неделю (в конце 1934 г.).

Чрезвычайно показательным является движение индекса заработка рабочих и индекса дивидендов и процентов в американской промышленности. Вот соответствующая таблица²:

Влияние кризиса на доходы различных классов в США

Г о д ы	Индекс (1923—1925 гг. = 100)		
	заработка рабочих	дивидендов и процентов	национального дохода
1929	119,2	165,8	115,3
1930	109,7	163,0	107,2
1931	92,4	132,8	89,9
1932	71,2	99,0	69,5
1933	65,0	93,0	65,0
1934	74,0	93,0	73,0

Таблица эта отчетливо показывает, что в годы подъема американской промышленности капитал выиграл больше всего, а в годы кризиса проиграл меньше всего. В то время как индекс заработка рабочих поднялся в течение четырехлетнего периода до кризиса на 19,2 пункта, а индекс национального дохода — на 15,3 пункта, индекс дивидендов и процентов увеличился на 65,8 пункта. В ходе кризиса и депрессии особого рода индекс национального дохода упал до 73 в 1934 г., а индекс заработка рабочих — до 74. Индекс дивидендов и процентов в 1934 г. равняется 93. Это показывает, что относительное увеличение доходов от дивидендов и процентов в годы подъема фактически закрепилось в период кризиса и депрессии. Несмотря на резкое сокращение национального дохода и чрезвычайный процесс обни-

¹ New Masses, June 11, 1935:

² The Quarterly Journal of Economics, № 4, August 1935, p. 565.

щания трудящихся масс, капитал сохраняет свою резко увеличившуюся накануне кризиса долю в общем доходе страны.

Все это нагляднейшим образом свидетельствует, что основной задачей рузвельтовской «новой эры» (New Deal) программы восстановления промышленности (NRA) была реально не ликвидация безработицы и не повышение зарплаты, как прокламировал Рузвельт, а попытка улучшить положение промышленности за счет рабочих и трудящихся. Особенно надо учесть рост интенсивности труда. Со времени прихода Рузвельта на пост президента, с начала 1933 г. до середины 1935 г., часовая выработка на одного рабочего увеличилась, несмотря на падение реальной зарплаты: в черной металлургии на — 40%, в добыче нефти — на 27, в ряде отраслей резиновой промышленности — на 41, в угольной промышленности — на 10—13, в папиросной — на 28, в автомобильной — на 23 и в целом в обрабатывающей промышленности — на 9%. Характерно, что в первый год перехода к депрессии особого рода, когда продукция обрабатывающей промышленности выросла на 19%, а часовая выработка — на 11%, номинальная зарплата сократилась: часовая оплата на 1,9% и недельный заработок на 2,3%¹. Это показывает, что в наиболее решающий и первоначальный период перехода к нынешней депрессии положение рабочего класса особенно ухудшилось.

В следующей таблице, составленной Институтом мирового хозяйства, даны среднемесячные индексы занятости, зарплаты и часовой выработки в обрабатывающей промышленности США, а также индекс стоимости жизни. Таблица показывает, как ухудшается положение американских рабочих в годы, когда наметилось некоторое улучшение капиталистического производства.

Ухудшение положения американских рабочих в 1932—1935 гг.

Г о д ы	Индекс (1929 г. = 100)				
	занято- сти	выплач. зарпла- ты	часовой выработ. рабочего	недельн. зарплаты	стоимо- сти жизни
1932	61,2	42,2	120,3	60,0	77,7
1933	65,8	44,5	127,3	62,1	74,8
1934	75,2	56,7	121,2	70,6	79,4
1935 (1 кв.)	77,1	62,3	129,1	76,6	82,1

Из таблицы видно, как значительно возросла часовая выработка на одного рабочего. В условиях, когда не происходит серьезного обновления основного капитала, этот рост часовой выработки идет главным образом за счет усиления интенсивности труда, за счет мускулов и нервов живой рабочей силы. В то же время зарплата падает, что видно из отставания индекса выплаченной зарплаты от индекса занятости, с одной стороны, и отставания индекса недельной зарплаты от индекса стоимости жизни — с другой.

Реальному сокращению зарплаты американских рабочих противостоит резкое повышение прибылей капиталистов. Если например в 1932 г. группа американских корпораций (около 1500 объединений)

¹ Monthly Labor Review, March 1935, p: 544—545.

впервые за годы кризиса показала убыток в 105 млн. долл., то в дальнейшем дела значительно поправляются: 1933 г. дает прибыль в 661 млн., 1934 г. — 1 051 млн. Необходимо отметить, что повышение прибылей капиталистов представляет собой повсеместное явление после перехода к депрессии особого рода. Политика Рузвельта только поддержала рост прибылей в США.

Даже руководящий орган финансового капитала Соединенных штатов вынужден отметить двойственный характер результатов рузвельтовской политики для рабочих и для капиталистов. «Мы видим, — пишет журнал, — что политика новой эры на 6-м году кризиса (depression) сделала мало в разрешении проблемы безработицы. Наоборот, она привела к сокращению занятости в сельском хозяйстве, к срыву улучшения покупательной силы городского населения и т. д... С другой стороны, национальный доход растет, производство выгадывает, хотя и происходит колебание..., торгово-промышленная жизнь в целом лучше в настоящее время, чем когда-либо с лета 1933 г.»¹

Несмотря на такие результаты рузвельтовской политики, американский финансовый капитал признанием Верховного суда неконституционного характера кодификации промышленности открывает новый период в дальнейшем наступлении на заработную плату. Президент Гувер в самом начале экономического кризиса заключил джентльменское соглашение между реакционными лидерами профсоюзов и руководителями капиталистических объединений, чтобы прикрыть наступление капитала на труд, посеять иллюзию в массах и сорвать борьбу рабочих против снижения зарплаты. Развитие кризиса вскрыло маневренный характер этого соглашения. Предприниматели, одурачив профсоюзные организации, приступили к сокращению зарплаты, увольнению рабочих, интенсификации труда и т. п. Джентльменское соглашение оказалось больше ненужным буржуазии. От нового президента, пришедшего к власти в марте 1933 г., массы ожидали серьезного улучшения своего положения. Однако в самом начале приход Рузвельта к власти озаменовался сильнейшим банковским крахом, резким ухудшением положения трудящихся и новым обострением классовых противоречий. Недовольство широких народных масс сильно возросло. Политика спасения капитализма в этих условиях, в частности широкое финансирование капиталистических монополий из кармана налогоплательщиков, не могла быть проведена без нового маневрирования и демагогического прокламирования мероприятий по ликвидации безработицы и повышения зарплаты. Это и получило свое выражение в политике кодификации промышленности. В дальнейшем буржуазия перестала ощущать потребность в этой политике.

Одним из ярких выражений нового наступления капитала на зарплату является выступление президента американской статистической ассоциации Кинга, который недавно в одной из своих речей развил целую философию ограбления зарплаты в интересах... оказывается, самих рабочих.

Впрочем вся его философия объективно является обвинительным вердиктом самому капитализму.

Кинг оповещает, что он открыл новый закон. «Я нашел, — говорит он, — что процветающая нация, как это ни странно, имеет высокую норму безработицы. Более того, в тех отраслях производства, где ра-

¹ The Magazine of Wall Street, March 16, 1935, p: 648—649;

бочие получают высокую зарплату, норма безработицы также высока. Там же, где народ охвачен нищетой, норма безработицы низка. Удивительно низка она и в тех отраслях производства, где зарплата низка. Кажется очень странным, что безработица идет рука об руку с процветанием и исчезает при нищете»¹.

Да, достопочтенный профессор, это действительно странно, что с развитием «процветания» — но только капиталистического «процветания» — растет безработица! Но таков неумолимый закон относительного перенаселения, имманентный накоплению капитала. И не надо было его открывать в 1935 г., когда уже многие десятки лет назад Маркс его открыл и обосновал. Современная безработица к тому же имеет особый характер, определяемый общим кризисом капитализма. Однако проф. Кингу надо было «открыть» новый закон для своеобразной попытки теоретического обоснования нового наступления на зарплату.

Все буржуазные «прожекты» ликвидации безработицы потерпели фиаско. Оказывается, причина этих неудач заключается, по Кингу, в существующем уровне зарплаты, который он считает очень высоким, и в практикуемой помощи безработным. Кинг как типичный вульгарный экономист считает, что в ценообразовании на рынке товаров (пшеницы, стали и леса, как он отмечает) и на рынке труда нет «абсолютно никакой разницы». И если снизить цену одного часа труда вдвое — с 1 долл. до 50 центов, то за ту же сумму денег можно нанять вдвое больше рабочих. Умиленный своим собственным открытием, профессор восклицает: «Безработица тогда исчезнет сразу (он так и говорит: *at once*). Производство почти удвоится».

Профессор не замечает, какую «странную» ахинею он несет. Каков реальный смысл гипотетического примера сокращения часовой оплаты вдвое, когда часовая оплата во время кризиса сильно упала и в настоящее время (май 1935 г.) она равняется в обрабатывающей промышленности всего лишь 57 центам в среднем, а отнюдь не 1 долл.? И при всем этом безработица стоит на высоком уровне. Может быть сократить вдвое вот эту действительную, а не гипотетическую, часовую оплату труда? В этом кроется как раз истинный смысл кинговских рассуждений. Кроме того Кинг и не понимает, что если паче чаяния производство на самом деле удвоится, то это грозит еще более чудовищным экономическим кризисом, от чего хочет освободить Кинг американскую демократию. Ведь капиталистические кризисы — это кризисы перепроизводства. Если при существующем уровне производства образуются в условиях нищеты масс огромные излишки, то можно себе представить, что произошло бы, если бы по мановению волшебной палочки Кинга производство удвоилось. Не забудем, что общий фонд зарплаты, по Кингу, не должен измениться.

Кинга особенно беспокоят также те гроши, которые получают безработные, если только они что-нибудь получают. Он считает, что при наличии страхования от безработицы или другого вида помощи безработным безработица никогда не может быть ликвидирована, так как безработные мало заботятся о подыскании работы. Можно было бы Кинга действительно считать спасителем человечества, если бы он

¹ The Annalist, May 3, 1935, p. 664.

указал миллионам безработных, бродящих по улицам буржуазных городов, где ждет их работа, историю они по лености сами не могут найти.

В заключение президент одной из крупнейших научных организаций США приходит к следующему выводу: «Если сохранится ставка заработной платы, которую мы имели последние 3—4 года, то будет сохранен и нынешний объем безработицы. Перед нами стоит альтернатива. Мы должны выбрать или фиксированную ставку заработной платы, безработицу, помощь безработным и дефицит государственного бюджета, или гибкую зарплату, полную занятость и сбалансированный бюджет».

Такова кинговская философия нового ограбления заработной платы американских рабочих. Она показывает, в каких противоречиях бьется мысль идеологов американского капитализма, которые еще совсем недавно славословили «американский стандарт жизни». Американская буржуазия не может обеспечить даже тот жалкий жизненный уровень рабочих, который сложился к настоящему времени в результате кризисного наступления капитала. Теперь раздаются голоса о сведении жизненного уровня американских рабочих к уровню жизни колониальных рабочих. Впрочем такого рода политика не является специфической особенностью политики американской буржуазии. Во всех капиталистических странах — в одних, особенно в фашистских, больше, в других меньше, — буржуазия старается свести жизненный уровень своих рабочих до уровня шанхайских и бомбейских рабочих.

*

Переход к депрессии особого рода совпадает с новым усилением стачечной борьбы рабочего класса в капиталистических странах. В первые годы кризиса, как показал т. Пик в своем отчетном докладе VII конгрессу Коминтерна, рабочие не поднялись по-должному на борьбу против наступления капитала из-за саботажа реформистских вождей. Но так долго продолжаться не могло. В свое время Ленин говорил: «Кризис в первый свой период делает рабочие выступления только возможными, но во второй период он заставляет рабочих бороться». Так происходит дело и при современном мировом экономическом кризисе. С 1932 г. в ряде капиталистических стран, например в Польше, Англии и т. д., стихийно растет забастовочное движение. В Соединенных штатах борьба принимает широкий размах, напоминающий боевые стачки времен 1916—1920 гг.

Наиболее знаменательным фактором рабочего движения последних трех лет является поворот социал-демократических рабочих к единому фронту с коммунистами. Социал-демократические рабочие массы реально ощущают резкую разницу в положении рабочих в странах капитализма и в стране победившего пролетариата. В Германии и в Австрии, где социал-демократия была сильной правительственной партией, рабочий класс временно потерпел поражение, и фашисты захватили власть. К таким результатам приводит политика сотрудничества с буржуазией и всяческого преследования коммунистов. В Советском же союзе рабочий класс под руководством партии Ленина и Сталина добился за это время величайших исторических побед всемирного значения. Социализм окончательно и бесповоротно победил в Стране советов. Все это приводит к революционизированию рабочих капиталистических стран. Организуется единый фронт против наступления капитала, против фашизма, против угрозы новой

империалистической войны. Организуется широкий антифашистский народный фронт.

Положение рабочего класса в условиях депрессии особого рода продолжает оставаться тяжелым. Жизненный уровень рабочих подвергается дальнейшему наступлению капитала. Делаются все новые попытки сокращения зарплаты. Ухудшаются условия труда, растет его интенсификация. И только в организации единого фронта рабочий класс может найти действительную защиту своих повседневных нужд и интересов от наступления капитала, от наступления фашизма. Борьба за эти насущные нужды рабочего класса является исходным пунктом борьбы за политическое и организационное единство рабочего класса, борьбы, которая приведет к революционному низвержению капитализма, к победе диктатуры пролетариата, которая положит раз навсегда конец кризисам, безработице, нищете и голоду масс.

Экономика Италии под знаком войны

Еще до начала военных действий в Восточной Африке итальянский империализм перевел народное хозяйство страны на рельсы военной подготовки. Текущая конъюнктура итальянской экономики отражает огромное усиление удельного веса военной промышленности, загруженной государственными заказами и лихорадочно работающей для войны. Об этом достаточно явственно свидетельствуют индексы промышленного производства.

Индекс промышленного производства (1928 г. = 100)¹

Годы	Общий индекс производства	Машиностроение	Автомобилестроение	Текстильн. промышленность
1929	109,2	104,0	107,9	101,7
1930	100,0	95,0	88,3	91,4
1931	84,7	82,8	69,6	81,9
1932	73,0	70,5	75,5	67,4
1933	80,5	71,6	82,0	76,3
1934	88,3	75,5	84,2	73,5

Месяцы	Общий индекс производства		Машиностроение		Автомобилестр.	Текстильн. промыш.
	1935 г.	1934 г.	1935 г.	1934 г.	1935 г.	1934 г.
Январь	92,5	72,2	81,7	70,9	93,0	80,9
Февраль	97,2	72,3	85,5	71,5	94,2	84,0
Март	104,0	84,5	91,3	72,3	101,8	88,3
Апрель	106,7	86,9	90,2	72,3	102,7	89,7
Май	113,6	89,5	98,8	74,0	109,5	94,3
Июнь	102,1	85,7	97,5	75,4	113,1	72,5
Июль	92,9	91,7	104,9	76,9	125,0	52,4
Август	95,2	87,0	109,3	77,1	130,2	58,3

При рассмотрении таблиц обращает на себя внимание следующее: индекс текстильной промышленности в 1932 г. — год низшей точки кризиса — упал значительно ниже общего индекса промышленного производства и индексов машиностроения и автомобильной промышленности; по исчислениям ежегодника Лиги наций, индекс средств потребления в Италии упал с 1929 по 1932 г. в такой же пропорции, как индекс средств производства²;

индекс индустриальной продукции с 1933 по 1934 г. растет главным образом за счет тяжелой промышленности; текстильная промышленность за этот год понизила продукцию почти на 4%;

¹ Bulletin Mensuel de Statistique IX, 1935.

² World Production and Prices 1934, Genève, 1935.

скачкообразный рост индустриального индекса в 1935 г. идет в основном за счет лихорадочной гонки вооружений; падение индекса с мая месяца объясняется катастрофическим сокращением выработки текстильной промышленности вследствие затруднений с сырьем, но продукция машиностроения и автомобильной промышленности продолжала расти и после мая, превысив в июле по машиностроению на 5% уровень 1929 г. и на 36% уровень прошлого года; продукция автомобильной промышленности выросла на 25% против уровня 1928 г.; за один только 1935 г. выпуск автомашин возрос свыше чем на одну треть.

Характерную динамику показывает также продукция черных металлов. Выработка чугуна за первые 7 месяцев 1935 г. составила 336 тыс. т против 299 тыс. т за первые 7 месяцев 1934 г., за тот же период продукция стали возросла до 1 241 тыс. т против 1 056 тыс. т за соответствующие месяцы прошлого года¹. Продукция свинца выросла с 24 тыс. т в 1933 г. до 42 тыс. т в 1934 г. и продолжала расти в 1935 г. Продукция ферросплавов подскочила с 1933 по 1934 г. с 36 тыс. т до 52 тыс. т и обнаруживала заметный рост также в 1935 г.

Особенно бурный рост дала специфически военная промышленность искусственного шелка. Подготовка к войне сказывается на усиленной загрузке шерстяной промышленности, которая за август текущего года набрала 2 тыс. новых рабочих, тогда как хлопчатобумажные предприятия массами их увольняют. Загружена заказами и промышленность лубяных волокон, вырабатывающая изделия из джута, льна и пеньки.

Правительство форсирует военное использование тех видов сырья, которые могут быть предназначены и для мирного потребления. Вводится налог в 50 лир на тонну ввезенной или произведенной в Италии целлюлозы, если только она не предназначена для производства искусственного шелка². Вводится также налог в 100 лир на 1 т произведенной или ввезенной оберточной бумаги. Оба эти мероприятия имеют целью направить использование дефицитного сырья (целлюлозы) на военные цели за счет сокращения потребления бумаги.

Наряду с «расцветом» военных отраслей жесточайший кризис испытывают отрасли, вырабатывающие предметы широкого потребления. В январе 1934 г. процент действующих веретен в текстильной промышленности составлял 85, в январе 1935 г. — всего 6³. Импорт хлопка в 1935 г. составляет всего 25% импорта 1934 г. Пошлины на хлопок подняты почти на 100%. Валюта для закупки сырья дается только по разрешению Итальянского хлопкового института⁴. В чрезвычайно тяжелом положении находится и промышленность естественного шелка.

Неудивительно, что в условиях лихорадочной военной конъюнктуры вся частнопредпринимательская инвестиционная деятельность направлена почти исключительно на отрасли, поддерживаемые военными заказами.

Переориентация народного хозяйства в сторону наиболее полного соответствия военно-стратегическим планам итальянского фашизма сказывается и на изменении структуры импорта. Уже с 1929 по 1933 г.

¹ Neue Züricher Zeitung, 2/IX 1935.

² Ibidem, 19/VIII 1935.

³ Bulletin Quotidien, 12/VI 1935.

⁴ International Cotton Bulletin, Juli 1935, p. 751.

при резком снижении размеров импорта ввоз сырья упал всего на 8%, продовольствия — на 44, обработанных изделий — на 32%¹. Такая диспропорция объясняется усилением автаркических тенденций и огромным повышением пошлин на импортные предметы продовольствия и обработанные изделия. Политика правительства направлена при общей скудости валютных резервов в сторону перемещения центра тяжести закупок на военно-стратегическое сырье.

В 1935 г. эта тенденция значительно усилилась. При некотором сокращении импорта за первые 4 месяца 1935 г. (2 568 тыс. лир против 2 646 тыс. лир за соответствующий период 1934 г.) ввоз стратегического сырья показывает значительный рост при сокращении ввоза других продуктов. За первые четыре месяца было ввезено²:

Предметы ввоза	В 1934 г.	В 1935 г.	Рост или сокращение (в %)
Меди (в 1 000 квинт.)	213	358	+68
Целлюлозы (в 1 000 квинт.)	792	1 117	+41
Каучука (в 1 000 лир)	25 320	35 564	+40
Угля (в 1 000 тонн)	3 364	4 304	+28
Текстильн. продуктов (гл. обр. хлопка, в 1 000 лир)	765 137	541 186	-29
Мяса мороз. и охлажденного (в 1 000 квинт.)	126	83	-34
Яиц (в 1 000 квинт.)	37	17	-54

Цифры эти говорят о том, что усиленная военная подготовка итальянского фашизма связана с понижением жизненного уровня широких масс населения, вынужденных сокращать потребление таких продуктов, как мясо, яйца, текстиль и т. д.

В 1935 г. резко вырос импорт оружия. За первые 9 месяцев 1935 г. последний составил 14,79 млн. лир. против 6,13 млн. лир за 1934 г. (по подсчетам германского Конъюнктурного института). Италия из страны, вывозившей оружие, каковой она была в 1934 г., превратилась в страну, ввозящую оружие.

Огромная военная машина пущена в ход. Размеры военной мобилизации промышленности свидетельствуют о том, что итальянское правительство подготовилось к длительной войне в Абиссинии, к возможности развертывания военных операций, которые эвентуально могут выйти и за рамки итало-абиссинского конфликта. Но мало раскатывать машину военной промышленности. Требуются огромные материальные и финансовые ресурсы для ее беспрепятственного функционирования и дальнейшей экспансии. Вопрос о материальных ресурсах упирается в первую очередь в проблему военно-стратегического сырья и продовольственных ресурсов.

*

В какой мере способна Италия удовлетворить свои потребности в военно-стратегическом сырье и продовольствии за счет внутреннего производства?

¹ The Economic and Financial Position of Italy, Royal Institute of International Affairs, London, VI. 1935, p. 37.

² Recueil de Statistique de l'Institut International du Commerce, Bruxelles, 20/VIII 1934 и 1935.

В 1925 г. Италия за счет импорта покрывала следующий процент потребления: по хлопку — 99, шерсти — 80, углю — 95, минеральным нефтепродуктам — 99, хлебу — 20, мясу — 15.

Весьма неблагоприятен топливный баланс Италии. Несмотря на быстрое развитие гидроэлектрических станций (1908 г. — 1.098 млн. квт, 1925 г. — 7 055 млн. квт, 1933 г. — 10 723 млн. квт, 1934 г. — 11 560 млн. квт.). Италия продолжает импортировать огромные количества угля и нефти для железных дорог (электрифицирован пока лишь незначительный процент), предприятий, флота, авиации, автомобилей и т. д.

Неблагоприятно также положение с цветными металлами — медью, оловом и т. д., которых Италия почти не производит. Полностью удовлетворяется за счет внутреннего производства потребность лишь в алюминии (часть алюминия даже экспортируется) и частично — в свинце.

В совершенно ничтожном количестве производит Италия также текстильное сырье (за исключением пеньки и естественного шелка), полностью она зависит от заграницы в снабжении каучуком. Несколько благополучнее обстоит дело с продовольственным балансом. В результате пресловутой «битвы за хлеб», обошедшейся государству с 1925/26 по 1928/29 г. в 226 млн. лир¹. Италия достигла почти полной независимости в снабжении пшеницей²:

Годы	Посевные площади под пшеницей (в 1 000 га)	Продукция (в 1 000 квинт.)	Импорт (в 1 000 квинт.)
1909—1913	4 744	49 896	15 531
1926	4 915	60 050	21 463
1927	4 976	53 291	23 082
1928	4 963	62 215	27 148
1929	4 770	70 820	17 619
1925—1929	4 870	62 380	22 412
1930	4 823	57 172	19 351
1931	4 809	66 519	14 850
1932	4 931	75 366	10 580
1933	5 083	81 099	4 655

Особенно резкое увеличение туземной продукции и сокращение импорта происходят в годы кризиса. В 1933 г. импорт был сведен уже к относительно ничтожной цифре.

Помимо экономического стимулирования производства пшеницы путем субсидий землевладельцам, фашистское правительство прибегло к ряду принудительных мероприятий. Землевладельцам, не желавшим отводить землю под культуры, рекомендуемые правительством, угрожала конфискация земли. Еще чаще власти понуждали землевладельцев и арендаторов входить в местные фермерские консорциумы, которые заставляли своих членов ориентировать сельское хозяйство в направлении, наиболее отвечающем потребностям военной подготовки страны. Автаркическая политика в соединении с высоким уровнем, на котором была стабилизирована лира, и близостью курса лиры к золотому паритету в годы кризиса способствовали общему по-

¹ The Economic and Financial Position of Italy, London 1935, p. 32.

² Annuaire International de Statistique Agricole, 1933/34 и 1929/30.

вышению уровня цен в Италии по сравнению с ценами мирового рынка на зерновые и другие предметы продовольствия.

Цены в лирах за квинтал

	1926 г.	1932 г.
Итальянская пшеница	195	110
Пшеница на мировом рынке	156	49

Тогда как цены на пшеницу на мировом рынке упали в три с лишним раза, цена итальянской пшеницы понизилась всего на 43%.

Эти автаркические мероприятия отнюдь не улучшили положения крестьянства, разоряемого фашистской политикой и аграрным кризисом. Фашистская демагогия наглядно опровергается итогами цен за 1931 г. Согласно данным ценза, с 1921 г. значительно сократилось число крестьян-собственников, выросла кабальная издольная аренда, еще более уменьшились размеры мелкокрестьянской земельной собственности. Изданная в 1933 г. «Хартия исполыщины», которую фашизм всячески рекламировал как крупное завоевание для закабаленного арендатора, в действительности обрекает его на еще большую эксплуатацию и нищету. То обстоятельство, что основное внимание правительства было направлено на обеспечение рынка внутренним производством зерновых и что мероприятия в этом направлении привели к относительному вздорожанию хлеба и кормов, отразилось пагубно на состоянии животноводства. поголовье скота уменьшилось после 1926 г.

Поголовье скота¹

1918 г.	25,8 млн.
1926 »	28,2 »
1930 »	24,2 »

По свидетельству министра земледелия барона Асербо (21/XI 1933) поголовье скота значительно уменьшилось в годы кризиса. Кризис животноводства определяется: падением цен на животноводческие продукты, относительным повышением издержек производства вследствие высоких цен на корма, во много раз превышающих цены дунайских и заокееанских аграрных стран, ростом налогового бремени. До 1 сентября 1932 г. правительство не облагало высокими пошлинами импорт мяса и скота, что при высоких ставках на зерновые приводило к резкой диспропорции в соотношении животноводства с другими отраслями сельского хозяйства. Положение животноводства не улучшилось и после многократного повышения таможенных ставок, принявших в настоящее время почти запретительный характер.

Сокращение за последнее время дефицита торгового баланса по продуктам животноводства отнюдь не свидетельствует о достижении Италией автаркии в этой отрасли сельского хозяйства, о способности Италии удовлетворить потребность населения и армии за счет собственных ресурсов. По оценке Foticchia для достижения автаркии итальянское животноводство должно производить более на 500 тыс. дв. ц мяса, 150 тыс. дв. ц жиров, 500 тыс. дв. ц шерсти и т. д. Для получения недостающих 500 тыс. дв. ц. мяса необходимо, по исчислению Foticchia, увеличение поголовья на 9—10%. Однако расчеты эти преуменьшены, так как, во-первых, Foticchia не принял во внимание уменьшения

¹ Berichte über Landwirtschaft, B. XIX, N. 3, St. Moskovitz Italien, Lage der italienischen Fleischerzeugung.

поголовья после 1926 г., во-вторых, даже при чрезвычайно низком потреблении в 1933 г. импорт мяса составил около 660 тыс. дв. ц; сейчас же, когда военные действия в Абиссинии уже развернулись, потребность в мясе значительно возросла вследствие роста спроса со стороны армии.

Значительно хуже чем с продовольствием обстоит дело с военно-стратегическим сырьем. Все попытки Италии максимально ослабить зависимость от заграницы в этом направлении не увенчались заметными успехами. В 1935 г. свыше 10% всего импорта приходилось на каменный уголь. О широкой замене импортного каменного угля собственным углем или другими видами топлива не может быть и речи. Большая активность проявляется в вопросе о замене нефти другими видами топлива. Однако и сейчас добыча нефти не превышает 75 тыс. баррелей в год. Интересы в иностранной нефтепромышленности совершенно ничтожны. Например итальянцы контролируют не свыше 1% нефтедобычи Румынии, которая в настоящее время является главным поставщиком Италии. Правда, общество «Prahova», находящееся под контролем итальянской правительственной компании «Agip» («Aziende Generale Italiana Petroleum») подняла добычу с 49 тыс. т в 1928 г. до 600 тыс. т в 1934 г.¹; но существенного значения для достижения нефтяной независимости это не имеет. Проникшие в прессу сведения о приобретении итальянцами контрольного пакета акций моссульской концессии, Mossul oil Fields Ltd, во-первых, нуждаются в проверке, во-вторых, речь идет об эксплуатации нефтяных недр концессии, разработка которой пока еще дело будущего (в отличие от «Ирак Петролеум», ныне начавшего эксплуатацию своей концессии к востоку от Тигра).

Для сокращения импорта нефтепродуктов и ослабления зависимости от заграницы фашистское правительство проектирует перевод всех автомашин на газогенераторные двигатели, работающие на древесном топливе. В конце 1934 г. сенат издал постановление об особых льготах для автомашин, работающих на газогенераторных двигателях. Владельцы таких автомашин получают денежную премию и сверх того освобождаются на 5 лет от автоналога. Предприятия, имеющие 10 или более автомашин, обязаны перевести минимум одну машину на газогенераторный двигатель. Согласно одной из последних законодательных новелл, весь автомобильный транспорт должен быть до 31 декабря 1937 г. переведен на древесное топливо². Реализации этого постановления противостоят однако огромные трудности. Встанет вопрос о сырье, на этот раз древесном, которого Италия почти лишена. Предприятия, перерабатывающие целлюлозу, до сих пор получают 90% сырья из-за границы. Переход на газогенераторные двигатели требует затем огромных финансовых средств (в Германии например цена газогенераторного двигателя превышает 2 тыс. марок) и технического переоборудования автопромышленности, выпускающей годовую продукцию стоимостью в 1 млрд. лир.

Получение синтетического бензина путем гидрирования угля не имеет в Италии широких перспектив. Для этого нужна мощная угольная база, внутреннее же производство составляет всего лишь 250 тыс. т каменного и 400 тыс. т бурого угля против годового импорта в

¹ Deutsche Bergwerkszeitung, 17/IX 1935.

² Wirtschaftsdienst, 6/IX 1935, В. v. Oterendorp, Die Umstellung in der italienischen Kraftverkehrswirtschaft.

10 млн. т. Об использовании коксовых газов также не может быть речи, так как, во-первых, весь кокс импортируется, во-вторых, коксовые газы необходимы химической промышленности для производства синтетического азота. Смехотворен проект обеспечения запасами жидкого топлива за счет насаждения сахарной свеклы (перегонка сахара в алкоголь) на территории недавно осушенных понтийских болот. Продукция алкоголя, по правительственному проекту, должна составить 500 тыс. гектолитров в 1936 г. и дойти до 1 млн. гектолитров в 1938 г.

Остро стоит вопрос о сырьевой базе итальянской черной металлургии. В какой мере итальянский империализм зависит от заграницы в производстве железа и стали?

Производство стали в 1934 г. равнялось 1 933 тыс. т, импорт стали за этот же год — 221 тыс. т. Таким образом потребление стали в 1934 г. составило около 2,2 млн. т. Баланс сырья и полуфабрикатов, необходимых для производства стали, складывался следующим образом:

	Внутреннее производст- во (в тыс. т)	Импорт
Железная руда	485	414
Чугун	528	61
Железный лом	—	732

Сразу бросается в глаза огромное значение железного лома, потребление которого в годы кризиса резко возросло (вследствие большего падения цен на лом, чем на чугун, что является результатом разрушения части производственного аппарата и отсутствия восстановления основного капитала). Если импортные руды и импортный чугун дают в совокупности около 250 тыс. т стали, то из импортного лома произведено около 700 тыс. т стали. Всего таким образом за счет импорта производится 900 тыс. — 1 млн. т стали. Добываемая в Италии руда невысокого качества, она во всяком случае не может дать больше 200 тыс. т. Остаток 700—800 тыс. т стали покрывается за счет возврата металлического лома внутри страны.

Эти ориентировочные цифры вскрывают слабость сырьевой базы такой решающей военной отрасли, как черная металлургия. За счет собственных ресурсов Италия покрывает лишь около половины потребности в черном металле. Итак, несмотря на все усилия фашистского режима, Италия в снабжении решающими видами военного сырья и сейчас полностью зависит от заграницы и вряд ли сумеет значительно уменьшить эту зависимость в ближайшем будущем.

Каковы в таком случае возможности обеспечения в сырье за счет импорта? Эти возможности, как мы постараемся показать, резко уменьшились ввиду прогрессирующего ухудшения итальянского платежного баланса, пассивность которого в настоящее время принимает явно угрожающие размеры. Торговый баланс Италии постоянно дефицитен. Пассив торгового баланса до недавнего времени покрывался значительным активом по другим статьям расчетного баланса. Италия не является значительным экспортером капитала. Вместо капитала высококоразвитая индустриальная страна со значительными пережитками феодализма выбрасывала за границу сотни тысяч эмигрантов из резервуаров аграрного населения. До кризиса например ежегодно око-

ло 2 млн. итальянских рабочих находили заработок во Франции (все-го за границей около 10 млн. итальянцев). Доход от переводов эмигрантов составляет значительную статью актива расчетного баланса. Не менее, а в иные годы еще более важную статью составляют доходы от туризма. Наконец в качестве немаловажной статьи расчетного баланса идут доходы итальянского торгового флота. До 1934 г. дефицит торгового баланса покрывался в основном за счет этих трех статей. По исчислению проф. Боргатта, в 1929 г. активное сальдо по статье «переводы эмигрантов» равнялось 2 120 млн. лир, чистые доходы от туризма—2 102 млн. лир и от судоходства—1 135 млн. лир.

За годы кризиса пассивность торгового баланса абсолютно резко сокращается вследствие падения оборотов внешней торговли.

Обороты внешней торговли

Годы	Импорт	Экспорт	Пассив
1928	22 313	15 999	6 314
1929	21 665	15 236	6 429
1930	17 347	12 119	5 228
1931	11 643	10 210	1 433
1932	8 268	6 812	1 456
1933	7 413	5 980	1 433
1934	7 667	5 225	2 442

Уменьшившись абсолютно, пассив торгового баланса не уменьшился относительно общих размеров внешнеторгового оборота. Сокращению пассива торгового баланса соответствовало огромное сокращение активных статей расчетного баланса. По весьма неточной оценке проф. Боргатта, последние уменьшались следующим образом:

Чистое сальдо (в млн. лир)

Активные статьи расчетного баланса	1930 г.	1931 г.	1932 г.
Переводы эмигрантов	1 820	1 574	910
Доходы от туризма	1 930	1 185	830
Доходы коммерческого флота	995	700	500

Таким образом за указанные выше годы мы видим резкое сокращение по всем статьям. Эмиграция в заокеанские страны за годы кризиса заменилась реэмиграцией. Сотни тысяч рабочих были репатриированы из Франции в Италию. Совершенно прекратилась сезонная эмиграция в страны Латинской Америки (так называемая «ласточкиная» миграция), ранее приносившая значительные доходы. Помимо сокращения денежного дохода итальянских эмигрантов большую роль сыграли валютные рестрикции в южноамериканских странах, обрушившиеся в первую очередь на эмигрантскую мелкую ссудку. Доходы от туризма в 1932 г. сократились вдвое, весьма значительно также падение доходов от судоходства.

В 1933 г. расчетный баланс продолжал ухудшаться. Хотя число туристов возросло в этом году на одну треть, но приток богатых американских туристов сократился. Денежные переводы через Неаполитанский банк и почтовые сберкассы также уменьшились в 1933 г.

до 404 млн. лир против 537 млн. лир в 1932 г., что свидетельствует о прогрессирующем сжатии доходов от заграничных переводов эмигрантов¹.

Худо ли — хорошо ли, но до 1934 г. Италия могла еще покрывать дефициты торгового баланса активом расчетного. С 1934 г. начинается резкое ухудшение. В 1934 г. пассив торгового баланса вырос до 2 441 млн. лир за счет сокращения экспорта и роста импорта. Дефицит мог быть покрыт только утечкой золота, в результате чего золотой запас Итальянского банка в течение 1934 г. снизился с 7 млрд. лир до 5,8 млрд. лир. Одновременно бумажно-денежное обращение выросло с 12 889 млн. лир в мае до 13 455 млн. лир в сентябре 1934 г. Лира обесценилась по отношению к золотому паритету на 7%.

За первое полугодие 1935 г. пассив достиг 1 500 млн. лир против 1 300 млн. лир в 1934 г. Помимо того непосредственные поставки в Восточную Африку из Англии, Бельгии, Польши и т. д. составили по минимальному подсчету за первую половину 1935 г. 15 млн. лир. Сюда присоединяется покупка судов для перевозки войск, на что израсходовано примерно 35 млн. лир. Наконец оплата пошлин за провоз через Суэцкий канал грузов и солдат примерно на 30 млн. лир превысила расходы за первую половину 1934 г. Таким образом платежный баланс ухудшился по указанным выше статьям против первого полугодия прошлого года на 280 млн. лир².

Уменьшение поступлений от римесс эмигрантов, туризма и судоходства определяется в 160 млн. лир. В 1935 г., по расчетам. Маиса Билиа, Италия имеет по статье морских перевозок даже дефицит в 200 млн. лир³, что объясняется переброской судов на обслуживание восточноафриканской экспедиции и ростом расходов на фрахтовку иностранных судов⁴.

Всего таким образом платежный баланс ухудшился за первое полугодие 1935 г. против прошлого года минимум на 440 млн. лир. Нет никаких сомнений, что в июле и в особенности в августе и сентябре пассив баланса рос значительно более стремительным темпом, чем в первом полугодии.

Огромный рост пассивности баланса — явление не конъюнктурного порядка, и нет поэтому никаких оснований рассчитывать на возможность его улучшения в обстановке войны.

Рост импорта стимулируется необходимостью усиленного ввоза военно-стратегического сырья, бегством капитала в «вещные ценности» из опасения обесценения лиры и частичной конфискации в поль-

¹ Wirtschaftsdienst, 17/V 1935.

² Исключена торговля с колониями. Официальная статистика, включая торговлю с колониями в исчисление пассива торгового баланса, явно преуменьшает его размеры (например пассив за первое полугодие 1935 г. показан в 1 350 млн. лир.). Италия, экспортируя в другие страны, получает валюту. Экспорт же в колонии, преимущественно экспорт военных материалов, не приносит ни одной лиры валюты и в значительной мере идет за счет уменьшения золотого запаса казны.

³ Wirtschaftsdienst, 30/VIII 1935.

⁴ В сентябре т. г. газеты сообщили о закупке Италией в Англии ряда судов — «Олимпия», водоизмещением в 46 тыс. т, «Анкория», «Сити оф Хартум» и т. д. По оценке «Berliner Tageblatt» (17/IX 1935 г.) тоннаж итальянского торгового флота за последние несколько месяцев вырос на 10%. Параллельно росту тоннажа падают доходы торгового флота в иностранной валюте. Например резко сократилось итальянское судоходство в северовосточной части Средиземного моря и в Черном море. Ранее регулярные рейсы поддерживали здесь 15 пароходов, сейчас остался только один маленький пароходик, совершающий еженедельные рейсы из Венеции в Пирей и Константинополь. Остальные суда переброшены на перевозку войск и грузов в Восточную Африку.

зу государства доходов от ценных бумаг. Правительство только в том случае могло бы не опасаться потери золотых запасов и валюты, если бы экспорт мог расти пропорционально импорту. Но вся внешне-неторговая и валютная политика итальянского фашизма, направленная в первую очередь на задачи военной подготовки страны, в корне подрывает итальянский экспорт. Стоит взглянуть на движение индекса цен в США, Англии и Италии, чтобы в этом убедиться.

Индекс оптовых цен¹
(1913 г.=100)

Страны	1933 г.	1934 г.	1935 год						
			январь	февраль	март	апрель	май	июнь	июль
США	94,5	107,4	112,9	113,9	113,6	114,8	114,9	114,3	113,8
Англия (Statist)	93,7	96,4	98,4	98,1	97,5	98,9	100,2	98,5	99,2
Италия	283	276	280	282	289	299	304	315	319

Индекс цен на продукты сельского хозяйства²

Страны	1933 г.	1934 г.	1935 год					
			февраль	март	апрель	май	июнь	июль
США 1909/10—1913/14=100	62	93	114	111	115	112	102	96
Англия 1911—1913=100	111	119	122	119	126	117	117	120
Италия 1913=100	280,7	297,9	318	325	322	335	360	357

Эти таблицы говорят о резком повышении в 1935 г. уровня цен в Италии по сравнению с Англией и США, в особенности по продуктам сельского хозяйства (что связано частично с недородом зерновых в 1934/35 г.). С июля 1934 г. по июль 1935 г. оптовые цены в Италии выросли на 16,3%. В июле 1934 г. экспортные цены были на 23,1% ниже среднего уровня цен, в июле 1935 г. на 15,6%. Превышение импортных цен над средним уровнем цен упало с 7,6% до 3,8%. Таким образом само ценообразование стимулирует импорт и тормозит экспорт.

Развитие экспорта тормозится относительно высоким уровнем, на котором до недавнего времени держалась лира, специфическими кредитными и валютными трудностями, вытекающими как из резкого обострения дефицитности платежного баланса, так и целеустремленной политики итальянского фашизма. В итоге в 1935 г. Итальянский банк вновь теряет значительные запасы золота. Нет сомнения, что в связи с войной в Абиссинии запасы золота продолжают таять с поразительной быстротой и к середине октября 1935 г. лишь немногим превысили 4 млрд. лир.

Не следует думать, что утечка золота объясняется только необходимостью покрыть наличностью возросший дефицит платежного баланса. Значительная, если не решающая роль принадлежала здесь бегству за границу итальянского капитала, опасавшегося экономических и социальных потрясений. По крайней мере в этом обстоятель-

¹ Bulletin Mensuel de Statistique, IX 1935.

² Revue Internationale d'agriculture, VIII 1935.

стве лондонский «Economist» видит решающую причину утечки золота из Итальянского банка в 1934 г. Рядом рестрикционных валютных мероприятий правительство пыталось поставить барьер этому паническому бегству капитала, но нет сомнения, что, несмотря на все принятые меры, бегство капитала продолжалось и в 1935 г. Одной утечки золота, особенно принимая во внимание, что большая часть ее идет за счет бегства туземного капитала за границу, не могло хватить для покрытия всего дефицита. Значительная часть последнего так и осталась непокрытой за счет накопления крупных сумм по коммерческой задолженности.

По некоторым данным Италия должна Англии, главным образом за уэльский уголь, свыше 2 млн. фунт. стерл. (свыше 120 млн. лир), Румынии, преимущественно за нефть, 800 млн. лей и т. д. Накопление коммерческой задолженности, которая в настоящее время не погашается или погашается лишь частично, подрывает «доверие» к итальянской платежеспособности и ставит под серьезнейшую угрозу дальнейшие поставки военно-стратегического сырья. Английские банки отказывают в кредитах лондонским филиалам итальянских торговых домов. Один из крупнейших английских банков закрыл отделение в Генуе¹. С середины августа фактически вывоз угля из Англии в Италию прекратился². Отказываются кредитовать итальянские закупки хлопка и американские банки, опасаясь не только возрастания коммерческой задолженности, но и военного риска. Таким образом частично экономические санкции со стороны Англии и отчасти США начали применяться уже до начала военных действий в Абиссинии.

Итальянское правительство пытается мобилизовать все наличные валютные резервы, обеспечить себя клиринговыми соглашениями и ввести квоты на импорт, увеличить удельный вес обменных внешне-торговых операций, для того чтобы по мере возможности обеспечить поставки необходимого военно-стратегического сырья. Уже декретами от 8 и 19 декабря 1934 г. введена обязательная регистрация иностранных ценностей, находящихся в руках итальянских граждан и фирм, в Национальном валютном институте. Тем самым был усилен правительственный контроль над валютными и импортными операциями. С февраля 1935 г. были введены импортные лицензии для 1500 наименований (уголь, машины, шерсть, кожи, сталь и железо, лен и джут и т. д.). Наконец 1 августа принято решение об обязательном обмене всех иностранных ценных бумаг или облигаций выпущенных за границей итальянских займов на пятипроцентные обязательства государственного займа. Иными словами, иностранные ценности, принадлежащие итальянским гражданам и фирмам, фактически конфискуются. Принято решение о введении государственной импортной монополии на уголь и кокс, медь, олово и никель.

Все эти мероприятия имеют целью мобилизовать в руках государства все возможные ресурсы иностранных ценностей и девиз и сосредоточить полностью в руках государства контроль над импортом.

¹ Berliner Boersenzeitung, 19/IX 1935.

² Wirtschaftsdienst, 16/VIII 1935. Итальянские фирмы предлагали даже надбавку в 3—6 шиллингов на тонну угля, лишь бы последний был отпущен в кредит. По сообщению Bergwerkszeitung (20/IX 1935), крупные металлические фирмы Англии соглашались продавать Италии даже самые мелкие партии металла лишь за наличный расчет с оплатой до погрузки на папеход.

Предпринимается это с целью максимально сузить объем импорта — в первую очередь за счет сокращения ввоза грузов, не имеющих непосредственного военного значения. Помимо этого правительство стремится перенести закупки в новые страны, по отношению к которым Италия еще не накопила значительных коммерческих долгов или с которыми достигнуты клиринговые соглашения. Например центр тяжести закупок угля перенесен с Англии на Германию, Польшу и т. д. Уже в 1934 г. импорт угля из Германии составил 350 млн. лир, из Англии — 300 млн. лир. В 1935 г. импорт угля из Германии продолжал расти в ущерб английскому углю.

Экспорт угля из Германии в Италию (в 1000 т)¹

	1933 г.	1934 г.	1935 г.
Май	185	313	447
Июнь	173	319	476
Июль	123	453	601

Сделки с Германией облегчаются также возможностью погашать значительную часть задолженности лирами в счет расходов направляющихся в Италию немецких туристов. Следует полагать, что развитие торговли с Германией и тенденции к усилению торговых связей с другими странами Центральной Европы (Венгрия, Польша, Австрия и т. д.) вызываются не только экономическими соображениями, но и мотивами иного порядка, в частности стремлением обеспечить поставку ряда материалов со стороны континента, если окажется отрезанным подвоз морским путем.

Заметные усилия делаются также для налаживания широких товарообменных операций. Например торговое соглашение с Польшей предусматривает обмен судов и авто на уголь. Товарообменные операции предусмотрены и торговыми договорами с Турцией, Францией (апрель 1934 г.), Австрией и Венгрией (май 1934 г.) и т. д. Однако следует вновь подчеркнуть, что вся совокупность внешнеторговых и валютных мероприятий, отражающих переход итальянского народного хозяйства на рельсы военного госкапитализма, не в состоянии разрешить проблему импорта военно-стратегического сырья. Ибо валютные трудности возрастают изо дня в день, возможности кредитования закупок все более суживаются. Решающим является вопрос форсирования экспорта. Но мы уже показали, что перспективы в этом отношении мало благоприятны, тем более, что подготовка к войне сокращает и физически экспортные фонды. Апельсины например перебрасываются массами в Восточную Африку для снабжения войск. Характерно, что Италия отказалась оплачивать румынскую нефть экспортом гидропланов, ссылаясь на то, что они ей самой необходимы. Создается возможность некоторого усиления экспорта за счет обесценения лиры. Кое-какие инфляционистские признаки уже налицо: рост бумажно-денежного обращения при одновременном падении золотого покрытия ниже законного минимума (40%)² и в результате — отмена законодательным путем необходимости минимального покрытия.

В знаменитой речи в Пезаро 18 августа 1926 г. Муссолини заявил: «Мы будем защищать лиру до последнего издыхания, до последней

¹ Frankfurter Zeitung, 16/IX 1935.

² К 20/IX с. г. золотое покрытие упало уже до 29%, а к концу октября — до 25%.

капли крови... нашу лиру, символ нации, символ нашего богатства, плод наших трудов, наших усилий, наших жертв, наших слез, нашей крови». Неумолимая экономическая необходимость сильнее пышных фраз. По сообщению «Berliner Tageblatt» (26/IX 1935), на черной бирже обесценение лиры против золотого паритета достигло 25—30%, по сообщению «Bulletin Quotidien» (19/IX 1935) — даже 30—35%. Но инфляция — оружие обоюдоострое: она связана с дальнейшим наступлением на жизненный уровень масс и ростом недовольства, с ухудшением общего экономического положения страны.

Серьезную угрозу для сырьевого снабжения страны может также представить применение экономических и финансовых санкций. В 1934 г. внешняя торговля Италией по странам импорта и экспорта распределялась следующим образом¹:

Страны	Импорт (доля в %)	Экспорт (доля в %)
Германия	15,5	16,0
США	12,5	7,5
Великобритания	9,1	10,2
Франция	5,7	6,8
Прочие страны	57,2	59,5
	100,0	100,0

Решающую роль во внешней торговле Италии играют таким образом важнейшие империалистические державы: Германия, США, Великобритания, Франция. Без включения Германии в блок держав, согласившихся на применение санкций, изоляция Италии не может быть полной. Германия стала крупнейшим поставщиком угля и может стать страной, перебрасывающей в Италию сырье транзитом континентальным путем. Большое значение для решения вопроса об эффективности применения экономических санкций имеет позиция Австрии и Швейцарии, уже отказавшихся примкнуть к санкциям. Через эти страны создается возможность переброски крупных партий товаров из Германии, Венгрии и т. д.

Однако если бы только Великобритания, США и Франция действительно прекратили торговлю с Италией, то и тогда итальянскому фашизму пришлось бы столкнуться с серьезными затруднениями. Италии пришлось бы переплачивать за военно-стратегическое сырье (что имеет место уже сейчас, хотя и в меньшей мере) в силу спекулятивного стремления стран, еще поддерживающих торговые связи с Италией, использовать устранение с рынка ряда могущественных конкурентов, вследствие вздорожания морских фрахтов в Италию (страховка от военной опасности, отказ от представления тоннажа и т. д.), вследствие перемещения основных товарных потоков с морских путей на континент, что опять-таки связано с вздорожанием транспортных расходов. Далее серьезной угрозе подверглась бы поставка ряда важнейших сырьевых материалов, учитывая, что англо-американские интересы контролируют подавляющую часть продукции цветных металлов (медь, олово, никель и т. д.), каучука, значительную долю импортируемой нефти. Особо важную роль должен здесь сыграть британский империализм: общеизвестно, что итальянская экспансия в северо-восточной Африке подвергает серьезной опасности важнейшие цитадели Британской империи на стыке Средиземное море —

¹ Исчислено по Annuario Statistico Italiano, Anno 1935.

Красное море — Индийский океан. Под угрозу была бы поставлена также сырьевая база черной металлургии, так как большую часть железного лома Италия ввозит из Франции и США. Эффективными и более легко реализуемыми могут оказаться санкции, запрещающие импорт итальянских товаров. Это резко сократило бы валютные и золотые фонды Италии и форсировало бы их еще более быстрое исчерпание. Применение санкций в кредитовании внешнеторговых операций фактически завершило бы ту практику, которую уже начали проводить английские и американские банки, отказывая в предоставлении итальянцам краткосрочных кредитов. Но если до сих пор эта практика в основном определялась подрывом «доверия» капиталистического мира к платежеспособности Италии, то, будучи санкционирована соответствующими правительствами и авторитетом Лиги наций, она примет значительно более всеобъемлющий и действенный характер.

С большими трудностями связано также финансирование программы вооружений. Подготовка к войне и экономический кризис весьма печально отразились на состоянии государственного бюджета. При общем падении доходной части бюджета в годы кризиса расходная его часть резко возрастает. Дефициты накапливаются из года в год: 1930/31 г. был сведен с дефицитом в 679 млн. лир, 1931/32 г. — 3 958 млн. лир, 1932/33 г. — 3 622 млн. лир, 1933/34 г. — 6 828 млн. лир. За четыре года дефицит бюджета составил таким образом 15 087 млн. лир. Дефицитность бюджета продолжала расти и после 1934/35 г., особенно со времени вступления итало-абиссинского конфликта в наиболее острую фазу. В июле 1935 г. расходы например возросли с 1 830 млн. лир до 2 054 млн. лир, доходы же уменьшились с 1 911 млн. до 1 553 млн. лир. Дефицит за июль достиг 501 млн. лир. Решающая роль в росте дефицита принадлежит расходам на абиссинскую экспедицию, составившим за этот месяц 375 млн. лир (по некоторым подсчетам, за первые 8 месяцев 1935 г. военные расходы казны выразились в сумме 2 млрд. лир). За июль—август 1935 г. дефицит достиг 1 005 млн. лир против дефицита в 316 млн. лир за соответствующие месяцы 1934 г.

Параллельно с ростом дефицита рос и внутренний государственный долг: 88 102 млн. лир на 30 июня 1930 г. и 105 004 млн. в январе 1935 г. Следует оговорить, что официальные данные о государственной задолженности преуменьшены: действительная ее сумма по оценке лондонского «Economist» приближается сейчас к 150 млрд. лир. Повышение задолженности, в связи со все растущим бременем платежей по долгам и с экстраординарными военными расходами, заставляет прибегать к все новым и новым займам. Но так как из опасения возможных неприятных «сюрпризов» капиталы неохотно вкладываются в государственные бумаги, правительство комбинирует прямое принуждение с рядом мероприятий, долженствующих отвлечь капиталы от иных сфер приложения и направить их в государственные ценности. Уже ноябрьский заем 1926 г., когда держателям годовых обязательств предложили 28 млрд. лир консолей, был фактически принудительным. «Добровольность» конверсии обязательств на сумму в 60 млрд. лир из 5% в 8½%, проведенная в феврале 1934 г., также вызывает большие сомнения! Держателям облигаций был предоставлен всего шестидневный срок для погашения их. К тому же им было внушено, что о всех претензиях по погашению будет доведено до сведения властей. Насколько велика сейчас нужда правительства в наличных средствах, показывают условия выпуска нового, по существу военного пятипро-

центного займа (решение об его эмиссии принято советом министров 18 сентября с. г.). Новый заем выпускается по курсу 95. Облигации займов, конвертированных в 1934 г. (всего на сумму в 60 млрд. лир), принимаются в обмен на облигации нового займа по курсу 80 (хотя курс их в настоящее время 70) с доплатой 15 лир на каждую облигацию. Одновременно процент повышается с $3\frac{1}{2}$ до 5. Следует вспомнить, что конверсия из 5% в $3\frac{1}{2}$ %, произведенная в 1934 г., обошлась правительству по меньшей мере в 3 млрд. лир (этим и объясняется в основном рост дефицита бюджета с 3 622 млн. лир в 1932/33 г. до 6 828 млн. в 1933/34 г.). Сейчас эти 3 млрд. лир летят в трубу. Правительство надеется на этой операции получить наличными несколько миллиардов лир. Для достижения этой цели оно готово принести в жертву 3 млрд. лир, истраченные в 1933/34 г., и взвалить на себя бремя добавочных годовых платежей в 900 млн. лир¹. Приток капитала в государственные займы стимулируется и иными методами. Ранее капитал в погоне за вещными ценностями устремлялся в строительство; правительство предоставляло ряд льгот лицам и фирмам, заключающим строительные контракты. Сейчас разрешения на новое строительство предоставляются с большим трудом. Капиталы должны идти в займы! Частично в связи с общим повышением процента по займам, частично вследствие стремления сократить инвестиционную деятельность и задержать капиталы, учетная ставка Итальянского банка повышается в середине августа с $3\frac{1}{2}$ до $4\frac{1}{2}$ % (в начале августа она была равна всего 3%)². Другое средство привлечения капиталов в русло займов — освобождение последних от налогов, тогда как все остальные ценные бумаги подлежат усиленному налоговому обложению.

Другой путь мобилизации ресурсов — усиление налогового бремени. Уже с 1926 по 1933 г. налоговое обложение, по некоторым данным, выросло по отношению к народному доходу с 20 до 29%. Выступая в палате депутатов 26 мая 1934 г., Муссолини заявил: «Я первым готов признать, что гнет налогов достиг предела и что итальянскому налогоплательщику следует дать передышку или же спокойствие. Если возможно, его бремя должно быть облегчено». Вопреки этому заявлению, налоговое бремя продолжает расти. Минимум дохода, подлежащий обложению, понижается до 4 тыс. лир. Повышаются и вводятся новые налоги на бензин, на автомобили, на уличный провоз грузов, на товарооборот, повышены железнодорожные тарифы и т. д. и т. п.

Но ни займы, ни чудовищный рост налогового бремени не способны покрыть бешеных, изо дня в день растущих военных расходов. Необходимость прибегнуть к помощи печатного станка будет становиться все более настоятельной. Правительство прилагает все усилия к тому, чтобы до последней возможности задержать переход к открытой инфляции. Оно великолепно учитывает, какой непоправимый удар это нанесет международному положению Италии и насколько затруднит и удорожит ввоз военных материалов из-за границы. Но тем не менее позиции лиры уже подорваны, и дальнейшие ее перспективы для итальянского фашизма весьма неутешительны.

Трудности итальянской экономики прежде всего обрушиваются на

¹ Bulletin Quotidien, 19/IX 1935, сомневается в том, что разница в 15 лир на облигацию будет оплачена наличными; по мнению журнала, разница в подавляющей части будет погашена краткосрочными бонами казначейства.

² Deutsche Bergwerkszeitung, 13/IX 1935.

плечи пролетариата. Уже в 1927 г. в связи с дефляцией лиры зарплата была понижена на 20—40% — в размере, значительно превышающем падение цен. Biagi в газ. «Corriere della Sera» отмечает последовательное падение зарплаты: на 20% в 1927/28 г., на 10% в 1929 г., на 18—25% в ноябре 1930 г. 18 ноября 1930 зарплата рабочих и служащих законодательным путем снижена на 12%. В апреле 1934 г. жалование государственных служащих вновь снижено от 6 до 20%. «Economist» вычисляет, что с начала кризиса зарплата снизилась в среднем на 20—40%. Тем не менее официальные цифры показывают даже рост индекса реальной часовой зарплаты со 100 в 1929 г. до 109 в 1934 г. Но индекс этот не дает никакого представления о действительном положении рабочего класса, так как не приняты во внимание огромный рост безработицы и сокращение рабочей недели. К тому же в исчисление зарплаты не включена зарплата с.-х. рабочих, почти половины итальянского пролетариата, наиболее резко понизившаяся.

Правительственные реляции возвещают о сокращении безработицы и этии оправдывают необходимость повышения налогового обложения масс. Безработица, по официальным данным, сократилась с 1 019 тыс. в 1933 г. до 964 тыс. в 1934 г. и до 638 тыс. в июне 1935 г. Но пресловутое «сокращение» безработицы несколько не свидетельствует об улучшении материального положения пролетариата. Часть безработных была взята в армию. Другая часть была втянута в производство, но ценой сокращения рабочих часов, приходящихся на каждого занятого, и урезки месячной зарплаты. В 1929 г. всего 9% рабочих было занято менее 48 часов в неделю, в 1930 г. этот процент возрос уже до 20,8, в 1931 г. до 24,2, в 1932 г. до 28,4. С ноября по декабрь 1934 г. он сразу подскочил до 69,9% и в апреле 1935 г. достиг 77,5%¹. Реально месячная зарплата с 1934 по 1935 г. сократилась еще в большей степени вследствие повышения цен — на некоторые товары до 30% и выше.

Снабжение отдаленного восточноафриканского театра войны оружием — таков итог фашистского режима и цена начального периода абиссинской авантюры.

В 1931 г. японский империализм, оккупировав Манчжурию, положил начало борьбе за новый передел мира. Итальянский фашизм в предгрозовой атмосфере Европы, когда все противоречия накалены до крайности, разжег факел войны в Восточной Африке. Однако тех особых географических и стратегических преимуществ, которые позволяли Японии grabить Китай, Италия не имеет.

Снабжение отдаленного восточноафриканского театра войны оружием, провиантом, людьми связано с огромным напряжением всех ресурсов страны. В то время как японцы имели возможность развивать военные действия в Манчжурии, опираясь на существовавшую уже сеть железных и шоссейных дорог, итальянцы не в состоянии развернуть все преимущества современной военной техники в силу физико-географических условий страны, они должны строить шоссейные дороги, укрепленные пункты, отвлекать все большую и большую часть своих сил от непосредственного ведения операций на обслуживании

¹ International Labour Review, August 1935, p. 256.

тыловых потребностей фронта и охрану растягивающихся коммуникационных линий.

Манчжурия имеет мощную продовольственную базу, которая в состоянии снабжать оккупационные войска. Абиссиния не только лишена значительных продовольственных ресурсов, но не имеет в достаточном количестве даже питьевой воды, итальянскому командованию приходится перебрасывать из Италии или из-за границы огромные массы провианта, в которых нуждается армия.

Япония в своей экспансии в Китае не наталкивалась на значительное сопротивление других империалистических держав. И вот почему: оккупация Манчжурии имела целью создание плацдарма для агрессии против СССР;

империалисты боятся развития советов к Китае (позорное предательство нанкинского правительства);

оккупация Манчжурии непосредственно не задевала узловых пунктов колониального господства Англии, как например пути в Индию.

Дальневосточный театр отдален от военных и экономических баз крупнейших держав, что создавало для Японии особо благоприятное военно-стратегическое положение, исключавшее возможность начала военных действий против нее со стороны европейских государств или США на территории Китая или в дальневосточных водах.

В агрессии итальянского фашизма нет сочетания всех этих «благоприятных» факторов, развязавших Японии руки на Дальнем Востоке. Военные действия разворачиваются в самом центре столкновения интересов важнейших империалистических держав, в непосредственном соседстве с колониями этих держав. Тех о с о б ы х военно-стратегических преимуществ на ближневосточном театре войны, которые имела Япония на Дальнем Востоке, Италия не имеет.

И еще одно преимущество японского империализма: он имел возможность в годы кризиса развернуть бешеную экспансию на мировых рынках, что частично компенсировало огромные расходы, связанные с манчжурской экспедицией. Италия же стоит перед д а л ь н е й ш и м с о к р а щ е н и е м и без того значительно уменьшившегося экспорта.

Итальянский империализм, бросившись очертя голову в абиссининскую авантюру, развязывает силы, влекущие капиталистический мир к новой бсйне.

Трудящиеся массы Италии уже сейчас, когда война еще не успела затянуться, испытывают все прелести военного госкапитализма с сопутствующей ему дороговизной, понижением зарплаты, ростом налогового гнета. Изо дня в день лишения народных масс будут прогрессивно возрастать. Реляции о «победах» в Абиссии не смогут долго удерживать широкие массы в состоянии патриотического угара. Тогда итальянскому фашизму придется вспомнить уроки войны 1914—1918 гг., вспомнить те горячие дни, когда рабочие начали захватывать фабрики и заводы и судьба итальянского капитализма висела на волоске.

Зибер об основных категориях политической экономии

I

Интерес к «Капиталу» в России 70-х годов и в частности появление работ Зибера объясняются тем обстоятельством, что вопрос о судьбах капитализма в России стал актуальной социально-политической проблемой, что проблема «язвы пролетариата» волновала представителей различных оттенков русской общественной мысли.

С именем Зибера связана интересная страница в истории русской экономической мысли. В то время как на Западе работы Маркса, в частности «Капитал», встречались «заговором молчания», киевский профессор Николай Иванович Зибер с кафедры университета и в легальной печати излагал экономическое учение Маркса.

Самая возможность этого факта объясняется неразвитостью капитализма в России тех времен. Эта возможность объясняется также той буржуазно-либеральной интерпретацией марксизма, которую давал Зибер. Однако от буржуазных «критиков» Маркса всех рангов Зибер выгодно отличает та высокая оценка, которую он давал «Капиталу», а иногда и глубокое понимание ряда экономических категорий, что при полном почти отсутствии литературы о «Капитале» на Западе для профессора такой отсталой страны, как Россия 70-х годов, было немаловажным теоретическим подвигом. Вот почему Маркс отметил в «Капитале» работу Зибера. Маркс писал: «Еще в 1871 году Н. И. Зибер, профессор политической экономии в Киевском университете, исследовал в своей работе «Теория ценности капитала Д. Рикардо» основные положения моей теории стоимости денег и капитала, рассматривая их как необходимое дальнейшее развитие учения Смита—Рикардо. При чтении этой ценной книги западноевропейского читателя особенно поражает последовательное проведение раз принятой чисто теоретической точки зрения».

Заслуги Зибера в истории русской экономической мысли не дают однако никаких оснований для провозглашения его ортодоксальным марксистом. Все попытки превратить Зибера, по существу буржуазно-либерального экономиста, в ортодоксального марксиста, предпринятые в свое время Струве, Михлашевским, Клейнбортом и др., а в наши дни украинскими националистами-петлюровцами (Яворский, Слабченко и др.), эти попытки — покушение с явно негодными средствами.

В воззрениях Зибера по вопросам методологии характерно противопоставление метода изучения выводам, добытым этим изучением. Выбору того или иного метода Зибер вообще не придает серьезного

значения. Все методы хороши, если они приводят к правильным выводам.

В тесной связи с этой субъективистической точкой зрения Зибер на метод вообще находится и его отношение к диалектике. Отдавая дань единству, цельности и продуманности метода Маркса, Зибер в то же время обнаруживает непонимание диалектического метода, грубо отождествляя его с эволюционной теорией.

Зибер пишет: «... Мы, с своей стороны, воздержимся от суждения о годности этого метода (диалектики. — А. Р.) в применении к различным областям знания, а также и о том, представляет ли он собою или не представляет, насколько ему может быть придаваемо действительное значение, простое видоизменение или даже прототип метода теории эволюции или всеобщего развития. Именно в этом последнем смысле рассматривает его автор (Энгельс. — А. Р.) или, по меньшей мере, старается указать на подтверждение его при помощи тех истин, которые достигнуты эволюционной теорией, и нельзя не сознаться, что в некотором отношении здесь открывается значительное сходство»¹.

Однако Зибер не только отождествляет марксову диалектику с эволюционной теорией, не только не признает ее единственным подлинно научным методом, — под диалектикой Зибер склонен понимать своеобразный способ изложения.

Зибер противопоставляет способ изложения у Маркса, который носит, по его мнению, априорный характер, самому содержанию его учения, опирающегося на факты реальной жизни. «...У Маркса мы читаем, — пишет Зибер, — что исследования его носят априористический характер лишь настолько, насколько речь идет об одном лишь способе изложения (Darstellung); что же касается до самого их содержания, то оно строго органичивается пределами фактической действительности»².

Таким образом взгляды Зибер на диалектику как на произвольную схему исследования, как на априористический способ изложения характеризуются отчетливо выраженными чертами идеализма, субъективизма.

Отождествление диалектики с эволюционной теорией, взгляд на диалектику как на произвольный способ изложения, закованный в «непроницаемую броню гегелевских противоречий», естественно должны были отразиться и на социологических воззрениях Зибер, на непонимании им подлинной роли классовой борьбы в историческом процессе, антагонистических противоречий капитализма и путей их уничтожения, а также и на трактовке отдельных экономических категорий.

В своих социологических воззрениях Зибер — экономический материалист.

Зибер неоднократно указывает на примат экономики по отношению к праву, он полемизирует с Родбертусом, который, как он доказывает, придает праву слишком самостоятельное значение в хозяйственной жизни общества. Экономические отношения, по Зиберу, «всегда и везде играли, играют и будут играть роль самую перво-

¹ Н. И. Зибер, К характеристике Е. Дюринга, Собр. соч., т. II, С.-Петербург, 1900 г., стр. 718.

² Н. И. Зибер, Несколько замечаний по поводу статьи г. Ю. Жуковского «Карл Маркс и его книга о капитале», «Отечественные записки», 1877 г., №11, стр. 9.

степенную, так как для человечества вопрос о способах существования везде стоял на самом первом плане»¹.

Однако, выдвигая ведущую роль экономики по отношению к праву, Зибер в то же время разделяет идеалистическую схему исторического процесса, данную Лассалем в его речи «Программа рабочих». Зибер писал: «Мы... считаем эту речь (Лассаль, Программа рабочих. — А. Р.) довольно правильным изображением общего хода дел в экономической истории, но конечно не лишенным нескольких промахов и неверных обобщений... Мы не можем согласиться, что в средние века преобладающим общественным началом являлась поземельная собственность в том смысле, как это слово понимается теперь. ...Неверно будто Великая французская революция по самой своей идее была лишь выражением совершившегося уже переворота, отдавшего власть в руки среднего сословия... Неверны и некоторые другие частности в упомянутой речи Лассалья. Вполне правильно, что дело рабочего сословия есть действительно общечеловеческое дело, потому что тут идет речь о всех, могущих трудиться... но мы полагаем, что даже при устранении различия между трудящимися и нетрудящимися, столкновения между представителями труда сложного и простого, между высшими и низшими расами (кули) долго еще оказывали бы давление на веса общечеловеческого экономического равенства»².

Мы видим, что Зибер разделяет воззрения Лассалья на «четвертое сословие», его смущает лишь возможность противоречий между высшими и низшими расами даже при осуществлении схемы Лассалья. Если мы вспомним, что Лассаль рассматривает принцип рабочего сословия как господствующий принцип общества с трех точек зрения: формальных средств его осуществления, нравственного содержания и присущего ему воззрения на цель государства; если мы вспомним, что средством осуществления этого принципа Лассаль считал всеобщее и прямое избирательное право, что назначение государства — развитие человечества в направлении к свободе, то нам станет ясно, что социологические воззрения Зибера, который разделял взгляд Лассалья на «четвертое сословие», являются далеко не марксистскими.

По вопросу о предмете политической экономии мы встречаем у Зибера ряд формулировок, где он ее определяет как науку общественную, изучающую закономерности общественных явлений. Зибер неоднократно подчеркивает историческую обусловленность производственных отношений, он ведет борьбу с отождествлением различных хозяйственных форм, с подведением хозяйственной жизни различных времен и народов под одни и те же законы. В политике с Чичериным Зибер писал: «Вообще, давно бы пора уже бросить этот способ отождествления бесконечно сложных отношений современной европейской экономической действительности с отношениями каких-то аркадских пастушков, живущих где то на луне или в «Urwald'e»³.

¹ Н. И. Зибер, *Немецкие экономисты сквозь очки г. Б. Чичерина*, Собр. соч.; т. II, С.-Петербург 1900 г., стр. 621.

² Там же, стр. 620. Везде, где это не оговорено, подчеркнуто мной. — А. Р.

³ Н. И. Зибер, *Немецкие экономисты сквозь очки г. Б. Чичерина*, стр. 665.

При теоретической разработке тех или иных хозяйственных явлений экономисты, полагает Зибер, совершали ряд крупных методологических ошибок, которые дали начало большинству заблуждений в теории стоимости и капитала. Первая ошибка состояла в отождествлении общественного хозяйства с частным.

По Зиберу, «не существование индивидуума обуславливает существование общества, а, наоборот, существование общества определяет положение индивидуума и таким образом является необходимой исходной точкой при изучении явлений»¹.

Вторая важная ошибка экономистов, полагает Зибер, заключается в нарушении методологического правила, согласно которому всякое общественно-экономическое явление должно быть наблюдаемо в чистом виде и с соблюдением времени и места его действительного совершения. Зибер писал:

«Совершенно таким же образом, как выбирается время для наблюдения явления, должно быть выбрано и место для той же цели. Если явление происходит повсюду одинаково, то каждое место одинаково годно для наблюдения... В противном случае должен быть избран пункт средний»². И наконец третью ошибку экономистов Зибер видит в некритическом смешении разнообразных, иногда противоположных, явлений, фигурирующих однако под общим названием, что ведет к ложным выводам о законах, управляющих известным кругом явлений.

В приведенных высказываниях Зибера мы имеем обоснование противопоставления общественного хозяйства частному, обоснование примата общественного производства над индивидуальным, идеи примата общества над индивидуумом. Полагая, что задача науки — раскрытие связей и закономерностей общественного производства, которые определяют явления индивидуального производства, Зибер подчеркивает как один из важнейших принципов методологии политической экономии, что отправным пунктом исследования является общественно обусловленное производство индивидов.

Ряд интересных замечаний мы встречаем у Зибера и по вопросу о способе изложения, о порядке экономических категорий. Зибер полагает, что исследование должно идти от более простых явлений к более сложным, он ратует за необходимость применения дедуктивного метода.

Зибер понимает, что «капитал» является более конкретной категорией, чем «стоимость» и «деньги», что категория капитала не может быть понята без предварительного анализа категорий стоимости и денег. Он говорит о необходимости «предпосылать учению о капитале исследование о ценности». «Если бы не было установлено, — считает Зибер, — ясного представления о меновой и потребительной ценностях вообще, то по отношению к системе хозяйств с разделенным трудом оставался бы совершенно необъяснимым тот феномен капитала, что, несмотря на все случайности обмена, каждое хозяйство располагает известною частью продукта, не входящего в счет общего или среднего содержания хозяйств»³.

¹ И. И. Зибер, Карл Родбертус-Ягетцов, Собр. соч., т. II, С.-Петербург 1900 г., стр. 504.

² И. И. Зибер, Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях, С.-Петербург 1885 г., стр. 20.

³ Там же, стр. 363.

Но и по вопросу о способе изложения мы встречаем у Зибера ряд высказываний, окрашенных в идеалистические, субъективистические тона. Зибер упрекает Маркса в том, что он начинает свои исследования капитала не с реальных отношений, а с абстракций стоимости и полезности, хотя Маркс всей совокупностью своих исследований доказывает, что реальные отношения предшествуют абстракциям. Зибер писал: «Зачем ему (Марксу. — А. Р.) понадобилось начинать свое исследование о капитале не только с изучения самых сложных форм человеческого хозяйства, какова капиталистическая продукция, но к тому же с абстракций ценности и полезности, а не с реальных отношений, составляющих подкладку их, и не с более простых форм или с форм общечеловеческого хозяйства?»¹.

В приведенной цитате Зибер противопоставляет категорию стоимости реальным отношениям капитала, как будто стоимость не является теоретическим выражением реальных, объективно существующих производственных отношений, как будто вообще можно говорить о наличии у Маркса таких абстракций, которые не отражали бы реальных явлений хозяйственной жизни.

Субъективистические тенденции в понимании Зибером проблемы метода, непонимание сущности марксовской методологии отразились и на его трактовке категорий политической экономии. С одной стороны, Зибер постоянно говорит об исторической обусловленности марксовских категорий, с другой — мы имеем у него ряд формулировок, где он скатывается к внеисторической характеристике отдельных категорий. Так например он соглашается с родбертусовским делением категорий на исторические и логические. Зибер пишет: «Установлением более или менее явственного различия между так называемыми историческими и логическими категориями народной экономии наш автор (т. е. Родбертус. — А. Р.) впервые создает ту перспективу между кратковременными и долговременными, местными и всеобщими хозяйственными явлениями, отсутствие которой отнимало так много веса у исследований классических экономистов и поведо к забавным промахам последователей их «историков». Так он вносит в науку весьма важное разграничение между капиталом самим по себе, т. е. орудиями производства, и капиталом историческим, или капиталом в собственном смысле слова, он признает меновую ценность, в отличие от полезности, не более как временную историческую категорию, он помещает ренту вообще на более ранней ступени истории, нежели поземельную ренту и прибыль, он следит шаг за шагом за развитием меновых сношений и впервые кладет основания генетической теории денег»².

Как известно, Маркс и Энгельс считали родбертусовское деление категорий на логические и исторические праздною схоластическою игрою в дефиниции, которая является скрытой формой апологетики капиталистического хозяйственного режима.

Большое внимание уделяет Зибер анализу проблемы товара. По Зиберу, — характерный признак хозяйств с разделенным трудом, под которым он понимает товарное производство, — это обмен. Здесь

¹ Н. И. Зибер, Экономическая теория Маркса, «Знание», 1874 г.; № 1, стр. 56.

² Н. И. Зибер, Карл Родбертус-Ягеллов, стр. 529.

мы прежде всего встречаемся с неправильной трактовкой вопроса о регулировании товарного производства.

По Зиберу, в товарном производстве, или, как он его называет, в совокупности хозяйств, ведущих обмен, при полной как бы самостоятельности частных хозяйств имеется известный хозяйственный план. В чем же заключается этот общий экономический план? Зибер дает следующий ответ: «Производить продукта столько и такого качества, сколько и какого требуется другими хозяйствами, и производить по средним техническим приемам, с затратой определенных количеств труда, вот признаки, определяющая каждая хозяйственная группа выполняет общественно-экономический план, вытекающий из существа господствующей экономической формы производства — разделения в обществе труда, создает постоянные условия снабжения общества продуктами»¹.

Выдвигая правильную мысль, что товарное хозяйство характеризуется распределением труда в определенных пропорциях между различными отраслями производства, Зибер тем не менее неправильно говорит о наличии здесь какого-то общехозяйственного плана. Плана в условиях стихийных закономерностей товарного хозяйства нет и быть не может, принудительные законы этого способа производства насильственно навязываются его агентам, формальная независимость которых дополняется их вещной зависимостью.

Обмен, по Зиберу, представляет собой не просто взаимную передачу полезных вещей, но и передачу вещей, в известном отношении между собой равных. И вот Зибер ставит вопрос: каким же общим экономическим качеством обладают обменивающиеся предметы, удовлетворяющие неодинаковым потребностям? На это он отвечает, что только труд является тем элементом, который подлежит сравнению.

Зародыши трудовой теории следует, по Зиберу, искать в древнейших обычаях первобытных народов, когда общинный труд ведет к общинной, а отдельный труд к частной собственности. По мере накопления историко-экономического материала становится очевидным, полагает Зибер, что отнюдь не гипотезой, но действительным универсальным фактом является обмен по принципу возмещения трудовых эквивалентов. По Зиберу, «труд представляет единственную силу, творящую не только богатство, но и экономическую и политическую организацию общества»².

То обстоятельство, что основой стоимости является труд, Зибер не доказывает ни методом от противного, ни привлечением статистического материала. Он говорит о труде как о факторе, придающем обществу «устойчивость», и правильно связывает теорию стоимости с теорией общества.

В работах Зибера мы встречаем ряд высказываний об абстрактном труде, свидетельствующих о его понимании этой категории как категории социальной и исторической. Он пишет: «Различие конкретных родов труда служит источником того качественного различия между продуктами, без которых немислим обмен. Но тот же обмен требует и количественного сходства и находит его в равенстве количеств труда, отвлеченного от конкретных свойств своих и пред-

¹ Н. И. Зибер, Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях, стр. 44.

² Н. И. Зибер, Карл Родбертус-Ягетцов, стр. 557.

ставляющего общий человеческий труд, затрату мозга, мускулов, нервов и т. д.»¹.

В своей статье против Чичерина Зибер связывает реализацию абстрактного труда с процессом обмена. По Зиберу, «каждый отдельный вид труда в нынешнем обществе имеет специфический характер, доставляет специальную полезность, и только путем обмена, в котором приходится сравнивать равное с равным, этому специальному труду придается общечеловеческий характер, характер траты человеческой рабочей силы»².

Однако Зибер иногда скатывается на позиции внеисторической трактовки категории абстрактного труда:

«Труд в этой форме — абстрактной, общей, равной во всех отраслях — существует и в Робинсоновом и во всяком другом изолированном хозяйстве. Но меновое хозяйство отличается от последнего тем, что труд принимает в нем эту общую форму, делающую его общественным трудом, не иначе как путем обмена. Каждый специальный труд отдельной отрасли общественного разделения труда становится общественным, т. е. выполняет свое назначение, только под условием, что находит выражение в продукте другого специального труда, что приобретает форму меновой ценности»³.

Интересна у Зибера характеристика категории общественного труда. Он различает труд непосредственно общественный и скрыто-общественный. По Зиберу, каждый, взятый в отдельности, вид труда не является непосредственно общественным, он таковым становится лишь при меновом акте. Зибер пишет: «В обществе с разделенным по отдельным хозяйствам трудом, где, во-первых, каждое отдельное хозяйство входит в меновые отношения с другими хозяйствами не иначе как под условием сообщения своему продукту характера товара, где, во-вторых, известная средняя закономерность и планомерность хозяйственного строя выполняется единственно путем бесконечного ряда проверок и оценок, — труд становится общественным непременно при посредстве соотношений между ним и продуктами и непременно при посредстве всеобщего эквивалента. Здесь отношение между отдельными работами и поэтому является в форме относительной ценности...»⁴.

Труд же, воплощенный в деньгах, Зибер считает непосредственно общественным. Ни Рикардо, ни последователи его, говорит Зибер, не обратили внимания на качественное различие между трудом, содержащимся в деньгах и в других продуктах, и не заметили, что только труд первого рода есть труд непосредственно общественной формы.

Механистические и субъективистические тенденции мы встречаем и в воззрениях Зибера на стоимость и меновую стоимость. В противоположность многим определениям стоимости, которые наделяют самые вещи способностью обмениваться, Зибер считает, что «единственный способ добиться правильной постановки и решения вопроса о ценности состоит... в том..., чтобы... обра-

¹ Н. И. Зибер, Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях, стр. 263—264.

² Н. И. Зибер, Немецкие экономисты сквозь очки г. Б. Чичерина, стр. 685.

³ Н. И. Зибер, Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях, стр. 260.

⁴ Там же, стр. 268.

тить исключительное внимание на отношения, возбуждавшие в умах людей представление о ценности, и рассмотреть действительные свойства этих отношений»¹. Итак, по Зиберу, при анализе стоимости следует обратиться к анализу производственных отношений, теоретическим выражением которых она является.

Стоимость определяется Зибером как закон менового равновесия, как закон, «по которому уравниваются части имущества, движущиеся из хозяйства в хозяйство...»².

Зибер часто отождествляет стоимость с трудом. Он пишет: «Недостаточно сказать, что размеры обмениваемых продуктов, ценности... следуют за размерами труда или регулируются трудом. Труд, а не продукт, оказывается основным элементом отношения. Сам труд есть ценность, говорит К. Маркс. Иными словами, труд является единственным общественным образователем тех пропорций, в которых происходят меновые акты. Трудом отводится таким образом роль не только регулятора, но также и образователя меновых размеров»³.

Зибер иногда договаривается до того, что он выбрасывает за борт науки категорию стоимости, сомневаясь в ее познавательном значении».

«Ценность Маркса есть просто труд и ничего больше, и мы решительно сомневаемся, чтобы не только абстракция ценности как таковой, в отличие и от труда и от своей формы — меновой ценности, существовала когда-нибудь действительно, но чтобы в настоящее время существовала какая-нибудь надобность в ее установлении»⁴.

Итак, категория стоимости не нужна потому, что за ней скрывается труд. Кроме того она в действительности не существует вне формы своего проявления — меновой стоимости. По Зиберу, в изолированном хозяйстве, под которым он понимает хозяйство плановое, организованное, имеются налицо все элементы стоимости. В совокупности же хозяйства с разделенным трудом, т. е. в хозяйстве меновом, возникает меновая стоимость.

«Меновые отношения, — пишет Зибер, — немыслимы без ценности, но ценность мыслима и без меновых отношений»⁵.

Разница между изолированным и общинным хозяйством и хозяйством с разделенным трудом «может заключаться только в появлении новой идеи о меновой ценности»⁶.

Таким образом для взглядов Зибера характерен разрыв между стоимостью и меновой стоимостью. Он универсализирует категорию стоимости, объявляя ее приложимой и к тем общественным формациям, в которых нет обмена.

Меновую же стоимость он считает категорией, исторически обусловленной. Следует отметить, что Зиберу ясна связь между меновой стоимостью и явлениями товарного фетишизма, он понимает, что меновая стоимость есть вещная форма приравнивания труда. Сравняя хозяйство, сознательно регулируемое, с хозяйством, осно-

¹ Там же, стр. 11.

² Там же, стр. 2.

³ Там же, стр. 259. Подчеркнуто Зибером.

⁴ Н. И. Зибер Экономическая теория Маркса, стр. 75.

⁵ Н. И. Зибер, Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях, стр. 3.

⁶ Там же, стр. 46—47.

ванным на обмене, Зибер пишет, что разница между наличием элементов стоимости в изолированном хозяйстве и меновой стоимостью в совокупности хозяйств с разделенным трудом—«касается главным образом не содержания отношений, а формы их, но тем не менее она имеет весьма важное значение. Она одна в состоянии бросить свет на то явление, что в совокупности хозяйств с разделенным трудом «личное отношение людей между собою прикрывается вещною формой». Относя продукты своего труда друг другу в качестве товаров, люди на самом деле сравнивают только различные работы, находя общее для них выражение в человеческом труде. Но отношение это является замаскированным отношением между собою продуктов»¹.

Правильно связывая меновую стоимость с овеществлением производственных отношений, подчеркивая объективный характер этого овеществления, Зибер неоднократно становится на позиции субъективистической трактовки товарного фетишизма. Так например мы читаем у него, что в своем анализе стоимости Маркс говорит не от своего имени, а от имени буржуазного общества. В своей полемике с Жуковским Зибер писал: «Свое учение о ценности Маркс излагает совсем не от себя, а с точки зрения тех представлений, которые сложились в обществе об этом феномене... Заслуга Маркса в этом случае в том именно и заключается, что он вскрыл ножом научной критики генезис тех понятий, которые необходимо слагаются о ценности на почве существующих капиталистических хозяйственных явлений»². Вообще нужно сказать, что Зибер не понял объективной стороны товарного фетишизма, в его понимании товарный фетишизм главным образом выступает как иллюзорная форма мышления хозяйствующих субъектов. Это отразилось и на его объяснении форм стоимости, денег и других категорий. У Зибера мы встречаем ряд интересных замечаний по вопросу о формах стоимости: он превосходно понимает, что марксово учение о формах стоимости есть обоснование необходимости денег, что в своем теоретическом анализе форм стоимости Маркс воспроизводит в дедуктивной форме грандиозный исторический материал. В ряде страниц своих работ Зибер приводит интересные факты для иллюстрации абстрактных положений Маркса.

Однако и формы стоимости Зибер склонен рассматривать как фикции, как иллюзорные формы мышления, как исторически обусловленные представления агентов производства.

II

Перейдем к анализу проблемы денег у Зибера. По Зиберу, Маркс сделал два крупных вклада в науку, которые формулируются Зибером как выяснение генетического развития денежного обмена и строгое обособление в исследовании специальных свойств различных денежных функций. Деньги представляются Зиберу как самостоятельный вид богатства, возникновение которого связано со специфической потребностью общества во всеобщем эквиваленте для разнообразных самостоятельных родов труда. В противоположность большинству буржуазных экономистов, которые возникновение денег связывают с затруднениями, возникающими в меновом процессе,

¹ Н. И. Зибер, Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях, стр. 267.

² Н. И. Зибер, Несколько замечаний по поводу статьи г. Ю. Жуковского, стр. 10.

Зибер вслед за Марксом считает, что «деньги представляют не случайный, введенный ради только увеличения удобств, член общественно-хозяйственной системы, а напротив, безусловно необходимое, вполне интегральное звено всякого развитого общественного разделения труда... Глубокое и многостороннее разделение труда не может обойтись без денег, потому что в таком случае продукты, произведенные различными конкретными родами труда, потеряли бы возможность обмениваться одни на другие и находить себе тот сбыт, который необходим при условии производства для удовлетворения чужим потребностям»¹.

По Зиберу, деньги — единственный товар, который представляет собой материализацию непосредственного общественного труда. «Содержащийся в деньгах частный и конкретный труд, — писал он, — принимает непосредственно общественную форму, уравниваясь со всяким другим трудом. Все прочие товары, представляющие свою ценность в деньгах, не служат овеществлением непосредственных общественных работ»².

Переходя к анализу функций денег, Зибер насчитывает у Маркса пять самостоятельных денежных функций: всеобщий товар или орудие покупки, мерило ценности, орудие обращения, сокровище и орудие платежа. Что касается всемирных денег, то Зибер отказывает им в самостоятельной роли. Основной и главнейшей функцией Зибер считает функцию всеобщего товара, которому он приписывает роль объединителя всего многообразия разнородных представителей товарного мира. В своей трактовке функций всеобщего товара Зибер скатывается на позиции, чуждые Марксу, — смешения функций денег с сущностью денег. Этой функции, которая, по Зиберу, устанавливает известную однородность между товаром и деньгами, он придает все свойства всеобщего эквивалента, разрешающего имманентные товару противоречия потребительной стоимости и стоимости частного и общественного труда. В зиберовском анализе функций денег ценным является его глубокое понимание их взаимной зависимости, то, что они развиваются одна из другой.

Но если Зибер правильно указывает на необходимость денег, если он подметил взаимную связь различных функций денег, то и на данной ступени анализа ему не удалось избежать субъективистических тенденций.

В ряде своих работ Зибер говорит о деньгах и различных функциях денег как о фикциях, представлениях людей. В своей статье против Ю. Жуковского он писал: «Члены капиталистического общества сравнивают при обмене не самый труд, а материализацию этого труда, т. е. вещи, в которых он содержится. Но так как между вещами самими по себе не оказалось непосредственного сходства, то сделалось необходимым прибегнуть для сравнения к третьей вещи, которой и стало придаваться воображаемое метафизическое свойство товара-объединителя, всеобщего товара, мерила ценностей и пр. Вот в этом-то чисто умственном процессе и заключается то «примирение» противоречий, тот «синтез», который выразился в роли денег»³. Оказывается следовательно, что разрешение деньгами внутренних противоречий товара является лишь мыслительным актом

¹ Н. И. Зибер, Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях, стр. 271.

² Там же, стр. 265—266.

³ Н. И. Зибер, Несколько замечаний по поводу статьи г. Ю. Жуковского, стр. 10.

хозяйствующих субъектов. Мы наблюдаем здесь ту же методологическую ошибку, которая была совершена Зибером и при анализе категории стоимости. Он считает реальностью только сущность явлений, уравнивание труда, вещная же форма этого социального процесса представляется ему как фикция, как умственный процесс.

В своем анализе категории капитала Зибер констатирует факт более поздней ее разработки сравнительно с категорией стоимости. Причина — новые явления современной индустрии, находящиеся в теснейшей связи с развитием постоянного капитала: удешевление продукта, широкое разделение труда, сбыт на отдаленнейшие рынки, экономические кризисы, колебания заработной платы. Он неоднократно говорит о том, что капитал — не вещь, а производственное отношение, исторически обусловленное. «Вне договора купли-продажи рабочей силы по меньшей ценности ее самой, чем ее продукты, не существовало бы ни капитала, ни капитализма. Поэтому капитал не есть та или другая вещь в частности, а то вещное отношение между капитализмом и рабочим, которое дает первому возможность развиваться и богатеть за счет второго в силу той чисто юридической особенности, главным образом заимствованной из римского права, что кому принадлежит имущество, тому принадлежат и плоды от него (?)»¹.

Своим объяснением сущности капитала на основе специфических особенностей римского права Зибер ставит на-голову проблему соотношения права и экономики. В работах Зибера мы встречаем содержательную критику ряда буржуазных теорий, однако он ставит на одну доску трактовку капитала у Маркса, Лассалья и Родбертуса.

Впрочем следует отметить, что Зибер не целиком соглашается с трактовкой капитала у Родбертуса. Он считает не совсем правильным и удачным приводимое Родбертусом различие между запасом орудий и материалов изолированного производителя и капиталом современным. Причина этой погрешности Родбертуса в том, что он «сам еще не умеет отделяться как следует от распространенной привычки величать капиталом всякое орудие производства»².

Ошибки у Зибера мы встречаем и в его анализе постоянного и переменного капитала. С точки зрения капиталиста, а не общества в целом, полагает он, орудия и материалы, а также средства существования сливаются в одну общую массу капитала. По Зиберу, деление капитала на постоянный и переменный и различие, проводимое между ними, является результатом подхода к делу производства «с точки зрения капиталиста, который привык олицетворять свое имущество и рассматривать его, а не живую работу, в качестве источника прибавочной ценности. Оттого-то мы и говорим, что например переменная доля капитала воспроизводит сама себя, да еще с излишком, между тем как постоянная не воспроизводит. В действительности, с точки зрения целого общества, не воспроизводит сам себя ни постоянный, ни переменный капитал, а воспроизводится, и притом с излишком, только живая рабочая сила, и она же сохраняет прежнюю работу, употребляя в дело орудия, машины, материалы и т. п. мертвые предметы»³.

¹ Н. И. Зибер, Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях, стр. 310.

² Н. И. Зибер, Карл Родбертус-Ягетцов, стр. 559.

³ Н. И. Зибер, Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях, стр. 370.

В приведенной цитате Зибер неправильно указывает, что деление капитала на постоянный и переменный — это точка зрения капиталиста. На самом же деле эти категории не только не являются формами мышления капиталистов, но последние в лице своих идеологов всячески заинтересованы в замене деления капитала на постоянный и переменный, базирующегося на его роли в процессе создания и увеличения стоимости, делением на основной и оборотный, исходящим из процесса обращения. Капиталисты заинтересованы в этой замене, для того чтобы скрыть подлинные основы эксплуататорского механизма капиталистического способа производства.

Зибер вскрывает ненаучность теорий, считающих капитал производителем. В капитале, по Зиберу, «независимо от труда, в нем содержащегося и который только переносится на товары и входит в состав их ценности, и не может лежать таинственного источника прибыли»¹. Однако он считает, что производительность капитала представляет собой лишь иллюзорную форму мышления, специфический «способ воззрения людей на свои особые же исторические взаимные отношения...»².

Зибер не понимает, что производительность капитала — не только заблуждение человеческого мышления, но что о производительности капитала можно говорить как об объективно существующем производственном отношении, как о принудительной силе, побуждающей наемный труд производить стоимость и прибавочную стоимость.

В трактовке Зибером категории прибавочной стоимости следует прежде всего отметить его взгляд на эту категорию как на центр «Капитала», как на ядро этого монументального творения Маркса. Зибер пишет: «Теория происхождения чистого дохода или прибавочной ценности, в связи с общей теорией ценности, представляет ядро всего сочинения «Капитала», дальнейшее содержание которого является не более как развитием деталей и усложнений той и другой»³.

По Зиберу, то или другое решение вопроса о происхождении прибавочной стоимости характеризует собой не только отдельных экономических писателей, а целые экономические школы. Ему ясна преемственная связь между категорией стоимости и категорией прибавочной стоимости, он превосходно понимает, что объяснение прибавочной стоимости неоплаченным трудом — не постулат, не гипотеза исследователя, желающего осознать мир хозяйственных явлений, а реальный факт, логический вывод из того положения, что субстанцией стоимости является труд. По Зиберу, «все те, кто соглашались, что регулятор меновых пропорций и создатель меновых ценностей есть человеческий труд, волей-неволей должен также согласиться и с логическим последствием этого учения — теорией прибавочного продукта и прибавочной ценности Маркса»⁴.

В работах Зибера мы встречаем превосходные страницы, посвященные экономической и юридической «свободе» пролетариата. Зибер понимает, что классовое отношение между капиталистом и ра-

¹ Н. И. Зибер, *Немецкие экономисты сквозь очки г. Б. Чичерина*, стр. 668.

² Там же.

³ Н. И. Зибер, *Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях*, стр. 343—344.

⁴ Там же, стр. 360, подчеркнуто Зибером.

бочим дано уже в сфере обращения, что один выступает как персонафицированный прошлый, овеществленный труд, другой — как носитель живого труда. Зибер резко полемизирует со взглядом Чичерина о равноправии капиталиста и рабочего; он развенчивает буржуазную трактовку юридической и экономической «свободы» рабочих.

Однако в трактовке категории прибавочной стоимости мы встречаем у Зибера ряд неправильных формулировок. Так например о необходимом рабочем времени мы у него читаем: «Ту часть рабочего дня, которая посвящается этому воспроизведению, можно назвать необходимым рабочим временем, а работу, происходящую в это время, необходимою работою. Слово «необходимый» имеет в этом случае одинаковое значение в применении как к рабочему, так и к капиталисту. Для первого оно необходимо потому, что не находится в зависимости от каких бы то ни было общественных форм производства; для второго, же необходимо потому, что постоянное существование, увековечение рабочего есть основание самого капитала»¹.

Получается таким образом, по Зиберу, что необходимое рабочее время — категория универсальная, присущая всем общественно-экономическим формациям.

III

Немало интересных страниц посвятил Зибер также разбору учений Маркса о кооперации и о машинном производстве. Если исследование Маркса о стоимости, о деньгах, о капитале, считает Зибер, имеют одинаковое применение не ко всей эпохе капитализма, а лишь к среднему его моменту, изображают «сосуществующие отношения этого способа общественной продукции», то только с учения о кооперации мы входим в область философской истории капиталистической эпохи в ее целом. «Можно сказать без малейшего преувеличения, — заключает Зибер, — что эта попытка изобразить главные моменты постепенного развития новейших способов ведения общественного хозяйства является не только самой удачной — как в методологическом, так и во всех прочих отношениях, — но также и первой в своем роде».

Указав, что экономисты не уделяют должного внимания проблеме кооперации, Зибер считает, что никто из них и не подозревал, что теория кооперации в обширном смысле слова является теорией самого общества, что она «представляет, так сказать, остеологию общественной науки, кадры, в которых должно быть размещено все остальное содержание последней...»².

Переходя к учению Маркса о машинах и крупной промышленности, Зибер отмечает оригинальность и крупные научные достоинства этого раздела «Капитала». На первый план Зибер выдвигает «характеристику машинной индустрии в качестве дальнейшего после мануфактуры периода в развитии капиталистической продукции»³.

¹ Н. И. Зибер, Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях, стр. 371.

² Там же, стр. 407.

³ Там же, стр. 473.

Мануфактурная промышленность является промежуточной стадией между ремесленной промышленностью и крупной машинной промышленностью. «Нельзя ни на минуту допустить, — пишет Зибер, — чтобы фабричная индустрия с ее широкою техничекою и кооперативною основой, с ее всемирными сношениями и громадным накоплением капитала, имела непосредственные корни в ремесленном устройстве... Гораздо больше шансов на осуществление имеет постепенный и незаметный переход сначала от ремесла к мануфактуре, а потом уже от мануфактуры к фабрике; одни условия тут неизбежно и логично порождаются другими; тут нет ни перерывов, ни скачков»¹.

Приведенная цитата характерна для методологических воззрений Зибера: путь от простой кооперации к фабрике, как и вообще поступательный ход мировой истории, — это плавный эволюционный процесс, не знающий разрывов непрерывности, не знающий скачков. Считая, что замена ремесла мануфактурой, а мануфактуры машинной индустрией является общественным законом, Зибер в то же время указывает, что мануфактурное или фабричное производство отнюдь не представляют собой вполне обособленные замкнутые периоды экономического развития, ремесло, мануфактура и фабрика могут существовать одновременно в одних и тех же отраслях производства.

Говоря о влиянии машин на удешевление товаров, Зибер обнаруживает непонимание того нового, что внес Маркс по сравнению с классической школой в трактовку этой проблемы. Однако после краткого анализа постановки этого вопроса у Рикардо он вынужден признать, что «никому из экономистов, не исключая и самого Рикардо, не удавалось до сих пор представить это дело в таком ясном и бесспорном свете, как это мы видим в исследованиях Маркса»². Большой оригинальностью отличается, по Зиберу, та часть учения о машинах и крупной промышленности, где Маркс указывает па специфические условия, при которых применение машин становится выгодным капиталисту. Если у Рикардо, отмечает Зибер, и имеется ряд интересных замечаний по этому вопросу, то все же сомнительно, чтобы «Рикардо имел вполне отчетливое понятие о том различии, какое существует между употреблением машин в виде капитала и всяким иным употреблением их. Еще темнее должна была ему казаться причина, которой обусловливается подобное различие»³.

Еще большего внимания заслуживает в «Капитале», говорит Зибер, оценка результатов влияния крупной промышленности на положение рабочего класса. Некоторые разделы этой проблемы, подчеркивает Зибер, не говоря уже о том, что Маркс привлек массу неизвестных прежде фактов, отличаются «полнейшей самобытностью и новизною».

Интересными и полными глубокого значения представляются Зиберу также исследования Маркса о влиянии машин на отношения рабочих к капиталу. Зибер пишет, что исследование Маркса, имеющее целью показать, что «перемещение части капитала из непосредственного производства на сооружение машин оставляет без дела и без средств существования не только тех рабочих, которые оказываются излишними при самых машинах, но сверх того и тех, ко-

¹ Там же, стр. 474—475.

² Там же, стр. 497.

³ Там же, стр. 499.

торые занимались производством этих средств существования, не оставляет ничего желать по ясности и убедительности»¹.

В анализе Зиберы проблемы заработной платы мы встречаем следующее определение этой категории: «Задельная плата есть денежное выражение так называемой классическими экономистами ценности труда. Мы знаем, однако же, что труд сам есть ценность, и потому выражение ценность труда есть чисто фиктивное выражение. То, что экономисты разумели под ценностью труда, есть не что иное, как ценность рабочей силы живой и еще незатраченной в дело, которая настолько отличается от труда, насколько например машина отличается от своих операций. Итак задельная плата есть денежное выражение ценности не труда, а рабочей силы»².

В приведенной цитате целый пучок неточностей и ошибочных формулировок. Правильно указывая, что стоимость труда есть, как он выражается, фиктивное выражение, Зибер считает, что труд сам представляет собой стоимость, т. е. по существу, выгнав категорию стоимости труда через дверь, он впускает ее в окно. Правильно указав, что выдвинутая классиками категория стоимости труда по существу представляет собой стоимость рабочей силы, Зибер однако не понимает, что заработная плата и представляет собой цену труда, за которой скрывается цена или стоимость рабочей силы. Зибер не понимает, что заработная плата, т. е. цена труда, есть превращенная форма цены соответственно стоимости рабочей силы. Однако ему ясно, что в заработной плате маскируется деление рабочего дня на необходимый и прибавочный.

По Зиберу, «выражение заработной платы в денежной форме» маскирует «ее внутреннюю природу, которая состоит в том, что труд рабочего длится, сверх необходимого, еще и прибавочное рабочее время»³. Всякий рабочий сам производит свою заработную плату, и поэтому выплата ее капиталистом рабочему носит, по Зиберу, чисто фиктивный характер.

С теоретической точки зрения, утверждает Зибер, размер заработной платы и количество затраченного труда не находятся ни в какой зависимости друг от друга; заработная плата зависит от того, как велика цена средств существования, удовлетворяющих потребности рабочих, каково соотношение спроса и предложения рабочей силы.

Разделяя тезис о тяготении заработной платы к минимуму средств существования, Зибер отнюдь не разделяет лассалевского «железного» закона заработной платы. Он пишет: «Лассаль своему «железному» закону дает в иных местах толкование, весьма близкое к учению Мальтуса, — следовательно, нуждающееся в поправке»⁴.

Интересно отметить также возражение Зиберы, направленное против теории заработной платы Родбертуса: «Родбертус совсем не прав, когда он, основываясь на том, что заработная плата есть часть продукта, отказывает ей в принадлежности к капиталу. Она и то и другое только в разное время — капитал, пока принадлежит капиталисту, и продукт, с того времени когда поступает в руки рабо-

¹ Н. И. Зибер, Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях, стр. 500.

² Там же, стр. 468. Подчеркнуто Зибером.

³ Там же, стр. 283.

⁴ Н. И. Зибер, Немецкие экономисты сквозь очки г. Б. Чичерина, стр. 650.]

чего»¹. Зибер таким образом отчетливо представляет себе различие между переменным капиталом, который остается в руках капиталиста, и, как известно, никогда не уходит от капиталиста, а меняет только свое вещественное содержание, и заработной платой, являющейся доходом рабочего.

Несколько высказываний мы имеем у Зибера и по вопросу о кризисах. Соглашаясь с основным положением Родбертуса, что относительная доля продукта, получаемая рабочим классом в виде заработной платы, значительно отстает от все более возрастающей производительности труда, Зибер однако считает неправильной его попытку объяснить на основе этого принципа явления периодических кризисов. Объяснение происхождения кризисов у Родбертуса Зибер считает потому неправильным, что ни один из кризисов не повлек за собой «постоянного нарушения равновесия между покупательной силой общества и производительной силой труда», ни один из кризисов не приводил еще «к совершенному прекращению обменов и закрытию рынков, иными словами, эластичность рынков до настоящего времени оказывалась постоянно настолько значительной, что по окончании возвратных толчков давала им возможность постепенно поглотить большую часть произведенного». Поэтому Зибер считает, что для объяснения кризиса как явления временного следует в отличие от Родбертуса обратиться к более конкретным причинам. «Крупная индустрия с ее машинами, попеременное образование и новое поглощение индустриально-резервной армии и давление незанятых рабочих на занятых — вот главнейшая причина современных экономических кризисов, железного закона рабочей платы и сопровождающего их пауперизма, причина столь же новая и исключительная, как и самые кризисы и пауперизм»².

Несмотря на то, что Зибер критикует теорию кризисов Родбертуса, он все же в объяснении кризиса скатывается к теории недопотребления. В другой статье он еще более отчетливо формулирует свое объяснение причин кризисов: «Ведь статистика нас учит, что рабочее население каждой страны представляет большинство населения в ней, а это рабочее население, каковы бы ни были усовершенствования в производстве, получает только необходимую заработную плату. Разве именно это обстоятельство не представляет того противоречия капиталистического производства, что, стремясь к увеличению накопления и в то же время отдавая большинству покупателей товаров сравнительно незначительную долю покупательной силы, оно само под собою периодически роет яму, известную под названием переполнения товарами рынка или экономического кризиса»³.

Ряд глубоких замечаний, подкрепленных фактическим материалом из хозяйственной жизни Западной Европы, мы встречаем у Зибера по вопросу о соотношении мелкого и крупного производства в промышленности и земледелии. По Зиберу, «все более и более выясняется тот факт, что в крупном хозяйстве и в нем одном содержится источник благополучия грядущих поколений как по отношению к уравнению

¹ Н. И. Зибер, Карл Родбертус-Ягетцов, стр. 560.

² Там же, стр. 533.

³ Н. И. Зибер, Немецкие экономисты сквозь очки г. Б. Чичерина, стр. 645.

борьбы классов, так и многостороннему развитию свободной человеческой личности»¹.

Зибер прямо говорит, что борьба крупного производства с мелким в земледелии подчиняется тем же законам, что и в промышленности. Он пишет: «Только самый прогресс поглощения крупным производством мелкого совершается в этой области более медленным и искусственным путем»².

Если Зибер и говорит о техническом превосходстве крупного хозяйства над мелким и об исторической необходимости замены мелкой собственности крупной, он отнюдь не солидаризируется с оптимизмом ряда английских экономистов, которые полагают, что английская система консолидации мелкого фермерства в крупное — это последнее слово истории цивилизации. Единственным правильным решением вопроса, по Зиберу, было бы «возможно широкое применение кооперативной формы труда, которая одновременно обеспечила бы ирландцам и преимуществам крупного хозяйства и соблюдение общих интересов»³.

Эта концепция кооперативной формы организации сельского хозяйства находится в тесной связи с общими воззрениями Зибера на перспективы развития капиталистического хозяйственного режима, с его общими социально-политическими воззрениями.

По Зиберу, капиталистический способ производства, который на известном отрезке исторического процесса является его необходимым этапом, обречен на смену новой, более прогрессивной общественной формой. «Маркс, — пишет Зибер, — на основании точнейших официальных и иных данных показывает, что капиталы все более и более сосредоточиваются в одних руках, что труд сосредоточивается вместе с ними и объединяется все более и более, что введение машин все более и более эмансипирует громадную долю человечества от пожизненной и наследственной принадлежности к определенным функциям, показывает все это и многое другое и в целом приходит к заключению, что капиталистическому производству предвидится со временем конец»⁴.

Провозвестником нового общественного строя, по Зиберу, являются в частности кризисы, особенно современный ему экономический кризис, который грозит принять хронический характер: «Если верить опытным людям, то последний кризис, по объему и распространению своего действия далеко оставляющий за собою все прежнее, принимает уже хронический характер и повидимому является провозвестником совершенно нового экономического строя»⁵.

Но смену капитализма новым экономическим строем Зибер представляет себе как чисто фаталистический процесс. В его схеме нет имманентных противоречий капитализма, которые на исторической арене проявляются в классовой борьбе, в его схеме нет пролетариата как могильщика буржуазии. Он утверждает наличие необходимых законов истории, ведущих «человечество с завязанными гла-

¹ Н. И. Зибер, Экономические эскизы, Собр. соч., т. I, С.-Петербург 1900 г., стр. 430.

² Там же, стр. 465.

³ Н. И. Зибер, Аграрный вопрос в Германии, Собр. соч., т. I, С.-Петербург 1900 г., стр. 292.

⁴ Н. И. Зибер, Немецкие экономисты сквозь очки г. Б. Чичерина, стр. 677.

⁵ Н. И. Зибер, Карл Родбертус-Ягетцов, стр. 533.

зами и ощупью от одной ступени кооперации на другую...»¹. В одном месте он указывает на освободительное действие машины, которое приведет к новому обществу, где не будет классовой борьбы. Однако новый общественный строй Зиберы весьма далек от социализма, о котором писали классики марксизма и строительство которого немислимо без диктатуры пролетариата. Новый общественный строй он мыслит себе в результате плавного, эволюционного развития капитализма, в котором произойдет «социализация» производства, нечто вроде «организованного капитализма», «демиургом» же нового строя будет междугосударственный конгресс буржуазных правительств, своеобразная «Лига наций». Ход аргументации Зиберы можно представить следующим образом: капитализм — это определенный вид общественной солидарности, определенная, исторически необходимая фаза в развитии человечества.

«Тот вид общественной солидарности, который обеспечивает возможность существования целого только благодаря ежедневному и ежечасному *bellum omnium contra omnes* (война всех против всех. — А. Р.), существования под всегдашним опасением остаться без работы, быть обойденным, оттиснутым слепую общественною необходимостью, не может служить идеалом ни для отдельных лиц, ни для общественных союзов, а может представлять собой одну лишь историческую ступень в развитии человечества»².

В результате концентрации и централизации капитала возникнут монополистические союзы более общие, нежели само государство. Это означает, что «тесная кооперация обнимает с течением времени все большее и большее число людей и все с большего и большего числа сторон»³. В качестве примера Зибер ссылается на французскую спичечную компанию, пломбьерские воды, компании парижских омнибусов и др. Он говорит о «социализации производства», порожденной развитием крупной промышленности: «Социализация производства находится в логическом и историческом противоречии с теорией свободы торговли. Крупная промышленность, крупная торговля есть приближение к государственной монополии, а не к свободному соперничеству»⁴. Зибер пишет о государственной монополии, которая должна сменить частную монополию: «Процесс объединения американских железных дорог достигает уже такой степени, когда на место частной, своекорыстной и вредной для общества монополии должна стать монополия государства. Недалеко от того же положения находятся и некоторые европейские железные дороги».

И наконец в последнем звене схемы Зибер исходит из международной обстановки, когда в результате мировой конкуренции приостановится процесс накопления капитала и международный конгресс организует новый строй. Он пишет: «Если... столкновение всех европейских стран на общем рынке, в связи с другими обстоятельствами, понизит число рабочих часов на фабрике и доведет его до минимума накопления, а с ним и эту форму власти, то междугосударственный конгресс правительств немедленно же должен будет по-

¹ Н. И. Зибер, *Немецкие экономисты сквозь очки г. Б. Чичерина*, стр. 642.

² Там же, стр. 640.

³ Там же, стр. 629.

⁴ Н. И. Зибер, *Экономические эскизы*, стр. 473.

⁵ Там же, стр. 446.

ложить начало совершенно новым юридическим порядкам»¹. Таким образом экономические воззрения Зибера увенчиваются буржуазной схемой нового социального строя, где будут преодолены противоречия капитализма, но где останутся неизбежными основы этого хозяйственного режима. Социальный идеал Зибера — капитализм, где погашены его противоречия.

Ряд видных экономистов и публицистов считали Зибера «правоверным» марксистом, а некоторые «родоначальником» русской социал-демократии. Любопытнее всего, что эта версия и в наши дни поддерживается рядом ученых, контрреволюционное лицо которых недавно было разоблачено. В свое время еще Струве считал Зибера безусловным марксистом. Он писал: «На русскую экономическую литературу Маркс оказал очень сильное и непосредственное влияние. Его теория ценности и капитала принимается многими и при том весьма известными русскими экономистами (Зибер, Чупров, Исаев, Иванюков, Яроцкий, Скворцов, Кассовский и др.) большей частью однако без того социологического обоснования, которое эта теория имеет у самого Маркса, в своеобразном, не встречающемся на Западе сочетании с идеями так называемой этической школы (катедер-социалистов). Безусловным марксистом был покойный Зибер». Клейнборт считает Зибера правоверным марксистом. Он писал: «Как теоретик Зибер явился у нас самым ранним «правоверным» последователем системы Маркса. Его работы в этом направлении, вызвавшие... одобрение самого Маркса, далеко еще не использованы надлежащим образом ни русской экономической литературой, ни европейской, для которой они прошли бесследно». Д. Н. Овсянников-Куликовский также считал Зибера правоверным марксистом и родоначальником русских последователей Маркса. «Если Драгоманов был для меня ментором по общеполитическим вопросам и в особенности по национальному, то у Зибера я научился разбираться в вопросах социализма вообще, марксизма в частности. Как известно, Н. И. Зибер был последовательный, «правоверный» марксист и по праву должен быть признан родоначальником «русских учеников Карла Маркса». Проф. Миклашевский также называет Зибера родоначальником русского марксизма; более того, он считает Зибера родоначальником русской социал-демократии: «Зибер был самым талантливым родоначальником русской социал-демократии и истолкователем учений Рикардо, Маркса и Родбертуса... Покойный проф. Чупров говорил мне, что он научился понимать Маркса только благодаря Н. И. Зиберу».

Однако по части грубой фальсификации роли Зибера как общественного деятеля, его участия в революционном движении на Украине и в России все рекорды побили украинские контрреволюционеры — националисты-петлюровцы, которые в результате разгрома буржуазного национализма на Украине начали рядиться в марксистские одежды. Так например небезызвестный контрреволюционер М. Яворский, не приводя никаких материалов, провозгласил Зибера основоположником марксизма на Украине. По Яворскому, Зибер чуть ли не организовывал рабочий класс Украины и руководил его революционным движением. Имеющиеся материалы говорят о противоположном — Зибер никакого участия в революционном движении не принимал, да и не мог принимать, если мы

¹ Н. И. Зибер, Немецкие экономисты сквозь очки г. Б. Чичерина, стр. 619.

вспомним его социологические и экономические воззрения, если мы вспомним его фаталистическую концепцию исторического процесса, его социальные идеалы. Достаточно сослаться на воспоминания Д. Н. Овсянникова-Куликовского, Л. Дейча, Драгоманова и др. Взгляд на Зиберу как на марксиста противоречит как его экономическим и социально-политическим воззрениям, так и конкретным фактам его биографии. Он является предшественником русского легального марксизма, одним из ранних русских катедер-социалистов. Творчество Зибера протекало в тот период, когда русский рабочий класс делал свои первые шаги и когда буржуазная наука и публицистика Запада встречали экономические работы Маркса «заговором молчания» или, как это было в России, подвергали их грубой, вульгарной критике (Жуковский, Чичерин и др.). Заслуга Зибера в том, что он в самодержавной России 70-х годов с кафедры университета и в легальной печати выступал в роли приверженца экономического учения Маркса, подвергал антикритике вульгарных критиков Маркса — Жуковского и Чичерина, — хотя и с неправильных позиций.

Н. ДЬЯЧЕНКО

Новая победа

(К итогам летнего учета скота)

Два года тому назад пленум ЦК ВКП(б) принял историческое постановление «Об улучшении и развитии животноводства». В этом постановлении давалась конкретная программа мероприятий, направленных к разрешению животноводческой проблемы. Период, истекший со времени принятия этого решения, дал нам огромные достижения в области подъема животноводства, оправдав слова т. Сталина, который в своем выступлении на XVII съезде партии указывал, что «советские люди, бравшие не одно серьезное препятствие на пути к цели, сумеют взять и это препятствие»¹. Итоги июньского учета 1934 г., а также перепись скота, проводившаяся в январе 1935 г., с неоспоримой ясностью показали наметившийся в 1934 г. перелом в развитии животноводства. Еще более благоприятную в этом отношении картину дал учет скота, проведенный летом текущего года.

Для того чтобы оценить все значение тех цифр, которые дают нам итоги июньского учета скота 1935 г., скажем предварительно несколько слов о состоянии животноводства в предшествующие годы.

В 1928 г. численность крупного рогатого скота, овец и свиней по СССР достигла своего послевоенного максимума; по лошадям этот максимум был достигнут в 1929 г. Начиная с 1929 г. (по лошадям с 1930 г.), т. е. в период социалистической реорганизации сельского хозяйства, мы имели значительную убыль в поголовье скота. Причины этой убыли были со всей четкостью сформулированы т. Сталиным в его докладе на XVII съезде партии. Ожесточенная классовая борьба, сопровождавшая социалистическую перестройку сельского хозяйства, и связанная с этим кулацкая агитация за убой скота, недостаточное еще организационно-хозяйственное укрепление совхозов и колхозов — все это отразилось на состоянии животноводства в период 1929—1933 гг. В каком направлении шел процесс сокращения поголовья скота? В наибольшей степени убыль коснулась овец, свиней и молодняка крупного скота. Вот что показывают в этом отношении соответствующие цифры по СССР² (см. табл. на стр. 149).

Таблица показывает, что по овцам и козам мы потеряли за 5 лет 66% стада, по свиньям — 54, по крупному рогатому скоту — 46 и по лошадям всех возрастов — 51%.

Наибольший урон по стаду овец, коз и свиней объясняется двумя причинами. С одной стороны, эти виды скота как менее ценные по сравнению с крупным скотом и вместе с тем поддающиеся более

¹ XVII съезд ВКП(б), Стенографический отчет, стр. 23;

² Э и цифры, а также все последующие, относящиеся к периоду 1928—1934 гг., взяты из опубликованных материалов ЦУНХУ Госплана СССР.

Динамика поголовья скота по СССР с 1928 г. по 1933 г.

(по всем категориям хозяйств)

Г о д ы	В % к 1928 г.					
	Лошад и		Крупный рогатый скот		Овцы и козы всех возрастов	Свиньи всех возрастов
	Всех возрастов	В том числе рабочих	Всех возрастов	В том числе коров		
1929	103,3	103,4	95,1	98,8	100,2	78,4
1930	90,2	91,5	74,4	86,8	74,1	52,2
1931	78,3	85,7	67,9	79,4	53,0	55,6
1932	58,6	70,9	57,6	68,4	35,5	44,7
1933	49,4	61,7	54,4	63,6	34,2	46,4

быстрому восстановлению при всяком сокращении стада подвергаются ликвидации в первую очередь. С другой стороны, максимальная убыль овечьего и свиного стада объясняется и тем, что эти отрасли были сосредоточены в наибольших размерах в тех районах, где классовая борьба и кулацкая агитация в связи с успехами коллективизации были особенно резко выражены.

По лошадям и крупному рогатому скоту таблица показывает, что общая численность стада сократилась в больших размерах, чем количество рабочих лошадей и коров, т. е. более чем производственная часть стада. Это говорит о том, что убыль поголовья шла в первую очередь за счет молодняка. Последнее обстоятельство заслуживает особенно пристального внимания, так как оно связано с вопросом нормального воспроизводства стада.

Последнее, о чем вполне отчетливо говорит приведенная выше таблица, это то, что в 1933 г., т. е. в первом году после окончания реорганизационного периода, процесс убыли скота резко снизился в своих темпах, а по свиньям уже наметились признаки восстановления стада.

Следующая таблица дает представление о том, в каких районах Союза убыль скота достигла максимальных размеров:

Убыль скота по районам
1933 г. в % к 1928 г.

(по всем категориям хозяйств)

Лошад и всех возрастов	Крупный рогатый скот	Овцы и козы	Свиньи
СССР 49,4	СССР 54,0	СССР 34,2	СССР 46,4
Быв. Уральская область 37,2	Быв. Нижневолжский край 41,1	УССР 24,7	УССР 30,0
Быв. Нижневолжский край 42,3	Казакская и Каракалпакская АССР 22,6	Быв. ЦЧО 23,5	Быв. ЦЧО 39,2
Казакская и Каракалпакская АССР 13,3	Западносибирский край 48,1	Казакская и Каракалпакская АССР 10,9	Быв. Нижневолжский край 40,5
Западносибирский край 38,5	Восточносибирский край 45,2	Киргизск. АССР 23,5	Быв. Северокавказский край 40,9
	ДВК 44,0	ДВК 18,2	Западносибирск. край 38,0

Как видим, области с наибольшим размером убыли скота расположены в зерновых районах, большинство которых первыми вступили на путь сплошной коллективизации и связанной с этим коренной перестройки сельского хозяйства. При этом однако нужно отметить, что сокращение поголовья по отдельным видам скота географически не совпадает. Так, быв. Уральская область дает повышенную убыль только по лошадям, по остальным же видам скота эта убыль приближается к среднесоюзной. На Украине и в быв. ЦЧО повышенная убыль стада коснулась только мелкого скота (овец, коз и свиней), на Нижней Волге и в Западной Сибири — лошадей, крупного рогатого скота и свиней, в ДВК — крупного рогатого скота и овец, а в Восточносибирском крае — только крупного рогатого скота. Исключения составляют Казакская и Каракалпакская АССР, где убыль поголовья достигла особенно крупных размеров и при этом почти в одинаковой степени распространилась на все виды скота.

В состав районов, давших сравнительно наименьшую убыль скота, входят главным образом районы нечерноземной полосы, а также ЗСФСР. При этом картина меньшей убыли поголовья в этих областях относится почти ко всем видам скота.

Убыль скота в районах нечерноземной полосы
1933 г. в % к 1928 г.
(по всем категориям хозяйств)

Республики и области	Лошади всех возра- стов	Крупный рогатый скот	Овцы и козы	Свиньи
СССР	49,4	54,0	34,2	46,4
ЗСФСР	118,8	81,5	57,4	63,2
БССР	72,5	70,6	48,3	64,5
Северный край	76,3	73,2	60,5	54,4
Ленинградская область	71,2	71,8	61,0	83,9
Западная »	66,9	76,9	48,3	54,3
Московская »	63,0	76,1	54,8	62,5
Ивановская »	63,9	79,2	62,5	81,6
Горьковский край	72,2	81,7	66,7	76,3

Для правильной оценки состояния рабочего животноводства в ЗСФСР необходимо иметь в виду, что преобладающую роль в балансе тяговой силы здесь играет не лошадь, а вол. Численность же волов по Закавказью в отличие от конского стада значительно сократилась, и таким образом роль вола как рабочей силы в сельском хозяйстве несколько уменьшилась. Это подтверждается следующим сопоставлением:

Рабочий скот	Численность скота 1933 г. (в % к 1928 г.)	Распределение рабочего скота по видам (в %)	
		1928 г.	1933 г.
Лошади в рабочем возрасте	118,7	17,4	24,7
Волы	76,3	82,6	75,3
Итого рабочего скота	83,7	100,0	100,0

Такими количественными показателями характеризовалось в основном наше животноводство на 1933 г.

Итоги учета скота, произведенного в июне 1934 г., полностью подтвердили прогноз, данный т. Сталиным, который указывал, что «1934 год должен и может стать годом перелома к подъему во всем животноводческом хозяйстве»¹. Этот перелом со всей отчетливостью наметился по всем видам скота, открывая путь к быстрому развитию животноводства.

Что является наиболее значительным и характерным в тех сдвигах, которые наметились в состоянии животноводства летом 1934 г.? По лошадям мы еще имели некоторую убыль взрослого состава стада, но в значительно меньших размерах, чем в предшествующие годы. Избежать этой убыли нельзя было ни при каких условиях, так как наличие ремонтного молодняка не обеспечивало восстановление естественного отхода взрослой части стада. Отсюда само сокращение темпов убыли взрослого конского состава необходимо расценивать как весьма положительный фактор, означающий, что конское стадо уже вступило на путь накопления резервов молодняка, на путь создания базы для расширения в ближайшие годы численности взрослых лошадей. Эти перспективы являются тем более вероятными, что при некоторой убыли взрослых лошадей количество жеребят значительно увеличилось по сравнению с 1933 г.

В стаде крупного рогатого скота мы имели на лето 1934 г. стабильное состояние по коровам и значительный рост численности молодняка. Это обстоятельство — рост поголовья конского молодняка и молодняка крупного рогатого скота — является наиболее характерным показателем перелома в развитии животноводства, наметившегося в прошлом году.

По овцам и козам итоги прошлого года учета дали также рост поголовья. Особенно же резко увеличилась численность свиней. Ниже мы приводим соответствующие данные о динамике поголовья скота за два года (1933 и 1934) в целом по СССР.

Поголовье скота в 1933 и 1934 гг.
(в % к предшествующему году по всем категориям хозяйств)

	1933 г.	1934 г.
Л о ш а д и		
Все стадо	84,4	94,5
В т. ч. рабочие	86,9	91,1
К р у п н ы й р о г а т ы й с к о т		
Все стадо	94,4	110,6
В т. ч. коровы	93,0	100,0
Овцы и козы	96,3	103,4
Сви н ь и	103,9	144,6

Перепись скота, произведенная в январе 1935 г., дает нам показатели того, в каких размерах происходила осенняя выбраковка взрослого скота и в какой степени был сохранен молодняк, учтенный летом 1934 г. С этой стороны итоги январского учета приобретают особое значение, поскольку они позволяют определить основные линии, по которым продолжает идти процесс развития животноводства. Вот весьма характерные данные, которые показывают, как изменилась численность скота от 1 июля 1934 г. к 1 января 1935 г. в сопоставлении с соответствующим полугодием 1933 г.

¹ XVII съезд ВКП(б), Стенографический отчет, стр. 20:

Сокращение численности скота от июля к январю соответствующего года
(в % по всем категориям хозяйств)

Периоды	Лошади всех возрастов	Крупный рогатый скот			Овцы и козы	Свиньи
		все ста- до	в том числе коровы	телята		
2-е полугодие 1933 г.	-7,2	-12,6	-2,5	-43,9	-27,4	-4,1
2-е « 1934 г.	-4,6	-8,5	-2,7	-21,3	-21,5	-2,1

Эти цифры очень красноречиво свидетельствуют о том, что в деле сохранения телят мы достигли больших успехов. Если в 1933 г. из общего количества телят, учтенных на 1 июля, к концу года выбыло из стада 43,9%, то в прошлом году за тот же период отход телят сократился в два раза. Выбраковка коров в течение обоих полугодий происходила в заметно пониженных размерах. По остальным видам скота показатели сезонного сокращения стада оказались во втором полугодии 1934 г. также пониженными по сравнению с тем же периодом 1933 г. Все это говорит о том, что намечившийся летом 1934 г. подъем животноводства к январю 1935 г. получил еще более отчетливое выражение.

Перейдем к рассмотрению итогов июньского учета скота 1935 г. Оговариваемся, что эти итоги являются пока предварительными и могут в процессе их уточнения подвергнуться некоторым изменениям. Однако размеры и характер этих возможных изменений не могут в сколько-нибудь заметной степени повлиять на те выводы, которые позволяют уже теперь сделать предварительные данные.

В целом по СССР предварительные итоги июньского учета дают следующую динамику поголовья скота в сопоставлении с прошлым годом:

Численность скота в % к предшествующему году
(по всем категориям хозяйств)

	Июнь 1934 г.	Июнь 1935 г.
Лошади всех возрастов . . .	94,5	101,5
Жеребята до 1 года	137,2	157,8
Крупный рогатый скот всех возрастов	110,6	116,1
Коровы	100,0	103,1
Телята до 1 года	123,9	123,8
Овцы и козы	103,4	117,6
Свиньи	144,6	129,2

Тенденция значительного роста поголовья сказывается в этих цифрах со всей отчетливостью. Весьма показательно, что конское стадо, дававшее в предшествующие годы непрерывную убыль, в 1935 г. уже дает некоторый прирост. В динамике поголовья коров наступил также перелом. Численность коров возросла на 3%, в то время как в 1934 г. она оставалась в стабильном состоянии, а в 1933 г. и в предшествующие годы поголовье коров сокращалось. Значительно увеличились темпы расширения стада по овцам и козам. Численность свиней, давшая в 1934 г. резкий подъем, продолжает и в 1935 г. возрастать в широких размерах.

Особенно обращает на себя внимание продолжающийся рост численности молодняка. Непосредственным следствием этого явилось весьма заметное увеличение нагрузки лошадей и коров молодняком.

Удельный вес молодняка в общем поголовье конского стада и стада крупного рогатого скота изменился за последние годы следующим образом (по колхозному и крестьянскому секторам):

Молодняк	Июнь 1933 г.	Июнь 1934 г.	Июнь 1935 г.
Жеребята до 1 года	5,4	8,1	12,8
Телята до 1 года	28,9	32,2	34,3

Особенно сильно возросла обеспеченность коров ремонтным молодняком. На 100 коров в 1934 г. приходилось телок и нетелей в возрасте старше одного года 22,9 голов, а в 1935 г. — 31,7.

Таким образом все больше расширяется база, необходимая для роста численности производственной части стада, — рабочих лошадей и коров.

Что дают предварительные итоги июньского учета 1935 г. по динамике стада в географическом разрезе?

По лошадям размеры прироста стада колеблются по отдельным областям сравнительно в незначительных размерах. Резко выражена дифференциация размеров прироста стада по продуктивному скоту. Максимальный рост поголовья крупного рогатого скота, овец, коз и свиней дали следующие районы:

Рост стада по районам
Численность скота на июнь 1935 г. в % к июню 1934 г.
(по всем категориям хозяйств)

Крупный рогатый скот (все возрасты)	Овцы и козы (все возрасты)	Свиньи (все возрасты)
СССР 116,1	СССР 117,6	СССР 129,2
УССР 118,8	УзбССР 123,2	Западная область . . 161,2
БССР 125,0	Туркм. ССР 123,6	Московская » . . 146,1
Западная область . . 122,7	Тадж. ССР 128,5	Ивановская » . . 146,1
Московская » . . . 122,5	УССР 125,0	Свердловская » . . 190,2
Кировский край . . 120,8	Ивановская область . 127,6	Башкирская АССР . 175,1
Свердловская область 125,0	Свердловская » . 131,1	Оренбургская область 184,2
Курская » . . . 122,2	Башкирская АССР . 134,0	Курская » . . 151,4
Воронежская » . . 119,0	Омская область . . . 124,9	Воронежская » . . 144,4
Саратовский край . . 122,4	Куйбышевский край . 128,9	Сталинградский край 189,3
Азово-черноморский	Оренбургская область 128,3	Северокавказский » 168,7
край 118,3	Воронежская » . . 124,5	Восточносибирский
ДВК 124,9	Сталинградский край 124,6	край 142,6
	Саратовский » . . 131,7	ДВК 145,0
	Азово-черноморский	
	край 127,7	
	Крымская АССР . . 125,4	
	Казакская » . . 122,7	

Таблица показывает, что максимальные темпы прироста скота имеют место главным образом в тех областях, в которых животноводство в реорганизационный период потерпело наибольший урон.

Успехи в деле подъема животноводства достигнуты нами исключительно в результате полной победы социалистических форм в сель-

ском хозяйстве, укрепления колхозов и совхозов и роста зажиточности колхозников. Все увеличение поголовья скота падает полностью на совхозы, колхозы и хозяйства колхозников, тогда как стадо единоличных хозяйств значительно сокращается. Ярким доказательством этого является следующее сопоставление:

Динамика стада по секторам

Численность скота на июнь 1935 г. (в % к июню 1934 г.) по СССР

	Лошади	Крупный рогатый скот	Овцы и козы	Свиньи
Колхозы	115,4	126,3	132,2	127,8
Колхозники	—	133,7	135,5	169,4
Единоличники	52,8	80,1	74,7	102,1

Нужно отметить, что в этой таблице вместе с единоличниками показаны рабочие и служащие сельских местностей. Если сделать поправку на эту категорию хозяйств, сокращение скота у единоличников должно быть выражено в еще больших размерах. Нельзя вместе с тем приписывать это сокращение только уменьшению числа единоличных хозяйств. Убыль единоличного скота происходит в значительно более высоких темпах по сравнению с процессом сокращения числа хозяйств. В единоличном сельском хозяйстве несомненно наблюдается разбазаривание скота. Чтобы иллюстрировать этот момент, приведем некоторые данные, которые получены нами в результате разработки материалов бюджетного обследования единоличников, произведенного НКФ в нескольких районах Калининской и Воронежской областей и Азово-черноморского края. Эти материалы показывают, что обеспеченность единоличных хозяйств рабочим и продуктивным скотом изменилась за 1934 г. следующим образом (% хозяйств, имеющих скот):

Хозяйства	Калининская область		Воронежская область		Азово-черноморский край	
	1/1 1934 г.	1/1 1935 г.	1/1 1934 г.	1/1 1935 г.	1/1 1934 г.	1/1 1935 г.
Имеющие рабочих лошадей	96,0	88,0	54,2	45,8	47,2	13,9
Имеющие коров	92,0	84,0	62,5	41,7	25,0	13,9
Имеющие молодняк крупного рогатого скота	58,0	40,0	20,8	8,3	33,3	8,3

При резком сокращении поголовья скота у единоличников значительно возрастает скотообеспеченность колхозников. Приведенные выше цифры июньского учета являются ярким доказательством того, что постановление VII съезда советов о полной ликвидации бескоровности колхозников, об обеспечении каждого колхозника коровой и мелким скотом с большим успехом проводится в жизнь.

Значительные сдвиги, происшедшие за последний год в распределении скота по секторам, видны из следующего сопоставления.

Распределение поголовья скота по секторам (в %)

	Лошади		Крупн. рог. скот		Овцы и козы		Свиньи	
	июнь 1934 г.	июнь 1935 г.	июнь 1934 г.	июнь 1935 г.	июнь 1934 г.	июнь 1935 г.	июнь 1934 г.	июнь 1935 г.
Государственные и кооперативные хозяйства	11,3	12,2	11,9	10,2	17,7	16,3	28,6	21,6
Колхозы	63,5	72,2	23,2	25,3	26,7	30,2	21,2	21,0
Колхозники	2,5	3,1	40,6	46,6	34,2	39,4	31,0	40,9
Единоличники, рабочие и служащие сельских местностей	21,4	11,1	21,8	15,3	20,2	12,8	15,6	12,3
Индивидуальные владельцы скота в городах	1,3	1,4	2,5	2,6	1,2	1,3	3,6	4,2
Все категории хозяйств	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Таблица наглядно показывает, как значительно усилилась в животноводстве роль колхозного сектора при соответствующем снижении удельного веса единоличников. Некоторое снижение удельного веса государственных и кооперативных хозяйств в поголовье продуктивного скота находится в непосредственной связи с мероприятиями по отпуску скота из этих хозяйств колхозным товарным фермам и хозяйствам колхозников.

Анализ итогов июньского учета скота 1935 г. был бы неполным, если бы мы не коснулись рассмотрения этих итогов в связи с выполнением государственного плана развития животноводства.

Основным звеном плана является выращивание молодняка, которое должно обеспечить в ближайшие же годы широкое воспроизводство стада. По плану, к концу 1935 г. должно быть выращено в государственных и кооперативных хозяйствах, в колхозах и в хозяйствах колхозников и единоличников 2 055 тыс. жеребят, 11 288 тыс. телят, 16 212 тыс. ягнят и козлят и 16 965 тыс. поросят и подсвинков.

Проверить целиком выполнение этого плана можно будет только на основе предстоящей январской переписи скота, когда станет известным все поголовье молодняка, выращенного из приплода 1935 г. Однако некоторые тенденции в выполнении плана можно выявить уже и теперь, используя для этой цели материалы июньского учета.

Сопоставление итогов учета по отдельным видам молодняка с государственным планом дает следующую картину¹:

Учетное количество молодняка (в % к плану)

Молодняк	Всего	В том числе		
		совхозы	колхозы	колхозники и единоличники
Жеребята до 6 месяцев	70,7	100,2	75,1	24,1
Телята до 6 месяцев	116,0	108,8	81,2	137,2
Ягнята и козлята	172,1	156,2	173,5	174,3
Поросята и подсвинки	90,3	139,6	83,3	82,3

¹ Сопоставление дается по УССР, БССР и по 19 краям и областям РСФСР.

При рассмотрении этих данных необходимо иметь в виду, что июньский учет не охватывает всего приплода 1935 г., ибо отелы, опоросы и окоты во втором полугодии 1935 г. дадут значительное количество молодняка. На первую половину года, которая нашла свое отражение в данных июньского учета, приходится примерно 90% рождений жеребят и телят, 80—85% ягнений и всего лишь 50—60% опоросов. С учетом этого обстоятельства можно с уверенностью сказать, что перспективы выполнения государственного плана по телятам, ягнятам, козлятам, поросятам и подсвинкам являются весьма благоприятными. Необходимо развернуть борьбу за сохранение молодняка, за сокращение размеров выбраковки, с тем чтобы государственный план животноводства был не только выполнен, но и перевыполнен.

Менее благоприятны виды на выполнение плана по жеребьятам. Причины этому следует искать в неудовлетворительном проведении случной кампании, в результате чего процент выжеребки не достиг требуемых планом размеров.

Государственный план развития животноводства центральное место отводит вопросу комплектования колхозных товарных ферм. Несмотря на то, что к моменту проведения летнего учета скота это комплектование не было еще закончено, тем не менее уже на 1 июля были достигнуты значительные успехи в выполнении плана. Вот какими цифрами характеризовалась на эту дату работа колхозных товарных ферм по формированию стада крупного рогатого скота и овец¹:

	Крупный рогатый скот		Овцы	
	численность скота в июне 1935 г. в % к июню 1934 г.	выполнение плана комплектования стада на июнь 1935 г. (в %)	численность овец в июне 1935 г. в % к июню 1934 г.	выполнение плана комплектования стада на июнь 1935 г. (в %)
Общее поголовье	158,1	93,0	182,5	119,8
В т. ч. коров и маток (по овцам)	130,0	91,0	157,2	90,5

Беглое рассмотрение основных итогов июньского учета скота дает бесспорное доказательство того, что в деле развития животноводства мы добились крупнейших успехов. Проблема животноводства полностью еще не разрешена, но уже созданы все необходимые предпосылки к тому, чтобы победа на этом фронте была достигнута в ближайшее же время. Стадия перелома уже пройдена. Животноводство круто идет на подъем. Эти успехи оказались возможными в результате окончательного разгрома классового врага, коренной перестройки сельского хозяйства на социалистических началах и полного разрешения зерновой проблемы.

¹ Приводимые цифры заимствованы нами из статьи гг. Зайцева и Рогозина, опубликованной в газете «Социалистическое земледелие» от 27/VIII 1935 г.

Железнодорожный транспорт на подъеме

I

Подведены уже итоги работы железнодорожного транспорта за 7 месяцев 1935 г. Впервые за последние годы железнодорожный транспорт добился не только выполнения плана, но и его перевыполнения.

Неуклонная забота партии и лично т. Сталина о быстрейшей ликвидации отставания транспорта от запросов и требований, предъявляемых к нему социалистическим хозяйством, блестящий организаторский талант т. Кагановича, энтузиазм передовиков и ударников ж.-д. транспорта, целая система действенных мероприятий — все это не только обеспечило успешное выполнение государственного задания по перевозкам, но и поставило на рельсы практической реализации как задачу самого ближайшего будущего превращение транспорта в передовую отрасль хозяйства, наших железных дорог — в первоклассные железные дороги.

Среднесуточная погрузка (в тыс. вагонов).

1930 г.	46,3	1 кв. 1935 г.	55,2
1931 »	49,3	II » 1935 »	67,9
1932 »	51,4	Июль 1935 »	72,9
1933 »	51,2	Август 1935 г.	73,6
1934 »	55,7	Сентябрь 1935 г.	74,6
		Октябрь 1935 г.	75,1

За пять лет (1930 — 1934) среднесуточная погрузка возросла с 46,3 тыс. вагонов до 55,7 тыс., т. е. всего на 9,4 тыс. вагонов, а за полгода 1935 г. она поднялась в среднем до 61,6 тыс. При этом необходимо учесть, что в первом полугодии 1935 г. два месяца (январь и февраль) были месяцами большой организационной работы, поэтому I квартал дал среднюю погрузку всего лишь в 55,2 тыс. вагонов. Картина резко меняется во II квартале, когда погрузка вырастает в сравнении с I кварталом на 12,7 тыс. вагонов. В феврале 1935 г. железные дороги грузили 56,1 тыс., а в октябре — 75,1 тыс. Следовательно в течение 7 месяцев погрузка поднялась на 19,0 тыс. вагонов. О чем говорят эти данные? Прежде всего они полностью разбивают лженаучную, антигосударственную теорию предела. Они указывают, во-вторых, на наличие огромных резервов на ж.-д. транспорте, поставленных на службу социализма большевистской организованностью. Они говорят наконец о том, что начавшийся подъем транспорта, несмотря на то, что недостатки в работе все еще имеются, что транспорт идет в гору «покачиваясь» (И. Сталин), является подлинным, уверенным подъемом, обеспеченным целой системой организационных и технико-экономических мероприятий.

Достигнутый уровень работы поэтому не считается максимально возможным и вполне отвечающим требованиям страны. Железнодоро-

рожники под руководством т. Кагановича развернули борьбу за реализацию недавнего указания т. Сталина, сделанного им на приеме железнодорожников в Кремле, о погрузке в ближайшее время 75—80 тыс. вагонов в сутки.

В быстром подъеме работы ж.-д. транспорта прежде всего сказался новый стиль работы. Тов. Каганович поднял основные вопросы работы ж.-д. транспорта на государственную высоту, мобилизовав на их разрешение массы железнодорожных рабочих. Подъем ж.-д. транспорта зависит в первую очередь от живой, практической деятельности армии железнодорожников.

Решения XVII съезда по организационным вопросам со всей остротой поставили вопрос о повышении качества работы во всех отраслях, в первую очередь о повышении качества организационного руководства. Работа железнодорожного транспорта служила при этом одной из ярких иллюстраций отставания организационно-практической работы от требований политической линии партии. Живая, конкретная оперативность в руководстве, в которой больше всего нуждался ж.-д. транспорт, подменялась перепиской, инструкцией, мелкой канцелярской опекой, общими директивами. Систематической проверки исполнения не было. Необходимость в силу специфических особенностей ж.-д. транспорта регламентировать отдельные важнейшие функции работников в форме обязательных правил, руководящих приказов, устава и т. д., возводилась в закон, стала основным принципом руководства во всех случаях работы.

Ярким выражением бумажных методов руководства служили многочисленные аварии и происшествия на ж.-д. транспорте, которые, по меткому выражению т. Кагановича, «как в зеркале отражают состояние дисциплины и организационно-технического руководства дорогами». Помимо крупного непосредственного ущерба (в одном 1934 г. повреждено 7 тыс. паровозов, разбито 4½ тыс. и повреждено 60 тыс. вагонов) почти каждая авария влечет за собой приостановку движения, дезорганизацию его. В 1934 г. из-за аварий и крушений перерыв движения достиг цифры 14,1 тыс. часов. Это — огромная потеря для ж.-д. транспорта, для страны в целом.

Детальный анализ причин, вызывающих крушения, аварии или, как принято называть их на ж.-д. транспорте, «происшествия», указывает на то, что в своем подавляющем большинстве эти причины лежат в плоскости субъективных факторов. Грубейшие нарушения служебной дисциплины, неисправность, недосмотр, невнимание, плохая работа тех или иных агентов пути и особенно движения — вот что обуславливало высокую аварийность на железных дорогах.

В своем историческом приказе о борьбе с авариями и крушениями т. Каганович поднял вопрос на принципиальную высоту. Он дал классическое определение существа этого бича ж.-д. транспорта: «Крушение или авария подобны поражению отдельной воинской части в бою, и подобно ему, должны быть лично изучены командиром транспорта во всех его деталях, для того чтобы уроки этого поражения были полностью усвоены для исправления недостатков и улучшения всей работы». Результаты реализации приказа о борьбе с авариями уже сказались. Количество поврежденных за полугодие паровозов сократилось на 41,6%, а вагонов — на 21,1%. Однако количество аварий и происшествий, связанных с разгильдяйством, ухарством, нарушением правил движения (проезд сг-

налов и т. д.), невнимательным отношением работников к своим обязанностям (прием поездов на занятый путь), недостаточной квалификацией паровозных бригад (разрывы поездов) и т. д., все еще велико. Не до конца еще сломлено сопротивление отсталых элементов, а подчас и сознательных классовых врагов, противодействующих перестройке ж.-д. транспорта. Бесспорно все же одно — основная масса командного, политического состава, передовая масса железнодорожников по-большевистски взялась за ликвидацию отставания, за повседневное внедрение новых методов и приемов работы, яркие образцы которой воплощены в работе Л. М. Кагановича.

По мере развития и подъема хозяйства в промышленность и транспорт вовлекались миллионы новых рабочих из деревень и городских мелкобуржуазных слоев, которым не были знакомы навыки и дисциплина крупного производства и которых необходимо было перевоспитать. В частности на железнодорожном транспорте СССР вместе со строительством насчитывается 2,5 млн. рабочих и служащих, значительная часть которых пришла на транспорт в годы революции. Подавляющая часть новых рабочих до поступления их на железную дорогу не была знакома с промышленным производством. К тому же транспортное производство отличается территориальной разобщенностью, оно разбросано по всей стране. Тем более должна быть оострена задача производственной организации работников транспорта и воспитания их. Это одна сторона вопроса. Другая же состоит в том, что по своей природе ж.-д. транспорт предъявляет более повышенные требования в отношении дисциплины, организации людей, четкости их работы, аккуратности выполнения ими мельчайших, самых незначительных на первый взгляд функций.

Железнодорожный транспорт относится к числу наиболее централизованных отраслей хозяйства. Основной производственный процесс его — движение, совершаемое для перемещения грузов и пассажиров, — осуществляется лишь в результате работы громадного количества людей, территориально разбросанных на десятки, сотни, тысячи километров. Глубочайшую взаимосвязанность и взаимозависимость как отдельных элементов ж.-д. хозяйства, так и его работников прекрасно выразил т. Каганович: «Транспорт — это тончайшая система кровообращения страны. Один палец у тебя зашиблен, а весь организм лихорадит. Вот в чем суть». В этих условиях вопросы социалистической дисциплины труда приобретают особое значение. Вопросам дисциплины и организации на железнодорожном транспорте Ленин придавал исключительное значение. Еще в период Брестского мира, доказывая необходимость передышки для советской власти и резко бичуя болтовню «левых» коммунистов о революционной войне, Ленин писал: «Наш лозунг должен быть один — учиться военному делу настоящим образом, ввести порядок на железных дорогах. Без железных дорог социалистическая революционная война — вреднейшее предательство. Необходимо создать порядок и нужно создать всю ту энергию, всю мощь, которые создадут лучшее, что есть у революции»¹.

Новая борьба с «левыми» коммунистами, как известно, разгорелась на почве определения системы и методов управления социалистической промышленностью и транспортом. Под непосредственным руководством Ленина 26 марта 1918 г. Совнарком принял декрет «О цент-

¹ Ленин, Соч., т. XXII, стр. 330.

рализации управления, охране дорог и повышению их провозоспособности». Подавляющая и лучшая часть железнодорожников стояла за безоговорочное проведение декрета, устанавливавшего твердую централизованную систему управления, требовавшего железной дисциплины и беспрекословного исполнения приказов вышестоящих командиров. Большинство же управленческой части ж.-д. транспорта, а также мелкобуржуазные, колеблющиеся и отсталые слои работников были против декрета. Рупором этой мелкобуржуазной стихии, борющейся с линией пролетарской организованности, были «левые» коммунисты. Они пытались доказать несовместимость централизации управления, принципов единоначалия, строгой дисциплины с демократическими формами и основами советской власти. Именно в полемике Ленина с «левыми» коммунистами по этому вопросу мы находим развернутые определения социалистической организации железнодорожного транспорта. Так, по вопросу о необходимости централизации и стройности в работе ж.-д. транспорта Ленин писал: «Нет ничего ошибочней, как смешение демократического централизма с бюрократизмом и с шаблонизацией. Наша задача теперь провести именно демократический централизм в области хозяйства, обеспечить абсолютную стройность и единение в функционировании таких экономических предприятий, как железные дороги, почты, телеграфы и прочие средства транспорта»¹.

Эта же мысль развита Лениным дальше: «И для восстановления транспорта в стране, отличающейся такими громадными расстояниями, как Россия, — всего более нужна стройная, крепкая организация, а может быть, действительно, миллионы людей, работающих с правильностью часового механизма»². «...Ни железные дороги, ни транспорт, ни крупные машины и предприятия вообще не могут функционировать правильно, если нет единства воли, связывающего всю наличность трудящихся в один хозяйственный орган, работающий с правильностью часового механизма»³. «Но как может быть обеспечено строжайшее единство воли? Подчинением воли тысяч воле одного. Это подчинение может, при идеальной сознательности и дисциплинированности участников общей работы, напомнить больше мягкое руководство дирижера. Оно может принимать резкие формы диктаторства, — если нет идеальной дисциплинированности и сознательности. Но, так или иначе, беспрекословное подчинение единой воле для успеха процессов работы, организации по типу крупной машинной индустрии, безусловно необходимо. Для железных дорог оно необходимо вдвойне и втройне»⁴.

Между тем трудовая дисциплина на ж.-д. транспорте, как это не раз уже отмечалось в решениях партии и правительства, не только не соответствовала его особой природе и структуре, по типу своему приближающейся к военной, но находилась на более низком уровне, чем в прочих отраслях хозяйства. Объяснялось это недостаточным развертыванием массовой политико-воспитательной работы со стороны профессиональных и партийных организаций, недооценкой специфических трудностей ее постановки и бюрократическими извращениями при применении мер принуждения. Для улучшения массовой воспитательной и политической работы на транспорте и внедрения

¹ Ленин, Соч., т. XXII, стр. 416.

² Там же, стр. 419.

³ Там же, стр. 420.

⁴ Там же, стр. 462.

сознательной железной дисциплины партия создала в 1933 г. политотделы. Правительство в том же году ввело особый дисциплинарный устав для работников ж.-д. транспорта. Однако бюрократические методы его применения, недостаточные темпы развертывания работы политотделами, безрукость профсоюзных организаций привели к тому, что вследствие грубых бюрократических извращений устав этот из орудия укрепления дисциплины в известной степени превратился в орудие ослабления ее. Мог ли дисциплинарный устав выполнять свою воспитательную и служебную роль, если отдельные работники железнодорожного транспорта в самый короткий срок получали до 70 дисциплинарных взысканий и продолжали работать дальше (при этом в большинстве случаев взыскания налагались даже без вызова виновного, заочно)? Можно ли было добиться положительного эффекта в повышении дисциплины, когда на такой например железной дороге, как Пермская, за первое полугодие 1934 г. при наличии 32 тыс. рабочих наложено 14 тыс. взысканий? Плохая работа транспорта в 1934 г., прямые показатели расхлябанности говорили о том, что, несмотря на предупреждения, сделанные на XVII съезде партии, слишком мало внимания уделялось действительному укреплению трудовой дисциплины.

Для улучшения работы ж.-д. транспорта требовались коренное изменение методов партийно-массовой и профсоюзной работы, искоренение косности, сложившихся традиций и бюрократических извращений в деле воспитания и организации масс. Программа перестройки работы дана т. Кагановичем с первых же шагов его руководства ж.-д. транспортом. Работать по-новому не означает провести отдельные организационно-технические мероприятия. Как подчеркнул т. Каганович, «дело идет о боевом духе массовой политической работы, дело идет об идейно-политическом наступлении на все отсталое, негодное, на все то, что не только не понимает нас, но сопротивляется нам». Изменить стиль и методы политотдельской и профсоюзной работы таким образом, чтобы повести в наступление массы, воспитать и организовать их, добиться, чтобы они работали «от души», наказывать неисправимых и сопротивляющихся, помогать преданным, но непонимающим и колеблющимся, перевоспитывать их, поднять техническую и политическую учебу, повысить роль профсоюзов, жестко, прямо и до конца критиковать недостатки работы и на основе самокритики двигаться вперед — таковы основные черты перестройки партийно-массовой и воспитательной работы на ж.-д. транспорте. Само собою разумеется, что возглавить ее должны коммунисты, более высокая организованность и активность которых являются при условии систематического повышения ими своего идейного уровня залогом успешной борьбы за превращение ж.-д. транспорта в образцовую отрасль социалистической экономики. Нужно очень много и не без трудностей поработать над созданием большевистской дисциплины на ж.-д. транспорте, дисциплины в том широком понимании ее, которое дано т. Сталиным на приеме железнодорожников в Кремле в августе текущего года. «Чтобы реализовать решающую и всеобъемлющую роль железнодорожного транспорта, — сказал т. Сталин, — требуется прежде всего слаженность всех частей и их работа в строго определенном порядке. Это и есть то, что называется дисциплиной на транспорте». И далее, указывая на то, что на ж.-д. транспорте нет людей ненужных и незначительных, т. Сталин говорит: «Начиная от самых больших руководителей и кончая «малыми» работниками вплоть

до стрелочника, вплоть до смазчика, вплоть до уборщицы — все высоки, все значительны, ибо транспорт является конвейером, где важна работа каждого работника, каждого винтика. Когда вы это поймете, товарищи железнодорожники, когда вы установите слаженность всех частей, всех работников в механизме транспорта, — это и будет настоящая большевистская дисциплина».

Материально-техническая база ж.-д. транспорта из года в год расширялась и укреплялась. Но уровень работы и качество ее находились в явном несоответствии с имевшимися возможностями, на что партия и правительство неоднократно указывали работникам транспорта. Отмечалось также, что недостатки в работе являлись главным препятствием, затруднявшим мобилизацию внутренних резервов и не позволявшим выжать из наличной техники ж.-д. транспорта все то, что она могла бы дать стране. Государственные плановые задания по важнейшим показателям работы железных дорог исходили из учета значительных внутренних резервов на транспорте. Но у многих его командиров и рядовых работников не было должной уверенности в реальности этих заданий. Это имело место потому, что довольно широкое распространение получила так называемая «теория предела», утверждавшая, что без радикального изменения материально-технической базы ж.-д. транспорт повысить работу не может, а достигнутая степень использования основных средств транспорта является при данном их состоянии максимальной.

Совершенно ясно, что эта насквозь оппортунистическая и антигосударственная «теория», конкретными творцами которой явилась группа работников Научно-исследовательского института эксплуатации (Нейштадт, Морщихин, Гурьев и проч.) и отдела восточных дорог НКПС (Братин, Васильев и др.), по существу была направлена на срыв важнейших мероприятий партии и правительства по подъему транспорта, на срыв государственного плана перевозок. Используя для своих лжетеоретических построений ряд руководящих журналами ж.-д. транспорта, куда они получили доступ благодаря притуплению бдительности коммунистов, руководящих этими журналами («Эксплуатация железных дорог», «Ж.-д. путь», «Паровозное хозяйство» и др.), а также имея возможность протаскивать буржуазные теории на практике, эти лица то по одному, то по другому поводу пытались дискредитировать мероприятия партии и правительства, пытались доказать, что проведение их противоречит «науке». Они старались убаюкать внимание практических и руководящих работников рассуждениями о том, что транспорт СССР по своим качественным показателям далеко обогнал работу ж.-д. транспорта передовых капиталистических стран, тем самым скрывая и замазывая наиболее сильные стороны и достижения последнего. «Теоретики» предела доказывали например, что маршрутизация не приносит никакой пользы, тогда как она находит широкое применение даже в США. А в условиях социалистической экономики этот наиболее рациональный метод организации перевозок может дать неизмеримо больше.

В своих лженаучных трудах эти «теоретики» утверждали, далее, что увеличение коммерческой скорости также не даст особой выгоды, между тем наиболее ярко выраженной тенденцией в развитии мирового транспорта за последние годы является тенденция повышения скоростей движения. Науку эксплуатации, в действительности науку о рациональной организации движения и лучшем использовании средств транспорта, они стремились превратить и превратили по су-

шеству в науку о простоях, а не о движении. Безобразное использование вагонного парка в результате застывших и косных методов работы они выдавали за предел возможных достижений и всячески обосновывали невозможность повышения оборота его. Демобилизуя массы, «теория предела» оказала вреднейшее влияние на работников ж.-д. транспорта. В общем эта «теория» подводила негодный, лженаучный фундамент под не менее негодную практику работы. Задача состояла в том, чтобы высвободить работников транспорта из-под влияния этой «теории», а для этого надо было разоблачить и разгромить ее до конца.

II

За последние пять лет ж.-д. транспорт значительно пополнил и расширил свою материально-техническую базу. Общая сумма капитальных вложений в железные дороги за 1930—1934 гг. достигла 11,4 млрд. руб.; из них в эксплуатируемую сеть вложено 8,4 млрд. руб. Эксплоатационная длина выросла за это же время на 5 330 км. Вторые пути по отношению ко всей сети составили в 1934 г. 25,4% вместо 16,4% в 1930 г. Значительные работы были развернуты по замене слабых типов рельсов более мощными (уложено 3,5 тыс. км), что подняло удельный вес последних почти до 25% к общему протяжению сети. Автоблокировкой, радикально разрешающей проблему расширения пропускной способности, до 1931 г. не было оборудовано ни одного километра железных дорог, а в 1934 г. ею оборудовано уже 2 579 км, полуавтоматической блокировкой вновь оборудовано 4,8 тыс. км. Для увеличения пропускной способности ж.-д. линий были произведены существенные работы по смягчению профилей пути. Начаты работы по замене песчаного балласта щебенчатым (уже заменено 2,69 тыс. км). Серьезной реконструкции подверглись за эти годы средства связи и сигнализации. От малонадежного и медленного способа согласования между станциями движения поездов путем сношений по телеграфу и телефону железные дороги переходят на автоматику и полуавтоматику. Протяжение ж.-д. путей с диспетчерско-поездной связью возросло на 60% и к концу 1934 г. ею было оборудовано уже 93,7% всей сети.

Количество паровозов увеличилось на 17,9%, а общая мощность паровозного парка возросла на 27,5% за счет более мощных паровозов. Только за последние три года железные дороги получили 2,5 тыс. паровозов мощных серий «ЭМ» и «ФД». Менее интенсивно по количеству пополнялся вагонный парк, но при росте общего числа вагонов на 8,7% грузоподъемность вагонов товарного парка возросла на 17% за счет поступления большегрузных вагонов (количество их за 1930—1934 гг. увеличилось на 62,8%). Кроме того вагонный парк широко оборудован автотормозами и пролетными трубками, и если бы не недостатки в практике капитального строительства и реконструкции, то уже к началу 1935 г. можно было бы осуществить перевод парка на полное автоторможение. Эта задача по-боевому поставлена т. Кагановичем, и в конце 1935 г. такой перевод будет осуществлен.

На усилении прочих элементов ж.-д. хозяйства (станции, узлы и т. д.) останавливаться не будем — приведенного достаточно, чтобы убедиться в непрерывном росте пропускных и провозных способностей ж.-д. транспорта. Применение новой, более высокой техники на ж.-д. транспорте должно было бы при надлежащем освоении ее чув-

ствительным образом сказаться на повышении технических показателей и общем подъеме работы. Однако наиболее обобщающие показатели работы ж.-д. транспорта и особенно показатели степени использования имеющихся средств, как это видно из приводимой ниже таблицы, рисуют другую картину.

Показатели использования основных средств транспорта и его работы

	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.	1934 г.	Сентябрь 1935 г.
Техническая (поперегонная) скорость движения товарных поездов (км в час)	21,8	22,3	23,0	22,3	22,5	25,4
Коммерческая (участковая) скорость движения товарных поездов (км в час)	12,2	13,1	14,3	13,8	14,2	19,4
Среднее время оборота вагонов товарного парка (часов)	224	230	224	230	211	164,4
В том числе нахождение вагона в движении (часов)	67	66	63	68	72	—
Среднесуточный пробег вагона товарного парка (км)	89,5	90,9	97,4	97,6	117,2	136,8
Среднесуточный пробег паровоза грузового движения (км)	153,3	159,7	164,6	163,5	169,5	207
% порожнего пробега вагонов	26,9	26,1	27,0	27,9	29,0	—

Несмотря на то, что паровозный парк в последние годы заметно пополнился более мощными новыми паровозами, техническая скорость движения товарных поездов, как видим, почти не возростала. Огромные капитальные вложения в паровозный парк не давали надлежащего эффекта. В чем же дело? — В неправильной политике установления измерителей по технической скорости. Мощность наличного парка, его технические качества вполне обеспечивали возможность реализации более высоких скоростей; недостатки в путевом хозяйстве на участках с ограниченной скоростью могли быть устранены. Установленные же расчетные нормы форсировки котлов и измерители по технической скорости были занижены и сохраняли значительный резерв, за счет чего нередко перекрывались недостатки, царившие в эксплуатационной работе. Обследование показало, что всякие задержки поездов приемом и отправлением хорошие машинисты обычно перекрывали превышением установленных правилами скоростей. Коммерческая скорость движения поездов с 1930 по 1934 г. поднялась всего лишь на 2 км. Уровень ее — 14,2 км в час — значительно ниже скоростей перевозки грузов в США и Германии. В США она достигает 25,3 км в час, причем с 1928 г. этот измеритель возрос на 25%. Товарные поезда Германии двигаются со скоростью 60—70 км в час. Как общее правило, все последние улучшения в методах и приемах эксплуатации капиталистического ж.-д. транспорта направлены на повышение скоростей движения грузов и пассажиров. Железные дороги СССР уже теперь имеют возможность серьезно повысить коммерческую скорость движения. Эта задача поставлена т. Кагановичем. Успешная реализация ее требует окончательной ликвидации обезлички и беспризорности в организации движения, коренного улучшения в приемах эксплуатационной работы.

Пожалуй, ярче всего недостатки работы транспорта сказались в использовании вагонного парка. Из 8,78 суток среднего оборота товарного вагона (между двумя погрузками) приходится:

	Всего часов	В % ко всему обороту
На простой под погрузкой и выгрузкой	47	22
» » на сортировочных станциях	91,5	43
» » на промежуточных станциях	27	13
» движение	45	21,5

Вагон двигался в час, считая и остановки, со средней скоростью 5,2 км; $\frac{4}{5}$ своего времени вагон стоит и $\frac{1}{5}$ времени он передвигается. Лжетеоретики утверждали, что это — предел. Эксплуатационная «наука» также утверждала, что «здоровый рабочий вагон при современных условиях большую часть своего времени, а именно около $\frac{2}{3}$, обречен на простой»¹.

А между тем в безобразном использовании вагонов товарного парка, в огромных простоях, сжать которые вполне возможно, были как раз скрыты такие резервы, которые при надлежащей работе позволяли выполнить государственные задания по перевозкам. Но отсутствие должного оперативного руководства, развернутой борьбы за мобилизацию резервов, за широкое внедрение мероприятий, значительно улучшающих движение поездов (кутафинский метод продвижения сборных поездов, именные поезда и т. д.), пленение командиров транспорта и некоторых других руководящих работников «теорией предела», самотек в работе — все это приводило к тому, что многие железнодорожники, по меткому выражению т. Кагановича, свыкались с тем, что «товарные поезда — это черепахи, которые от природы не могут и не должны двигаться быстрее».

Задачу ускорения оборота вагона и выполнения на этой основе плана перевозок т. Каганович поставил перед всей массой железнодорожников как центральное звено в цепи первых мероприятий по подъему ж.-д. транспорта. Средний оборот вагона к III кварталу 1935 г., по указаниям т. Кагановича, должен быть сокращен на 1,5 суток за счет сокращения времени простоев на сортировочных и участковых станциях на 25%, под погрузкой и выгрузкой — на 15% (а по грузам НКПС — на 25%), за счет коренного изменения всех укоренившихся методов эксплуатационной работы.

Товарные поезда должны строго следовать по расписанию; пассажирское движение должно быть упорядочено таким образом, чтобы оно не затрудняло грузового движения²; максимальное развитие должна получить отправительская маршрутизация по важнейшим грузам; должен быть улучшен ремонт вагонов, с тем чтобы текущий ремонт производился на станции погрузки и выгрузки; под особое наблюдение должна быть взята работа главных сортировочных станций; должны быть усилены контроль и инструктаж по организации движения поездов. Таков неполный перечень тех конкретных мероприятий, которые обеспечивают выполнение директивы по ускорению оборота вагонов.

¹ Проф. В. А. Сонович, Железнодорожные перевозки (основы организации), стр. 192.

² Следует заметить, что у нас получила распространение вредная буржуазная теория о предпочтительности пассажирского движения.

В июне т. г. оборот вагона достиг уже 6,99 суток, что в сравнении с мартом 1935 г. означает сокращение времени оборота вагона на 21%. В сентябре оборот вагонов достиг 6,85 суток. Подобных показателей по обороту вагона железнодорожники не имели за все последние пять лет. Это конечно огромная победа, опрокинувшая все построения оппортунистов о «пределе». При этом возможности дальнейшего улучшения оборота вагонов еще далеко не исчерпаны. Наряду со многими станциями, давшими сокращение простоев, имеется много и таких (и немаловажных по своему значению), которые еще не добились необходимого улучшения.

Какие основные недостатки наблюдались в состоянии и эксплуатации паровозного хозяйства? Прежде всего недостаточное использование производственной мощности паровозного парка. Скоростные задания, как указывалось, были занижены. Велики простои паровоза в основных оборотных депо под техническими операциями и на промежуточных станциях. Паровоз в среднем находится в чистом движении 7,9 часов в сутки, а среднесуточный пробег его за первое полугодие 1935 г. достигал 172 км, в июле—191 км. В ремонте паровозного парка до сих пор имела место обезличка—за ремонт паровоза в целом никто не отвечает, так как его ремонтирует не одна комплексная бригада, а несколько. Качество ремонта неудовлетворительно, поэтому паровозы часто портятся в пути.

Серьезные недочеты имелись в организации паровозных бригад и в их оплате, не стимулирующей повышения пробега паровоза. Спаренная езда как основная форма обслуживания паровоза двумя прикрепленными бригадами нарушалась, фактически паровоз обслуживает в среднем 2—4 бригады. При больших непроизводительных простоях паровоза паровозные бригады работают много часов сверхурочно, так как уложиться в 8-часовой рабочий день по целому ряду причин они не могут.

Для ближайшего периода т. Каганович поставил перед железнодорожниками задачу повысить полезную работу паровоза в сутки не менее чем до 13,5 час., из них в чистом движении паровоз должен находиться 10 час. Коммерческая скорость движения товарных поездов должна быть повышена до 19,4 км в час (в июле было 15,7 км, в сентябре — 16,8 км, в октябре — 18,5 км), а техническая скорость — до 27,0 км (июль—24 км, в сентябре — 25,4 км, а за 20 дней октября—27,5 км), с тем чтобы среднесуточный пробег паровоза поднялся до 253 км.

Чтобы добиться полезной работы паровоза в 13,5 часов и чистого движения его в 10 час., необходимо сократить на 20% время на технические операции в основном и оборотном депо и простой в ожидании поездов; на 30% простои на промежуточных станциях; на 15% время на промывку и подъемочный ремонт и увеличить на 15% техническую скорость и на 20% коммерческую скорость. Сокращение простоев паровоза конечно более сложная задача, чем сокращение простоев вагона, тем не менее лучшая организованность, рационализация и частичная механизация процессов экипировки, совмещение ряда функций во времени вполне позволяют добиться заданных норм простоя. В целях более четкой организации труда паровозных бригад, борьбы с переработками и лучшего обслуживания паровозов вводится строенная езда (прикрепление к паровозу для постоянного обслуживания его трех паровозных бригад) и разукрупняются тяговые плечи с таким расчетом, чтобы одна паровозная бригада могла совер-

шить поездку в оба конца в течение своего рабочего дня. Это мероприятие потребует срочной организации новых основных и оборотных депо.

Заработная плата паровозных бригад увеличивается, так как новые расчетные ставки и шкала прогрессивной оплаты за перевыполнение норм составлены из расчета сохранения за работу в нормальное рабочее время того заработка, который получался с учетом сверхурочных часов. Кроме того вводится ежегодная единовременная награда машинистам в размере месячного оклада за отличную работу без единой аварии в течение года. За 1935 г. машинисты, проработавшие образцово без аварий с августа по декабрь, получают в январе 1936 г. премию. В целях повышения качества ремонта к определенной группе паровозов прикрепляется постоянная комплексная ремонтная бригада. Текущий ремонт паровозов должен производиться во время промывки котла. За бесперебойную работу паровоза в период между двумя промывками, т. е. при отсутствии повторного или внепланового ремонта прикрепленного паровоза, бригада получит сверх нормальной сдельной оплаты за ремонт дополнительно покилометровую оплату. Такая же система дополнительной оплаты вводится для осмотрщиков вагонов и рабочих, занятых в текущем безотцепочном ремонте.

В составе паровозного депо организуется отделение паровозного хозяйства, задача которого — обеспечить работу паровозов по графику, строительство, ремонт и содержание сооружений паровозного хозяйства, руководство системой водоснабжения, энергохозяйства и материальных складов. Это позволит начальнику депо сосредоточить свое внимание на ремонте паровозов и организации труда паровозных бригад.

По вагонному хозяйству проводятся два важнейших мероприятия: перевод к 1 ноября 1935 г. товарных поездов на автоматическое торможение и усиление вагоноремонтной базы путем срочной постройки 200 вагоноремонтных пунктов заводского типа для производства текущего ремонта вагонов.

По путевому хозяйству, в связи с проведением твердого курса на повышение скоростей, задача заключается в том, чтобы ремонт и реконструкцию пути сосредоточить в первую очередь на тех участках, где имеются предупреждения о снижении скорости движения. На главных путях предупреждения должны быть полностью ликвидированы уже в текущем году.

Борьба за высокое производительное использование основной двигательной силы — паровоза — может быть парализована, если не будут приняты жесткие меры по дальнейшему улучшению движения поездов, по безусловному соблюдению принятых графиков движения и расписания поездов. Расписание движения поездов — это та техническая норма, которая организует и каждодневно проверяет слаженность, четкость работы и состояние дисциплины разбросанного коллектива железнодорожных рабочих. Но для этого графики и расписания должны быть составлены правильно, с учетом лучших образцов работы, и они должны неуклонно выполняться. Эти положения с присущей т. Кагановичу четкостью выдвинуты им как руководящие принципы работы по-новому. «Движение поездов строго по расписаниям должно быть железным законом всей работы транспорта», — говорил т. Каганович на августовском совещании железнодорожников. — «Надо любить и уважать расписание,

как знамя, как основное условие органического здорового подъема транспорта».

Движение товарных поездов строго по расписанию, и в первую очередь того основного ядра поездов постоянного обращения, которое введено с 1 октября, предъявляет новые повышенные требования также и к отправителям грузов, обязанность которых обеспечить своевременный и бесперебойный подвоз к станциям грузов и подачу их со своих веток. Совершенно по-новому ставится вообще вопрос о планировании перевозок. До 1935 г. плановые органы транспорта составляли лишь планы погрузки, определявшие скорее общие контуры, объем перевозочной работы, разверстку его по отдельным дорогам, но не являвшиеся планом перевозок, учитывающим их направление, расстояния и т. д. Сейчас вопрос о плано-экономической работе на железных дорогах стоит по-иному. Известно, что в последние годы железные дороги недостаточно изучали экономику своих районов с точки зрения складывающихся грузопотоков, перспектив их развития и активного воздействия в направлении более полного использования ресурсов обслуживаемого района. Железные дороги не справлялись с перевозкой предъявляемых грузов. Картина резко меняется, когда ж.-д. транспорт справляется с перевозками. Для того чтобы работать, как часы, железная дорога должна точно знать, что отправляет данный район, куда отправляет и что он получает. Дорога должна выступить как мощный организатор перевозочного процесса и возможно полно осуществлять решающую роль железнодорожного транспорта по связи обширных областей и районов страны в единое государственное целое.

Могучее движение стахановцев все больше и больше охватывает железнодорожный транспорт. Инициатор стахановского движения на железных дорогах — машинист-комсомолец Славянского депо Донецкой дороги Петр Кривонос — широко развернул борьбу за максимально эффективное использование паровоза, повышение его скоростей и полное устранение аварий. На участке Славянск — Лозовая он достиг скорости в 31,6 км в час и довел ее до 49 км без единой аварии. Показателями своей работы Кривонос опрокинул утверждение малOVERов о невозможности подобных скоростей для товарных поездов, он на деле показал, что может дать советский паровоз, если на нем работать по-новому. Движение кривоносцев быстро перекинулось сначала на участки Донецкой дороги, а затем и на другие дороги страны. Армия кривоносцев растет изо дня в день.

Железнодорожный транспорт на высоком подъеме. Многие еще необходимо сделать. Но не подлежит никакому сомнению, что 2½ миллиона железнодорожников, спаянные в единый мощный коллектив, повышая организованность своих рядов, дисциплину, овладевая техникой, под руководством Л. М. Кагановича и при помощи всей страны добьются в ближайшее же время того, что ж.-д. транспорт СССР станет «четко работающим, исправно действующим, точным, как хороший механизм, конвейером!» (И. Сталин).

«Вопросы политической экономии». Сборник статей под редакцией Л. Кашарского и В. Серебрякова. Институт экономики Ленинградского отделения Комакадемии. Соцэкгиз, Ленинградское отделение, 1934 г., стр. 187.

Институт экономики ЛОКА—один из крупных научно-исследовательских марксистско-ленинских центров в нашей стране. Вокруг института сплотились марксистско-ленинские теоретические силы Ленинграда. За научной продукцией института внимательно следят не только специалисты-экономисты, а значительно более широкий круг читателей, ее читает партийный актив. Тем более требовательными должны быть товарищи ленинградцы к своей научной продукции, к ее высокому теоретическому качеству.

Перед нами сборник статей «Вопросы политической экономии», изданный под редакцией тт. Кашарского и Серебрякова. Как видно из предисловия Института экономики ЛОКА, сборник составлен из работ научных сотрудников Института. Книга рассчитана на довольно обширный круг читателей—преподавателей, студенчество и всех занимающихся углубленной проработкой проблем политической экономии. Задача сборника—осветить актуальные и мало разработанные в литературе вопросы политической экономии». И задача и круг читателей, на которых книга рассчитана, предъявляют к ней повышенные требования. Тем более досадны ошибки, допущенные в сборнике по ряду важнейших вопросов.

Сборник охватывает многообразные вопросы теоретической экономии—от развития обмена и производства товаров в докапиталистических формациях (статья В. Рейхардта) до современной депрессии особого рода в капиталистических странах (статья Л. Кашарского). Затронутые в сборнике проблемы представляют несомненно значительный теоретический и практический интерес и заслуживают большого внимания.

Мы лишены возможности развернуто рассмотреть здесь все помещенные в сборнике статьи и подвергнуть подробному разбору все ошибки. Остановимся лишь на наиболее существенных.

Сборник начинается статьей В. Рейхардта «Развитие обмена и производства товаров в докапиталистических фор-

мациях». По существу в статье идет речь о вопросах политической экономии в широком смысле слова. Несмотря на то, что производственные отношения первобытно-коммунистического общества, общества рабовладельческого и феодального относятся, казалось бы, к отдаленному прошлому, их изучение имеет большую актуальность и в наше время. В любой капиталистической стране имеются в той или иной мере, в той или иной форме остатки докапиталистических отношений. В колониальных же и полуколониальных странах, в каждой стране по-разному и в разном переплетении докапиталистические уклады преобладают. Понятно поэтому, что уяснение особенностей классовых борьбы в каждой стране, изучение вопросов о союзниках пролетариата в метрополиях, колониях и полуколониях, изучение вопросов о некапиталистическом пути их развития требуют систематического и углубленного марксистско-ленинского исследования докапиталистических отношений.

Но В. Рейхардт поступил неправильно, попытавшись в одной сравнительно небольшой статье дать анализ развития производства и обмена во всех докапиталистических формациях. Попытка эта автору не удалась, и результатом ее является недостаточный анализ, порой скользящее по поверхности или, как сам Рейхардт выражается, «бегло проделанный обзор» (стр. 36). Такого рода обзорная статья вряд ли может быть признана годной для углубленного изучения проблем политической экономии.

Более досадно однако то, что статья содержит ряд крупных ошибок по существу разбираемых вопросов. Упрек, направленный автором против Адама Смита и всей последующей буржуазной политической экономии, упрек в «переоценке роли и значения обмена» должен быть направлен и против самого автора. Хотя заглавие статьи говорит о развитии обмена и производства товаров в докапиталистических формациях, автор основное внимание уделил вопросам обмена, оставив в тени недоработанными вопросы развития производства. Это затрудняет правильное

понимание проблем обмена на разных этапах его развития. Больше того, это дает извращенное понимание проблем обмена.

Правда, автор в нескольких местах говорит о примате производства, о том, что обмен определяется характером производства. Говоря о первобытном обмене, он правильно отмечает, что «возникновение обмена должно быть выведено из своеобразия производства первобытных народов, а не это последнее объяснено через посредство обмена как основного двигателя всей экономической истории человечества» (стр. 10). Беда однако в том, что эти правильные положения диалектически не связаны с предыдущим и последующим изложением, они не служат у автора основой для его исследования. Между тем совершенно очевидно, что если рассматривать обмен лишь с точки зрения его влияния на развитие производства, беря его вне определяющей зависимости от последнего, то мы ничего не поймем как в самих процессах обмена, так и в движении общественных формаций.

Ибо, несмотря на громадное влияние, которое обмен оказывает на развитие производства, сам обмен определяется характером последнего. Эти как будто бы общеизвестные марксистские истины следует напомнить, когда читаешь статью Рейхардта и видишь их забвение.

Рейхард фактически допустил отрыв обмена от производства. По существу мы имеем тут дело с перенесением к анализу докапиталистических формаций меновой концепции.

Мысль о самостоятельном, основном и первичном влиянии обмена на развитие производственных отношений лежит в основе утверждения, что обмен у первобытных племен, сохранившихся до наших дней, является «не столько продуктом внутренних для данного производственного организма причин, сколько результатом столкновений диких племен с цивилизованными торговцами и их агентами» (стр. 7). Совершенно верно, что сношения с европейцами и «цивилизованными» колонизаторами других частей света, торговля с ними, разлагают те первобытные отношения производства, которые господствовали у этих первобытных племен. Но не следует забывать, что в самой первобытной общине, на определенной ступени ее развития, зарождается в силу внутренних законов развития производство товаров, обмен, деньги. Это важнейшее обстоятельство Рейхардт упускает из виду.

Отрыв обмена от производства имеется и в других местах статьи.

В. Рейхардт спорит против «крайности», говорящей «о ничтожной значимости его (обмена). — С. В.) в предшествовавшие капитализму эпохи», он считает, что «в каждой общественно-экономической формации мы должны будем показать наличие обмена и его особый ха-

рактер» (стр. 7). Другими словами, историческая обусловленность и историческая ограниченность обмена определенными эпохами остаются невыясненными. Обмену фактически придается надисторический характер.

Казалось бы, что обмен предполагает товарное производство, а эпоха зарождения товарного производства есть вместе с тем эпоха зарождения обмена. Но в противовес предыдущему своему изложению автор заявляет, что «до эпохи капитализма производство остается натуральным, как бы значительно ни были развиты обмен, торговля и «допотопные» формы капитала» (стр. 36). Но тогда выходит, что в докапиталистических формациях обмен развивается без соответствующего развития товарного производства. Это вместе с тем означает, будто развитие формы стоимости, простое товарное хозяйство являются у Маркса лишь теоретическими абстракциями и не отражают реального процесса исторического развития. Такое толкование, логически вытекающее из только что приведенного утверждения Рейхардта, означало бы грубое извращение и непонимание Маркса.

Приведенная цитата страдает по меньшей мере нечеткостью формулировки. Автору следовало бы подчеркнуть, как он это совершенно правильно делает в других местах статьи, что до эпохи капитализма производство было натуральным в своей основе, натуральным по преимуществу.

В начале своей статьи т. Рейхардт формулирует некоторые исходные методологические основы своей работы. «Исходным руководящим указанием при исследовании обмена и его исторического развития», — пишет он, — является известное положение Маркса о том, что обмен «во всех своих моментах или непосредственно заключен в производстве, или определяется этим последним». В этой связи Маркс различает: «во-первых, обмен деятельностей и способностей, который совершается в самом производстве, относится прямо к нему и составляет его сущность. Во-вторых, обмен продуктов... поскольку он есть средство для производства готового продукта, предназначенного для непосредственного потребления», «в-третьих, взаимный обмен между производителями товаров» (стр. 6).

Это известное место из введения «К критике политической экономии» Рейхардт понимает неправильно. Говоря об «обмене деятельностей и способностей, который совершается в самом производстве, относится прямо к нему и составляет его сущность», Маркс имеет в виду те производственные отношения, которые совершаются внутри производства, а отнюдь не товарный обмен. Рейхардт же полагает, что в условиях товарного производства — это обычное меновое отношение. Получается просто бессмыслица.

Выходит, по Рейхардту, что производственные связи между рабочими на капиталистической фабрике, обмен их деятельностей и способностей, построены как отношения между товаропроизводителями в товарно-денежной форме.

Совершенно неверно утверждение Рейхардта, что «степень самостоятельной развитости «допотопных форм капитала» в их чистом виде стоит в обратном отношении к развитости самого непосредственного производства как товарного» (стр. 28). Ту же мысль он повторяет и в другом месте, говоря, что степень развития торгового и ростовщического капитала «о б р а т н о (подчеркнуто Рейхардтом—В. С.) пропорциональна развитию производства товаров» (стр. 30). Другими словами, чем меньше производят товаров, тем развитее торговый капитал и, наоборот, чем развитее товарное производство, тем менее развит торговый капитал.

Но это совсем не то, о чем говорит Маркс.

Маркс указывает, что «самостоятельное развитие купеческого капитала стоит в обратном отношении к общему экономическому развитию общества»¹. Речь идет о докапиталистических формациях, по преимуществу натуральных хозяйствах, ибо только в них «торговля повсюду влияет более или менее разлагающим образом на те организации производства, которые она застает и которые во всех своих различных формах имеют своей целью главным образом потребительную стоимость»². Торговля там представляет систему грабежа, она стимулирует производство товаров, разлагая вместе с тем те отношения, которые купеческий капитал там застает. Чем более отсталым является экономическое развитие такого общества, тем более хищническими, тем более грабительскими методами пользуется купеческий капитал, ускоряя свое накопление, свой рост и разлагая вместе с тем докапиталистические организации производства, имеющие «своей целью главным образом потребительные стоимости», т. е. главным образом натуральные хозяйства. У Рейхардта же получается совершенно извращенная картина. Он устанавливает обратную пропорциональность между степенью развития торгового и ростовщического капитала и степенью развития производства товаров.

Неудачными являются и те части статьи т. Рейхардта, где он анализирует вопросы стоимости и денег в первобытной торговле. Автор исходит из того, что первобытной торговле известен всеобщий эквивалент. Хотя металлических денег на определенном этапе развития еще нет, «но это отнюдь не означает, что первобытным народам неизвестна всеобщая форма стои-

мости». Помимо мерил стоимости деньги также выступают и в роли средства обращения, правда, в зачаточной форме. С этими утверждениями автора весьма слабо связан вывод, к которому он приходит, что «деньги не выполняют ни одной из функций денег как таковых».

Мы не останавливаемся на ряде других недочетов, имеющихся в статье. Нам представляется, что сказанного достаточно, чтобы сделать определенные выводы. Статья т. Рейхардта дает ошибочное представление о развитии обмена и производства товаров в докапиталистических формациях.

Статья И. Плотникова излагает социально-экономические взгляды Вильямса Томпсона. В статье дается изложение взглядов Томпсона по его основной теоретической работе «Опыт о принципах распределения богатства, в наибольшей степени ведущих к человеческому счастью». В этой работе Томпсон дает критику капиталистического общества и доказывает преимущества будущего коммунистического общества, причем основной упор у Томпсона, как и у всех утопистов, в исследовании не сущего, а должного. Тов. Плотников совершенно правильно отмечает, что если классики (Смит, Рикардо) считали естественными законами законы буржуазного общества, то Томпсон под естественными понимает законы будущего коммунистического общества.

Организация будущего общества должна, по Томпсону, покоиться на трех «естественных» законах: на свободном труде, на праве производителей на полный продукт их труда и на добровольном обмене последним. Важнейшим условием счастья людей Томпсон считает правильное распределение общественного продукта. Только в будущем обществе будут устранены экономические, политические и моральные недостатки капитализма, о которых пишет Томпсон.

Методами осуществления нового общественного строя, по Томпсону, являются развитие просвещения, печати, убежденные господствующие классы, законодательство, пример производственных ассоциаций. Тов. Плотников кратко излагает и экономические взгляды Томпсона — его понимание богатства, стоимости, капитала, прибыли, обмена, его положительное отношение к свободной торговле.

Из статьи т. Плотникова читатель получит в общем правильное представление о взглядах Томпсона.

Основным недостатком статьи является ее описательный характер. Читатель не найдет в ней необходимого социально-политического анализа взглядов Томпсона. Он не уяснит себе места Томпсона в истории политической экономии. Между тем Вильям Томпсон был выдающимся экономистом-оуэнистом. Он принадлежит

¹ К. Маркс, Капитал, т. III, ч. 1, стр. 229, изд. 1935 г.

² Там же, стр. 232.

к числу тех экономистов, о которых писал Энгельс в предисловии ко II тому Капитала. «Наш памфлет (речь идет об известном памфлете 1821 г. — С. В.) — только крайний аванпост обширной литературы, которая в двадцатых годах повернула теорию стоимости и прибавочной стоимости Рикардо в интересах пролетариата против капиталистического производства, побивала буржуазно ее собственным оружием»¹.

Правда, Томпсон, как и весь «овенский коммунизм, поскольку он вступает в экономическую полемику, опирается на Рикардо»² (Энгельс). Он сам не развивает дальше ни теории стоимости, ни теории прибавочной стоимости по сравнению с классиками. Больше того, в некоторых отношениях он, используя классиков, даже понижает теоретическую ценность их теорий. Но он повернул эти теории «в интересах пролетариата». Это обстоятельство чрезвычайно важно и оно должно было быть отмечено в работе, посвященной Томпсону. Вместо этого И. Плотников указывает, что Томпсон «в ряде случаев доводится до некритического усвоением взглядов буржуазной политической экономии классиков, поскольку в его представлении доминируют утопические выводы из них. В лучшем случае он вносит в их тезисы изменения, которые подгоняет к утопическим выводам» (стр. 41).

В статье т. Плотникова имеются и ошибки. Так, приводя цитату Томпсона, что источником прибыли является стоимость, присоединенная трудом к сырью материала, Плотников заключает: «Подчеркивание это важно как противопоставление прибавочной стоимости в качестве единственного источника и сущности прибыли видимой форме, которую она принимает» (стр. 43). Выходит таким образом, что определение прибыли как превращенной формы прибавочной стоимости не заслуга Маркса. Томпсон, по Плотникову, еще до Маркса имел правильное суждение по этому вопросу. Это конечно глубоко ошибочно. Это грубо противоречит фактам.

Статья В. С е р е б р я к о в а о формальном и реальном подчинении труда капиталу не представляет собой законченной работы. Автор обещает в следующей статье продолжить анализ, ограниченный в рецензируемой статье простой капиталистической кооперацией, и рассмотреть процесс производства стоимости и прибавочной стоимости в условиях мануфактуры, машинного производства и при «современном капитализме», разумея под последним, видимо, капитализм периода всеобщего кризиса.

Статья начинается с постановки вопроса о законе движения капитализма. «Произ-

водство прибавочной стоимости, — говорит т. Серебряков, — образует закон развития капитализма» (стр. 54). К сожалению автор не развил и не обосновал этого положения. То, что теория прибавочной стоимости является краеугольным камнем экономической теории Маркса, общеизвестно. Значение этой теории с ясностью, не допускающей никакого сомнения и никаких превратных толкований, определен о Марксом, Энгельсом, Лениным.

Дело следовательно не в том, что Серебряков подчеркивает значение теории прибавочной стоимости, а в том, что он самое производство прибавочной стоимости в пр о т и в о в е с теории стоимости выдвигает как закон движения капитализма.

В статье имеется явная недооценка закона стоимости. Не случайно т. Серебряков считает первые четыре главы «Капитала» лишь вводными главами (стр. 55). Тов. Серебряков утверждает: «Закон прибавочной стоимости есть дальнейшее развитие закона стоимости, есть закон стоимости, развившийся до такой стадии, когда товарное производство стало всеобщей формой производства» (стр. 58). Автор следовательно полагает, что по мере развития товарного производства и превращения его во «всеобщую форму» закон прибавочной стоимости, являясь дальнейшим развитием закона стоимости, заменяет собой последний. Однако вопреки Серебрякову закон стоимости как закон движения товарно-капиталистического хозяйства действует и при капитализме, когда «товарное производство стало всеобщей формой производства», только действует не непосредственно, а через цену производства.

Теория прибавочной стоимости основана на теории стоимости. Стоимость рабочей силы, несмотря на специфичность этого товара, определяется законами стоимости. На основе последних совершается покупка и использование рабочей силы. Но следует иметь в виду, что в условиях капитализма в стоимости товаров овеществляется капиталистически эксплуатируемый труд. Следовательно, будучи основой для теории прибавочной стоимости, сама теория стоимости в условиях капитализма может быть понята лишь в свете теории прибавочной стоимости.

В другой своей статье, помещенной в том же сборнике («Монополии и повышенные цены»), т. Серебряков обнаруживает правильное понимание закона стоимости. «Но говорить, — пишет он, — об отрицании закона стоимости значит прежде всего заявлять о преодолении основных противоречий товарного производства, являющихся общей базой противоречий капитализма. Это значит заниматься по сути дела, апологетическим прикрашиванием современного капитализма, замазыванием его глубочайших антагонизмов» (стр. 149). Все

¹ К. Маркс, Капитал, т. II, кн. 2, Предисловие Энгельса, стр. XV, изд. 1935 г.

² Там же.

это верно, но все это бьет не в бровь, а в глаз самому Серебрякову, который в том же сборнике, но в другой статье забывает эту истину.

Тов. Серебряков полагает, что основное противоречие капитализма—это противоречие между процессом труда и процессом увеличения стоимости (стр. 59—60). Все другие противоречия представляют собой не что иное, как моменты и формы проявления основного противоречия (стр. 59). Как известно, Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин указывали, что основное противоречие капитализма состоит в противоречии между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения. Именно «это противоречие,—говорит Энгельс,—сообщившее новому способу производства его капиталистический характер, заключало в себе зародыши всех современных противоречий»¹.

Тов. Серебряков формулирует, что марксистско-ленинская формулировка основного противоречия капитализма лишь другими словами выражает то, что Серебряков определяет как противоречие между процессом труда и процессом увеличения стоимости. Но он никаких доказательств этому не приводит и привести не может.

О процессе труда и увеличении стоимости Маркс писал: «Как единство процесса труда и процесса образования стоимости, производственный процесс есть процесс производства товаров; как единство процесса труда и процесса увеличения стоимости он есть капиталистический процесс производства, капиталистическая форма товарного производства»². В приведенной цитате Маркс говорит о различии между товарным производством и капиталистическим, а не об основном противоречии последнего. Капиталистический процесс производства товаров есть вместе с тем производством прибавочной стоимости. Ибо «процесс увеличения стоимости есть не что иное, как процесс образования стоимости, продолженный далее известного пункта»³.

Если согласиться с т. Серебряковым и признать, что в единстве процесса труда и процесса увеличения стоимости дана формулировка основного противоречия капитализма, то с таким же основанием следовало бы признать, что в единстве процесса труда и образования стоимости дана формулировка основного противоречия простого товарного хозяйства. Совершенно очевидно, что подобное утверждение было бы неверным.

Из своей формулировки основного про-

тиворечия капитализма т. Серебряков делает такой вывод: «Непосредственным субъектом процесса труда является пролетарий, непосредственным субъектом процесса увеличения стоимости оказывается капиталист» (стр. 60, подчеркнуто мною.—С. Б.). Капиталист в роли создателя прибавочной стоимости! Надо же додуматься до подобного утверждения!

Неверным является утверждение автора, что «в отличие от самых начальных шагов капиталистического развития последующие его стадии характеризуются тем, что универсальным методом увеличения стоимости становятся реорганизация и усовершенствование процесса труда, разумеется, не устраняющие и борьбы за рабочий день» (стр. 69). Автор упустил «мелочь»: капиталистическая рационализация приводит к росту эксплуатации рабочего класса, и именно этот рост эксплуатации приводит к увеличению стоимости и прибавочной стоимости. Далее автор проводит ту мысль, что капитализм и в условиях империализма («последние стадии») совершенствует процесс труда. Это усовершенствование является «универсальным методом увеличения стоимости». Из этой огульной характеристики «последующих стадий», которые включают и империализм как высшую стадию капитализма, выпал такой признак, как тенденция к застою и загниванию, свойственные империализму. Утверждение Серебрякова противоречит ленинской характеристике империализма как капитализма загнивающего.

В статье имеются и другие более мелкие ошибки и нечеткие, неряшливые формулировки. Так, автор говорит о «переходе от абсолютной прибавочной стоимости к кооперации» (стр. 74), упуская из виду, что переход и к кооперации и к машинному фабричному производству не устраняет производства абсолютной прибавочной стоимости.

Вторая статья В. Серебрякова «Монополия и повышение цен», содержащая весьма интересные данные по трактуемому вопросу, выгодно отличается от только что рассмотренной нами статьи как правильной постановкой вопросов, так и их разрешением.

Статья эта представляет собой главу из подготовляемой автором ее работы «Движение цен в современном капитализме»; Тов. Серебряков правильно отмечает, что хотя монополиянные цены в широком понимании слова существовали задолго до империализма, но в условиях империализма они не могут рассматриваться по аналогии с «монополиянными ценами» других времен ввиду коренного своего качественного отличия.

Рядом интересных данных т. Серебряков убедительно доказывает, что «господ-

¹ Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 255, изд. 1931 г.

² К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 135, изд. 1935 г.

³ Там же, стр. 133.

ство монополии имеет тенденцию поднимать цены монополизированных товаров над уровнем стоимости (соответственно — цены производства) и посредством этого доставить монополистические сверхприбыли за счет перекачки части стоимости от рабочего класса, от мелких товаропроизводителей, в частности колонизальных, от других капиталистов» (стр. 138).

Несомненный интерес представляет данная т. Серебряковым критика такого апологета империализма, как П. Струве, «доказывающего», что никакого образования монопольных цен в современном капитализме не происходит. Убедительна критика грубо ошибочных взглядов И. Блюмина и М. Спектатора. Но нам кажется однако, что т. Серебряков допускает ошибку, считая чуть ли не единственным концентрированным выражением противоречий империализма монопольную цену. «Отношения монополистического господства и насилия выражаются в явлении монопольной цены, в которой, как в фокусе, концентрируются все формы господства монополии и все противоречия империализма» (стр. 136). То, что в монопольной цене получают выражение господство монополии и противоречия империализма, верно. Неверным нам представляется утверждение автора, что это — универсальная форма проявления этих противоречий.

В интересной, но несколько схематичной статье А. П а л ь ц е в а освещен важный вопрос об относительной прибавочной стоимости в условиях падающей валюты. Нам однако кажется, что затронутые в статье проблемы, имеющие чрезвычайно большое значение для борьбы рабочего класса в капиталистических странах, должны были быть актуализированы теоретически и политически.

Несомненный интерес представляет статья В. Г р у з д е в а, посвященная критике теории земельной ренты Плеханова. Автор дает правильную критику Плеханова и устанавливает, что борьба Плеханова против большевистской программы национализации земли связана с его отрицанием абсолютной ренты. Хотя Плеханов открыто и не выступал против марксовской теории абсолютной ренты, но фактически он ее отрицал. Обо всем этом довольно убедительно говорит в своей статье т. Груздев.

Нельзя однако обойти молчанием то обстоятельство, что у Груздева имеются элементы переоценки Плеханова как марксистского теоретика по аграрному вопросу. По Груздеву получается, что Плеханов в ряде важных вопросов предвосхитил Маркса. Так, Плеханов, мол, задолго до выхода III тома «Капитала» и «Теории прибавочной стоимости» вскрыл коренной порок теории ренты Рикардо, закон убывающего плодородия почвы (стр. 96). Точно так же Плеханов был, мол, первым, давшим правильную марксистскую кри-

тику Родбертуса. Говоря о критике Плехановым Родбертуса, Груздев пишет: «Все это абсолютно правильно и почти дословно совпадает с тем, что говорится Марксом в первой части II тома «Теория прибавочной стоимости» (стр. 100). Если приять во внимание, что работу у Родбертуса Плеханов писал в 1881—1882 гг., а II и III тт. «Капитала» вышли в свет в 1885 и 1894 гг., первая же часть II тома «Теория прибавочной стоимости» в 1905 г., то напрашивается вывод, что только что ставший марксистом Плеханов самостоятельно, до Маркса, до Энгельса, подвергшего критике Родбертуса в предисловии к «Ницете философии» (1884 г.), дал правильную марксистскую критику Родбертуса, т. е. предвосхитил в этом отношении Маркса и Энгельса. Но этот вывод Груздева конечно ошибочный. Наряду с правильной во многих отношениях критикой общая оценка Плехановым Родбертуса явно неверна».

Так, Плеханов утверждал, что «Родбертус с полным основанием может быть причислен к той блестящей, хотя и немногочисленной фаланге экономистов, которая украшается именами Маркса, Энгельса и Лассалла»¹. Плеханов считал Родбертуса человеком, сумевшим «возвыситься над классовыми предрассудками буржуазных экономистов»². Померанский помещик Карл Родбертус-Ягетцов, министр земледелия Гогенцоллернов, политическое кредо которого было им самим сформулировано в письме к Рудольфу Мейеру: «Monarchisch, national, sozial», оказывается, «возвысился над классовыми предрассудками» буржуазных идеологов.

Мы здесь лишены возможности остановиться на изложении и критике экономической теории Родбертуса. Отметим только, что Энгельс например о ней писал: «...Родбертус принимает ходячие определения экономических понятий как раз в той форме, в какой они достались ему от экономистов»³. Достаточно сравнить последнее с оценкой, данной Родбертусу Плехановым, чтобы сделать вывод об ошибочном понимании Груздевым плехановской критики Родбертуса, будто бы предвосхитившей Маркса.

Нам осталось остановиться на двух статьях Л. К а ш а р с к о г о: «К характеристике положения ренты аристократии в условиях общего кризиса капитализма» и «Депрессия особого рода».

В обеих статьях т. Кашарский правильно и злободневно ставит ряд существенных вопросов, относящихся к темам статей. Читатель несомненно в них почерпнет интересный и обильный материал. Из

¹ Г. В П л е х а н о в, Соч., т. I, Экономическая теория Родбертуса, Госиздат 1925 г., стр. 218.

² Там же, стр. 232.

³ Ф. Э н г е л ь с, Ницета философии, стр. 8, изд. 1928 г.

недочетов, имеющих в статьях т. Кашарского, следует отметить, что нельзя анализ сверхприбыли ограничивать вопросами платежного баланса и заграничными вложениями, и оставлять незатронутым вопрос о чрезвычайном росте эксплуатации рабочего класса и трудящихся, в особенности в зависимых странах, в колониях и полу-колониях.

Недоработанным остался у автора весьма важный вопрос—об экономической базе оппортунизма в условиях общего кризиса капитализма. Неясным остается вопрос о том, как же обстоит с экономической базой оппортунизма в странах-победительницах. Из «досадных опечаток», говорящих о недостаточном внимательном отношении редакции и издательства, отметим хотя бы то, что конец капиталистической стабилизации в статье Кашарского отнесен к 1932 г.

Из приведенного краткого обзора статей, помещенных в рецензируемом сборнике, следует сделать такие выводы: сборник содержит ряд существенных ошибок; эти ошибки должны быть авторами тщательно просмотрены и исправлены. Но вместе с тем как этот сборник, так и другие работы Института экономики ЛОКА говорят о ведущейся в этом Институте продуктивной работе в области разработки актуальных проблем экономической теории.

Надо прямо сказать, что научно-исследовательским экономическим институтам Москвы не мешало бы кой-чему поучиться у ленинградцев.

Критика недочетов должна улучшить работу работоспособного научного коллектива экономистов Института экономики ЛОКА.

«Материалы Королевской комиссии по сельскому хозяйству в Индии».
I. Центральные провинции и Берар. Бенгалия. Соединенные провинции
Ауд и Агра.

Перевод с официального английского издания под общей редакцией Н. Э. Джонсона. С вводной статьей К. Михайлова. Международный аграрный институт, М. 1935 г.

Маркс и Энгельс еще в «Коммунистическом манифесте» писали: «И, подобно тому, как она (буржуазия.—Д. Е.) сделала деревню зависимой от города, она поставила варварские и полуварварские страны в зависимость от стран цивилизованных, крестьянские народы—от буржуазных народов, Восток—от Запада»¹. Растет брожение в английской Индии. Победоносная Октябрьская революция в сильной степени ускорила и развязала национально-освободительную борьбу на колониальном Востоке.

Особенно богат волнениями и восстаниями послеоктябрьский период в Индии. Постоянные волнения крестьянства многомиллионной Индии, этой жемчужины английского империализма, заставили англичан «в целях выяснения причин восстаний» произвести обследование положения в индийской деревне. Английские империалисты после волнений и восстаний в их обширных колониях обычно устраивают «обследования», чтобы, с одной стороны, успокоить и усыпить общественное мнение, а с другой—еще более укрепить свое господство в колониях.

Обследовательская работа Королевской комиссии началась в 1926 г. и закончилась в 1928 г. Комиссия посетила самые различные сельскохозяйственные районы и десятки городов Индии. Собрала она 783 письменных ответа на специально составленную ею анкету, заслушала на своих заседаниях показания 395 лиц и получила специальные доклады провинциальных правительств по вопросам сельского хозяйства. Из 15-томного материала Международный аграрный институт в Москве извлек наиболее ценное и интересное. Первый том—это рецензируемая нами работа, во второй войдут результаты обследований всех остальных провинций Индии.

Рабочий класс, колхозное крестьянство

¹ «Программные документы коммунизма», 1934, г., стр. 15.

и все трудящиеся нашей страны празднуют великую годовщину 18-летия Октябрьской революции. Громадны успехи свободных народов нашей советской родины. Руководимые партией Ленина—Сталина мы стали передовой, мощной, социалистической страной. Индустриализация страны и коллективизация сельского хозяйства привели к коренному улучшению материального и культурного положения трудящихся. Велики достижения в социалистическом переустройстве национальных республик и областей. Эти отсталые колонии царской России преобразились. Мощный рост хозяйства, расцвет культуры, национальной по форме, социалистической по содержанию, все растущее благосостояние трудящихся масс. Впереди еще более громадные успехи, еще больший расцвет хозяйства и культуры, дальнейшее улучшение положения строителей бесклассового общества.

Каково же положение трудящихся масс за советским рубежом?

Рецензируемая книга вскрывает разорение и деградацию сельского хозяйства, гнет и эксплуатацию трудящегося крестьянства в одной из важнейших колоний английского империализма. Независимо от того, какие цели преследовали обследователи, результат их работы является тягчайшим приговором английскому империализму, который довел 300-миллионную Индию до нищеты и бедствий. Книга ярко вскрывает жуткое положение индийского крестьянства, изнывающего под двойным гнетом английского империализма и местных феодалов. Чрезмерное раздробление земли, высокая арендная плата, ростовщический процент, примитивный способ обработки земли, налоговый пресс—и в результате нищета и бедствия многомиллионного крестьянства.

Как известно, аграрный вопрос является для земледельческой Индии решающим вопросом. Достаточно сказать, что не менее $\frac{2}{3}$ всей земли принадлежит феодалам, кулачеству и английским предприятиям. Крестьяне, имеющие менее 1 акра

(0,4 га) составляют 18%; по некоторым районам этот процент доходит до 32. Малоземелье дополняется отсутствием орошения, играющего в условиях Индии очень важную роль.

Известно, что в таких странах, как Индия, Земледелие «построено главным образом на искусственном брошении, а это орошение является уже делом общины, области или центральной власти. Правительства на Востоке всегда имели только три ведомства: финансовое (ограбление собственного населения), военное (грабеж внутри и в чужих странах) и ведомство общественных работ (забота о воспроизведении). Британское правительство в Индии организовало № 1 и 2 несколько на филистерский лад, а № 3 совсем запустило, отчего индусское земледелие и гибнет»¹. Эти слова Энгельса об индийской деревне целиком подтверждаются и теперь результатами обследования Комиссии.

Несмотря на то, что Комиссия допрашивала только помещиков и чиновников английской службы, а не крестьян, все же выявлены ужасающие результаты господства английского империализма. Комиссия по директиве хозяев старалась смягчить острые углы, но это ей не удалось: факты—упрямая вещь. Предоставим слово достоверной Корольской комиссии и лицам, ею допрошенным.

На вопрос председателя Комиссии о размерах взимаемого процента следует ответ: «Иногда он составляет 18%, иногда—24%. В Мандле высота процента, взимаемого ростовщиками-кабульцами, достигает 48 и 50» (стр. 43).

На вопрос председателя Комиссии, существует ли практика хлебных ссуд натурой и какой процент взимается в этих случаях, помещик Корде отвечает: «Ужасный: через 3 месяца должник должен вернуть ссуду в 1¼ размере. Как показал другой свидетель, за 4 кханди² хлопкового семени получают 2 кханди хлопка. Это всего за несколько месяцев» (стр. 55).

На вопрос, каков источник кредита, комиссар Джуббульпора Ирвин отвечает: «У рядового земледельца обычно только один источник получения кредита—местный деревенский ростовщик, либо помещик. Эти люди широко располагают деньгами, иногда своими, иногда полученными займы у более крупных ростовщиков в больших центрах» (стр. 55).

На вопрос, каковы причины займов, получен ответ, что главными причинами являются: 1) недостаточность дохода от земли по вычете издержек производства, 2) отсутствие подсобных занятий, 3) расходы на лечение, 4) социальная система, вызывающая сравнительно крупные расходы

при заключении брака, 5) неурожаем, 6) сутяжничество (стр. 109).

Итак, в результате присвоения помещиком не только прибавочного продукта крестьянина, но и больших расходов на лечение—об этом ниже—и неурожаев, очень частых в условиях аграрных отношений и отсталости сельского хозяйства Индии, крестьянин опутывается долгами. Обследование например деревни Тальма (Бенгалия) показало, что семей, находящихся в долгу,—63%, а лиц в долгу—63,7%; средняя задолженность семей—203 рупий¹. На душу населения приходится долг в 37 рупий (стр. 170).

В не менее тяжелые условия ставят крестьянство всевозможные болезни, уносящие в могилу ежегодно несколько миллионов человек. В докладной записке о заболеваемости сельского населения санитарный врач Дун пишет: «В Соединенных провинциях главными факторами, подкашивающими общественное здоровье, являются малярия, холера, чума, оспа и другие эпидемические, а также легочные и кишечные заболевания. Но наиболее вредное действие на состояние общественного здоровья, а следовательно на снижение трудоспособности, несомненно оказывает малярия. Например в 1920 г. средняя смертность в городских поселениях достигала 23,21, а в сельских поселениях—31,31 на 1 000 чел. населения. Вычисления показали, что на 1 смертный случай от малярии приходится от 2 000 до 3 000 дней болезни, т. е. потерянных для работы дней. Таким образом действительное значение малярии как социального явления не отражается целиком в отчетах о смертности» (стр. 209—211).

Для крупнейшей Бенгальской провинции отчет Корольской комиссии констатирует, что «нехватка рабочей силы объясняется главным образом опустошением, произведенным малярией, от которой из года в год умирает огромное количество земледельческого населения и значительно понижается жизнеспособность тех, которые выживают. Некоторые села пришли в такой ужасный упадок, что, вместо того чтобы пытаться восстанавливать их, лучше было бы убедить оставшееся в живых население поселиться на свободных землях, на окраинах, оказав им в этом денежную помощь, чем тратить хоть копейку на самое село» (стр. 110).

Кто же будет заботиться о здоровье крестьян в условиях фактического рабства, существующего в Индии по сей день? Отчет, далее, разоблачает: «На самой низкой ступени социальной лестницы в Индии находятся те постоянные с.-х. рабочие, которые редко получают наличную зарплату и положение которых соответствует крепостному праву в его резкой или смяг-

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XXI, стр. 494.

² Кханди — мера веса; для хлопка — 784 фунта.

¹ Рупия — денежная единица=1 шиллингу и 6 пенсам.

ченной форме. Согласно установившемуся в стране обычаю во многих частях Индии заминдары,¹ мальгаузары² или обыкновенные помещики почти всегда стараются опутать своих рабочих долгами, чтобы получить над ними больше прав, ибо эта задолженность переходит по наследству от поколения к поколению. Аграрное рабство еще сильнее в тех областях Индии, где имеются многочисленные низшие и угнетенные классы. Бомбей, Мадрас, Малабар, Кочин, Центральные провинции, Бера и Чота-Нагпур имеют в составе своего населения значительное число туземных племен, и именно в этих областях положение с.-х. рабочих граничит с крепостничеством» (стр. 238).

О батраках Комиссия записала и не могла не записать: «Одеты они в лохмотья, живут в лачугах вместе со скотом. Я видел мужчин, женщин и детей, живших под одной крышей с буйволами. В 99 случаях из 100 батрак является крепостным своего помещика. Чума, малярия и грипп косят главным образом именно эту категорию сельского населения... В хороший год не более одного блюда в день (и то жиденькой плохой каши), повязка у чресел вместо платья, а в неурожайный год—голод и смерть»—вот характеристика, которую дал проф. Мукерджи положению крестьян (стр. 241).

Во многих частях Индии крестьянин при существующих земельных отношениях не может сделать свое хозяйство экономически рентабельным. Задолженность давит тяжелым бременем, от которого он не может избавиться при существующих нормах процента, при крохотных размерах хозяйства и неопределенности аренды. Быстрый переход крестьянской земли в руки неземледельческих классов также свидетельствует о тяжелом положении крестьянства.

Тот же проф. Мукерджи вынужден заявить следующее: «Сельскохозяйственное население Индии работает теперь при чрезвычайно скудных ресурсах, которые при этом неправильно распределены с точки зрения благосостояния самих крестьян. Наш обзор переворота в формах собственности и аренды за последние 50 лет показывает, что несправедливый характер распределения становится все хуже, благосостояние мелких крестьян подорвано. Противоречия между помещиками и экспроприированными крестьянами, между растущим слоем рентополучателей и классом полукрепостных труженников деревни предвещают кризис на-

шей аграрной системы. В некоторых частях Индии уже слышатся глухие раскаты классовой сознательности крестьянства. Они бросают вызов существующему аграрному строю. Никто больше не хочет идти на позорные каторжные работы на участке земли размером в $\frac{1}{8}$ акра. Никакой класс не согласится больше служить «грязным фундаментом для изящной надстройке». Класс, который питает всю нацию, не должен быть доведен до того, чтобы нести только тяжести и страдания» (стр. 242).

На вопрос о поощрении кооперативного движения адвокат Гоудхурн отвечает: «Я считаю, что кооперация не имеет никакого успеха среди населения и обречена на крах, если будет продолжаться вестись так, как она ведется теперь. Бюрократически создавая такие товарищества, правительство взяло на себя задачу, с которой оно никогда не справится. Никто не может конкурировать с ростовщиками, и всякая попытка в этом направлении обречена на неуспех» (стр. 266). Адвокату не вдомек, что если бы кооперация работала и хорошо, все же в условиях капитализма она представляет собой организацию защитных, по преимуществу капиталистических, элементов крестьянства и используется ими для закабаления маломощных слоев и бедноты.

Директор Аллахабадского с.-х. института Хигинботтом заявляет: «Г-н Гамильтон в сопровождении нескольких экономистов из Аллахабада предпринял экономическое обследование главным образом вопроса о задолженности крестьянского населения. Результаты оказались паразитическими. Ни одна страна в мире неспособна была бы нести такое бремя» (стр. 256). Тот же Хигинботтом в докладной записке пишет: «Отсутствие машин, суеверие, невежество, корысть, угнетение, сравнительно примитивные способы перевозок, убогие земледельческие методы, низкокачественные семена—все это ставит индийского крестьянина в очень невыгодные условия по сравнению с культурными и опытными земледельцами... Человеческая жизнь и труд являются наиболее дешевым и наименее продуктивным из всех товаров, продающихся в Индии» (стр. 256).

На вопрос о с.-х. образовании получили такой ответ: «Около 92% населения Индии неграмотно, поэтому невозможно ввести никакого улучшения в сельское хозяйство или в какую-либо отрасль промышленности. Я читал в газетах, что в России за 7 лет процент грамотных повысился с 7 до 94. Я представляю Комис-

¹ Заминдар—помещик.

² Мальгаузар—название помещиков в Центральные провинциях, созданных здесь англичанами из местных сельских старшин—пателей.

сии некоторые данные относительно грамотности населения Соединенных провинций. Согласно переписи 1891 г. процент грамотных достиг 3,2, а комиссар по переписи того времени прибавил следующее замечание относительно нашей провинции: Северо-западная область (как она называлась тогда) отличается тем, что она является самой безграмотной областью во всей Индии. Теперь я попытаюсь рассмотреть, произошли ли какие-нибудь сдвиги в деле распространения грамотности с 1891 г.

В 1891 г. проц. грамотных равнялся	3,2
» 1901 » » »	3,4
» 1911 » » »	3,4
» 1921 » » »	3,7

Если мы будем продолжать двигаться такими темпами, то мы дойдем до процента грамотности княжества Майсор (7,4%) через 122 года; до уровня грамотности княжества Барода (12,8%) через 297 лет, а до уровня России (94%) нам понадобится около 3 000 лет» (стр. 254).

Вот те неопровержимые факты, которые ярко вскрывают состояние индийского крестьянства. Рецензируемая книга представляет исключительный интерес не только для специалистов, но и для широких слоев нашей колхозной деревни как убедительное доказательство глубочайшей деградации и вымирания индийского многомиллионного колониального крестьянства, изнывающего под игом английского империализма и местных феодалов-помещиков.

Но ведь это было еще до начала величайшего в истории капитализма мирового экономического кризиса. А, как известно, в ходе кризиса «капитализму удалось несколько облегчить положение промышленности за счет рабочих—путем углубления их эксплуатации через усиление интенсивности их труда, за счет фер-

меров—путем проведения политики на более низких цен на продукты их труда, на продовольствие и отчасти на сырье, за счет крестьян колоний и экономически слабых стран—путем еще большего снижения цен на продукты их труда, главным образом, на сырье и затем на продовольствие»¹.

Не лучше жилось поработенному крестьянству царской России, особенно в национальных районах. Только в результате Октябрьской революции и благодаря мудрому руководству нашей партии во главе с т. Сталиным получилась такая разительная картина жизни нашего колхозника, что теперь не может быть уже и речи о сопоставлении ее с условиями существования поработенного капитализмом и колониальной эксплуатацией крестьянства. Успешная индустриализация великого Советского союза обеспечила нам возможность коренной социалистической реконструкции сельского хозяйства.

Одно несомненно—«для того, чтобы уничтожить рабство индийского народа и освободить рабочий класс крестьянство от придавившей их нищеты, необходимо завоевать независимость страны, необходимо поднять знамя аграрной революции, которая разгромила бы все средневековое землевладение и «очистила» бы всю землю от всего средневекового хлама. Аграрная революция, направленная против английского капитала и помещичьего землевладения, составляет основу индийской освободительной революции»².

¹ Сталин, Доклад на XVII съезде ВКП(б). Стенографический отчет, стр. 10.

² «Программные документы компартий Востока», 1934 г., стр. 97.

Levy Hermann, Industrial Germany. A Study of its Monopoly Organisations and their Control by the State. — Cambridge, at the University Press, 1935, XI+245 p.

Герман Леви—немецкий профессор-экономист, специализировавшийся на проблеме капиталистических монополий. Он написал ряд книг, в том числе работу об английских монополистических объединениях (Hermann Levy, Monopolies, Cartels and Trusts in British Industry, 2-nd ed., London 1927), (книгу об «основах мирового хозяйства» «Die Grundlagen der Weltwirtschaft», Leipzig 1931), в которой старается выяснить роль монополий в мировом хозяйстве; его перу принадлежат статьи в немецких экономических журналах (в «Weltwirtschaftliches Archiv» и т. д.), тоже главным образом посвященных этому вопросу. Теперь Герман Леви вынужден был эмигрировать в Англию и там преподает свой предмет в Кембриджском университете.

Рассматриваемая книга распадается на две части. Одна—описательная. В ней автор дает краткий исторический очерк развития картелей, синдикатов и трестов в Германии начиная с 70-х годов прошлого века, затем более подробно останавливается на отдельных монополиях в горно-рудной промышленности, в черной металлургии, в химической и электротехнической промышленности и дает характеристику международных связей германских монополистических предприятий. К описательной части относится и изображение структуры монополий в Германии.

Описательный материал, приведенный в книге Г. Леви, представляет некоторый интерес, поскольку дело касается структуры и деятельности германских монополий в послевоенное время. К тому же книга изложена довольно простым и понятным языком, не в пример работам Р. Лифмана, Чиршки и других специалистов по данному вопросу. Однако приходится прямо-таки удивляться тому, что автор, писавший свою работу в 1934 г., не отметил целого ряда новых, чрезвычайно интересных фактов в развитии германских монополий после прихода к власти правительства Гитлера. Перечислять то, чего не сказано в книге, нет смысла,—весь тот чрезвычайно интересный этап в развитии германских монополий, который начался с момента прихода к

власти правительства, осуществляющего фашистскую диктатуру монополистического капитала, у Германа Леви «деликатно» обойден. Возьмем только один пример: всему миру известно, какую роль играют германские монополии в деле получения и распределения колоссальных заказов на вооружения, раздаваемых сейчас в Германии. Экономист, специализировавшийся на монополиях, мог бы наверное многое рассказать о роли крупновского предприятия, Стального треста, И. Г. Фарбениндустри, концерна Сименса и др. в этом деле и о связях между фашистским государством и промышленными монополиями на базе форсированных вооружений. Это соответствовало бы задачам книги, имеющей подзаголовок «Исследование монополистических организаций и их контроля государством». Но об этом у нашего «исследователя» ни звука!

Говоря о Стальном тресте, реорганизация которого произошла в 1933 г., вскоре после прихода фашистов к власти, Герман Леви ограничивается только такого рода сообщением: «Взаимное переплетение акционерного капитала трех крупных концернов—Гельзенкирхенского, Феникса и фан дер Ципена, которые со своей стороны создали Стальной трест и сообща распоряжались большинством его акций, было заменено полным слиянием, в то время как некоторые другие важные предприятия, которые тоже находились под контролем этой холдинг-компании, также должны были быть соединены путем фузии» (стр. 169). Вот все, что сказано об огромной финансовой операции, которая была произведена группой Тиссена, опиравшегося на аппарат фашистского государства и использовавшего участие казны в Стальном тресте, для того чтобы расправиться со своими соперниками по Стальному тресту. Здесь могло бы пригодиться обещанное Г. Леви в заглавии «Исследование монополистных организаций и их контроля государством». Но вместо этого—лишь «фигура умолчания».

Как же относится автор к самому основному вопросу, на который всякая книга о монополиях, вышедшая после двух лет фашистского режима в Германии, не мо-

жет не дать ответа,—к вопросу о фашистской картельной политике, выразившейся в законе 15 июля 1933 г. и в ряде последующих законодательных актов и распоряжений?

Вместо того чтобы оценить это законодательство по существу, Г. Леви ограничивается чисто формальным изложением и интерпретацией картельного законодательства. Говоря например о предоставленном министру хозяйства праве принудительного картелирования, автор отмечает только, что «за первый год своего существования новый закон не получил широкого применения. В этом отношении экономическая политика сводится по видимому к тому, чтобы пускать в действие закон лишь в тех случаях, когда добровольные усилия не удаются» (стр. 159).

Это противоречает фактам заявление Г. Леви представляет собою не что иное, как пересказ «своими словами» официальной мотивировки закона. Оно совершенно не соответствует действительности, ибо в том-то и вся суть, что под давлением монополий закон о принудительном картелировании с первых же дней своего существования стал применяться все чаще и чаще. Стоит только взглянуть на список правительственных распоряжений о принудительном картелировании в самых разнообразных отраслях промышленности (проволочные заводы, заводы электроламп, цементные заводы, сигарные фабрики и т. д.), чтобы убедиться в том, насколько широко закон о картелировании практикуется в Германии.

Но этого мало. В сентябре 1934 г. вышло новое дополнение к картельному закону, еще более усиливающее позиции монополий по отношению к «аутсайдерам». Об этом новом дополнении Г. Леви говорит только, что «этот очень важный шаг объяснялся его комментаторами как логический результат применения «принципа вождя» (стр. 161).

В так называемой «аналитической части» книги Г. Леви выступает перед нами в качестве открытого и рьяного защитника германских монополий. Например в главе о роли картелей, синдкатов и трестов в деле установления высоких монопольных цен он пытается эту роль отрицать. «В Германии,—заявляет автор,—теперешние картели и тресты так тесно ограничены всевозможными публичными гарантиями, что распространяемые среди народа опасения ненужного и резко го повышения цен промышленными объединениями представляются более или менее необоснованными» (стр. 215). Это пишется в книге, вышедшей в 1935 г., когда результаты повышения монопольных цен отражаются даже на данных сильно приукрашенной официальной германской статистики. В доказательство своего «тезиса» о том, что германские монополии будто бы не повышают цен и не могут их повышать, ибо

над ними, дескать, поставлено недреманное око фашистского государства, заботающегося о всеобщем благоденствии, Г. Леви сообщает, что «когда летом 1934 г., в связи с валютными затруднениями, был создан целый ряд принудительных картелей (раньше, на 159 стр. Г. Леви утверждал, что «закон о принудительном картелировании не получил широкого применения».—Я. С.) и было запрещено создание новых промышленных предприятий в соответствующих отраслях, в официальных сообщениях определенно указывалось, что во всех этих случаях было поставлено условие не производить необоснованного повышения цен» (стр. 222). Г. Леви «забыл» только указать, соблюдалось ли это условие в действительности и настаивало ли министерство хозяйства на его соблюдении.

Автор всячески старается заверить читателя в том, что монополии и их объединения вовсе не собираются повышать цен, что они, наоборот, полны забот о нуждах потребителей. «В самом деле,—говорит он,—вряд ли можно ожидать от германских промышленных объединений в том виде, в каком они функционируют в последнее время, что они свою власть в деле установления цен используют таким образом, что возбудят серьезное недовольство со стороны потребителей, перерабатывающих предприятий или официальных кругов... Такие организации, как картельное бюро имперского союза германской промышленности, которые имеют большое влияние в качестве арбитров при конфликтах, признали, что в случае если издержки производства не покрываются при существующем уровне цен и если нет никаких средств эти издержки понизить, то повышение цен будет обоснованным, но оно должно происходить малыми дозами» (стр. 222—223). Вот это уже действительно «начал за здравие, а кончил за упокой». В качестве доказательства, что монополии вряд ли повысят цены, Г. Леви сообщает о разрешении картельного бюро производить повышение цен постепенно, «малыми дозами».

Но кульминационного пункта достигает защита германских монополий Г. Леви в следующем его заявлении, которым он завершает весь ход своих рассуждений: «Поскольку, в силу взаимного переплетения теперешних промышленных организаций, руководители одной отрасли промышленности проникнуты интересами целого ряда других отраслей, поскольку такие руководители играют в общем большую роль в центральных промышленных организациях (Spitzenverbände) и несут значительную долю публичной ответственности за общее благо национальной промышленности, постольку возникает новая, психологическая гарантия против политики цен, направленной исключительно на удовлетворение эгоистических мотивов отдельной монополии. В этом отношении более бюро-

кратическая организация германской промышленности оказала влияние на условия промышленных монополий в Германии—в противоположность американским трестам, которые в гораздо большей мере напоминают прежний тип промышленных монополий, пользовавшихся своей мощью до крайних пределов» (стр. 223). Итак, Круппы, Тиссенсы, Феглеры, Флики, Сименсы, Боши и другие заправили финансового капитала являются, по утверждению Г. Леви, гаранты соблюдения общественных интересов промышленностью гитлеровской Германии. В комментариях это заявление не нуждается. Вместе с тем оно вполне объясняет нам позицию Г. Леви в отношении картельной политики фашистского правительства, все те умолчания и «деликатные» увильвания автора там, где требуется ответ на вопрос, в каком положении находится процесс сращи-

вания монополий с фашистским государством в Германии, как обстоит дело с «личной унией» финансовых магнатов и государственного аппарата, как происходит распределение между монополиями военных заказов, играющих столь большую роль в «оживлении» германской промышленной конъюнктуры и т. д.

Угодничество бывшего германского, а ныне английского профессора по отношению к германским монополиям и финансовым тузам, распоряжающимся этими монополиями, дает ключ к пониманию всего «научного исследования» о германских монополиях, произведенного Г. Леви. Вынужденный вследствие «неарийского происхождения» эмигрировать из Германии, проф. Герман Леви и в своих лекциях английским студентам продолжает «вилять хвостом» перед Тиссенсами и Круппами.

С. Потапов и А. Либкинд, Черепановский маслосовхоз. Под ред. Д. Г. Лурье. Аграрный институт Комкадемии, Сельхозгиз, 1935, стр. 207.

Показать опыт строительства совхозов на конкретном примере одного из лучших совхозов — дело важное и необходимое как для непосредственных строителей совхозов, колхозов и МТС, так и для теории и истории социалистической перестройки нашего сельского хозяйства. Практика совхозного строительства СССР блестяще опровернула антимарксистские учения о том, что природные условия препятствуют в сельском хозяйстве развитию техники и образованию крупного хозяйства. Монографические работы об отдельных наших совхозах имеют важное значение. Авторы разбираемой нами книги ставят себе целью «подробно показать хозяйство, методы его ведения, успехи и недочеты и особенно людей, создавших это хозяйство и руководящих им» (стр. 3). В основном эта цель авторами достигнута.

В книге дан достаточно подробный показ одного из лучших в СССР крупного животноводческого хозяйства Западной Сибири. Черепановский маслосовхоз возник 5 лет назад в сибирской степи (в 100 км южнее Новосибирска), буквально на пустом месте. Стоимость основных фондов совхоза (вместе со стоимостью скота) составляла на 1 января 1934 г. свыше 2½ млн. руб. Из них главная часть падает на постройку скотных дворов, телятников, жилищ, на водоснабжение. На 1 января 1935 г. число коров в совхозе достигало 1 400. Всей земли у совхоза 19 110 га, из коих около 70% занято под лугами и пастбищами. Таким образом описываемый в книге совхоз представляет собой крупнейшее животноводческое хозяйство.

Черепановский маслосовхоз не избежал в своем развитии фазы «гигантомании». Вначале он входил в гигантский зерносовхоз Черепановского района Западно-сибирского края, имевший в 1929 г. площадь в 100 тыс. га. Предполагалось строить комбинированное предприятие: зерновой совхоз и молочный совхоз. Последний должен был получать от зерносовхоза за особую плату все отходы полеводства, гуменные корма и солому, а также луга и пастбища. На этой кормовой базе молочный совхоз разветвляет свое хозяйство. Вскоре выяснилась нецелесообразность такого «комбинирова-

ния»: на одной и той же территории было два «хозяйина» — зерносовхоз, находившийся в ведении Наркомзема, и маслосовхоз, подчинявшийся Союзмолоку (Наркомснаб). Получилась организационная неразбериха, приведшая к тому, что маслосовхоз получил под сенокосы отдаленные, разбросанные земельные участки, зерносовхоз должен был так строить севооборот, чтобы в нем занимали значительный удельный вес кормовые культуры, надо было соответственно организовать территорию и т. д. Произошло не органическое сочетание зернового хозяйства с животноводческим, а механическое соединение двух самостоятельных, специализированных совхозов. Поэтому Черепановский маслосовхоз был выделен, получил свою «собственную» территорию и независимое от зерносовхоза существование.

В книге приведена история возникновения и развития совхоза, показаны методы ведения хозяйства, его успехи и недочеты, описано, как черепановцы завоевали всесоюзное переходящее красное знамя. В мелком крестьянском хозяйстве Сибири годовой удой на одну корову составлял 800 л. При том же беспородном сибирском скоте, но хорошо подобранном по своей молочной продуктивности, черепановцы добились удоев от 1 тыс. л в 1931 г. до 1 725 л в 1933 г. и 1 811 л в 1934 г. Совхоз добился увеличения удоев сибирской коровы более чем в два раза. У черепановцев удой значительно выше среднего удоя по совхозам Новосибирского треста. По удоям Черепановский маслосовхоз стоит на одном из первых мест среди маслосовхозов Союза. В книге показано, как добились этого черепановцы. Хотя они еще плохо используют пастбища, но добились обеспеченности силосом 18 ц на корову.

Интересен опыт по закладке силоса дикорастущих трав (пырей, могар, костер и т. п.) на летних отгонах, на пастбищах. Такая закладка дает возможность подкармливать скот силосом весной и осенью. В 1933 г. на силос было скошено 240 га дикорастущих трав и заложено силоса 5 500 ц, что составляет 15% всего запаса силоса. Этот опыт Черепановского совхоза заслуживает большого внимания всех животноводческих совхозов. Инте

ресен также опыт черепановцев по скирдованию плохо просушенного сена с просаливанием рядов при кладке и пр. Хороший уход за скотом, массаж вымени, чистое проданвание, ласковое обращение, индивидуальный подход к каждой корове, умение добиться от коровы наивысшего удоя — вот стиль работы одной из лучших доярок — Анны Воронцовой. В совхозе проведен интересный опыт группового кормления скота в соответствии с уровнем удоев той или иной группы.

Черепановцы добились больших успехов по сохранению и выращиванию молодняка. В 1932 г. отход телят составлял в первое полугодие 76,8%, во второе полугодие — 27,2, в 1933 г. — 5,8%. Поголовье молодняка выросло от 104 в 1931 г. до 1 133 в 1934 г. Удельный вес молодняка в стаде увеличился с 3,5 до 39,2%. В книге показано, что сделали черепановцы в отношении техники ухода и содержания скота, а также организации и материальной заинтересованности телятниц в сохранении телят и т. д. На основе черепановской практики авторы книги рекомендуют в молочный период понть телят молозивом досыта (но не чрезмерно), что ведет к лучшему сохранению и выращиванию молодняка. Интересно описание практики перевода телят на пастбищное содержание и опыт борьбы с паратифом.

В качестве одной из плохих сторон работы Черепановского совхоза надо отметить наличие специальной фермы молодняка. Специальная ферма снижает ответственность ферм дойного скота за выращивание и сохранение телят, вносит элементы обезлички в выращивание молодняка и облегчает возможность заблуждения и отхода телят, в особенности во время перегона их к месту специальной фермы, отстоящей на расстоянии 45 км от ферм дойного скота. Авторы, описывая недостатки в работе совхоза, тут же указывают основные меры изжития их. В частности авторы рекомендуют совхозу «начать предвзятельную работу по оборудованию отгонов, устройству прудов и т. д., чтобы в ближайшее же время перестроить фермы по принципу полного оборота стада» (стр. 31).

В книге описана большая работа черепановцев по племенному делу, по улучшению сибирской породы скота высокомолочной иностранной породой остфризов, завезенных в совхоз из Германии в количестве 14 быков-производителей. Вес метисов-телочек при рождении на 42,3% больше по сравнению с весом телочек сибирских. В совхозе уже получено больше 1 500 метисных телят-остфризов, что превышает число всех метисных телят-остфризов всех других совхозов Сибири вместе взятых. Хотя в совхозе ведется работа по выявлению рекордисток из сибирской породы — 200 коров сибирской породы выявлены как хорошие рекордистки, даю-

щие по 2 500—3 000—3 600 и более литров молока в год, — все же в совхозе имеется недооценка важности этой работы. В совхозе еще нет углубленной зоотехнической работы с выявленными рекордистками. Это является существенным недостатком в работе совхоза.

Авторы книги в особой главе описывают опыт политотдельской работы в совхозе, очистку колхоза от классово чуждых и враждебных элементов, рост партийной организации и ее руководящую роль в политическом и организационно-хозяйственном укреплении совхоза. Показан опыт массово-политической работы, роль производственных совещаний, печати и т. д. Вскрыто развращение классово борьбы и ее форм в условиях строительства совхоза. Бухгалтер Ефимов намеренно запутал учет, растратил совхозные деньги, ежедневно пьянствовал и вел бешеную агитацию против политотдела. По разоблачении оказалось, что он сын владельца крупной гостиницы в гор. Омске, во время колчаковщины бежал с белыми, служил в колчаковской армии. Политотдел помог совхозу очиститься от подобных элементов и укрепить его политически и организационно-хозяйственно. Политотдел совхоза помог и парторганизации совхоза очиститься от чуждых элементов, проникших в ряды партии. Влияние парторганизации на рабочую массу совхоза усилилось по приезду политотдела в совхоз. Коммунисты приблизились непосредственно к производству. Политотделом проделана громадная работа по выращиванию и выдвижению кадров из рабочей массы совхоза. Авторы книги описывают конкретные лиц, которым политотдел помог развернуть свои организационные способности и стать в шеренгу передовых и руководящих работников.

Совхоз сдает государству свыше 2¼ млн. л молока. В переводе на масло это составит 1 130 ц масла. Черепановцы сдали в 1933 г. 76,3 кг масла на фуражную корову. Это почти в два раза больше средней сдачи государству по Новосибирскому тресту. В книге показано, какими методами добились этого черепановцы. Черепановский совхоз — высокотоварное хозяйство. Товарность молока в нем достигает 85% валового удоя, тогда как товарность молока в мелком крестьянском хозяйстве составляла примерно 15—20%. Стоит только сопоставить эти две цифры, чтобы для каждого стало ясно, насколько экономически важными являются наши маслосовхозы, каковы их огромные преимущества перед мелким хозяйством и каким серьезным источником снабжения государства молоком и маслом они являются уже теперь.

Следует упомянуть также о значительных успехах Черепановского совхоза в мясосдаче как по линии количественного выполнения плана, так и в повышении качества сдаваемого скота. По предложе-

нию политотдела в совхозе выделен особый гурт нагульного скота с целью сдачи государству скота выше средней упитанности. В 1934 г. удельный вес скота с жирной упитанностью в мясосдаче повысился от 17 до 23% (по сравнению с 1933 г.). Скот жирной и выше средней упитанности вместе составляет около половины всего сданного скота. Скот ниже средней упитанности черепановцами не сдавался совсем. Нельзя не согласиться с авторами, когда они, проанализировав подробно деятельность Черепановского совхоза, дают ему такую оценку: «Совхоз является действительно бо л ъ ш е в и с т с к о й фабрикой молока и мяса» (стр. 159).

Неплохие достижения имеют черепановцы в налаживании системы планирования и учета выполнения плана по основной продукции совхоза—молоку. Авторы книги детально разбирают историю планирования производства молока по месяцам за ряд лет, сравнивая плановые задания и фактическое выполнение их. Авторы критикуют трестовские методы планирования на все месяцы в начале года, применявшиеся в совхозе в 1933 г. Лучшей является практика составления на основе годового плана оперативных планов на каждый месяц в конце предыдущего месяца. К этому на основе опыта пришли черепановцы и практиковали этот метод в 1934 г. Авторы также правильно критикуют установки некоторых работников совхоза, предлагающих «лучше дать такой план, который невыполнили бы, чем перевыполнили». Вредна тенденция установления как преуменьшенного плана, так и чрезмерно высокого, заведомо невыполнимого. Авторы к сожалению не дают полной системы методов и техники планирования производства в целом по всей системе маслосовхозов, сверху донизу, а ограничиваются лишь частными, хотя и важными замечаниями, касающимися только внутрихозяйственного планирования.

Освещению вопросов организации труда в совхозе авторы книги уделяют заслуженно большое внимание, ибо от того, как организованы бригады, каков их состав, размеры, как расставлены люди, уничтожена ли обезличка и как оплачивается труд, зависит производительность труда. По всем перечисленным вопросам авторы дают богатый, хорошо подобранный из практики совхоза конкретный материал, рисующий организацию труда на фермах совхоза. Описаны особенности Черепановского совхоза в организации бригад, в частности специализированная бригада по обслуживанию глубокоствельных коров, значительно более крупные по размеру бригады, обслуживающие дойный скот, и т. д. В то время как обычно в маслосовхозах бригада обслуживает 100 коров, в Черепановском совхозе —около 350. Такое резкое отклонение от обычных норм объясняется наличием специализи-

рованной бригады глубокоствельных коров, особенностью скотного двора в Черепановском совхозе, системой группового кормления и связанной с этим разбивкой скота каждой бригады на три группы. Авторы книги не рекомендуют другим маслосовхозам следовать примеру черепановцев в отношении организации указанной выше специализированной бригады, а также в отношении размера бригад, так как это находит свое оправдание только в специфических условиях Черепановского совхоза. Зато авторы обращают усиленное внимание всех маслосовхозов на использование опыта черепановцев по организации группового кормления и конвейерной дойки коров. Интересно также описание работы бригадиров, их состава и роста с показом отдельных лиц и их биографий. Достоинно внимания описание системы оплаты труда в Черепановском совхозе, в частности разбор состава и размера заработка доярки, описание системы комбинированной сдельщины с обслуживаемой головы и с литра выдоенного молока, построение зарплаты телятниц по принципу прогрессивной оплаты, в зависимости от сохранения телят и т. д. Глава, посвященная организации труда, заканчивается разделом о производительности труда. Молочной продукции на одного рабочего приходилось в 1933 г. на 66% больше по сравнению с 1931 г. Это говорит о быстром темпе роста производительности труда. Но авторы ограничились лишь констатацией этого факта, не проследили динамики роста производительности труда за 1934 г., не проанализировали достаточно подробно обстоятельств, обусловивших этот рост, не установили «скрытых резервов», обеспечивающих в ближайшем будущем еще более высокие темпы роста.

Материально-бытовое положение рабочих совхоза непрерывно растет. Оплата одного рабочего дня постоянного рабочего совхоза повысилась с 2 р. 87 к. в 1931 г. до 4 руб. в 1934 г., т. е. уровень зарплаты повысился на 40%. Величина заработка рабочего зависит от количества надоенного молока, числа обслуживаемых голов скота, числа благополучных отелов, степени сохранения молодняка. Замечается большая дифференциация уровня зарплаты в зависимости от квалификации рабочих, от степени овладения ими техникой ухода, кормления, выращивания, от овладения основами зоотехники и ветеринарии. Важным дополнением к зарплатке являются премии—денежные и натуральные. Чтобы судить о величине заработка рабочих, надо иметь в виду, что стоимость дневного рациона (горячий завтрак, обед, горячий ужин) составляла в 1934 г. 61 коп. при бесплатных коммунальных услугах: квартира, освещение, баня. На усадьбе совхоза и даже на всех пастбищах имеются столовые, где для рабочих готовятся специальные диетические обеды по указани-

ям врача. В 1934 г. в совхозе открылся кафе-ресторан, где рабочий может по доступной для него цене выпить чашку кофе, закусь, почитать газеты, журналы, послушать музыку. Кроме того многие рабочие совхоза имеют свое личное подсобное хозяйство: коров, телок, свиней, кур, огороды. Уровень жизни рабочих совхозов ни в какое сравнение нельзя ставить с жалким уровнем жизни батраков, эксплуатировавшихся кулачеством и помещиками. Имеются в совхозе детские ясли, медицинское обслуживание, происходит культурный рост рабочих. Но эта сторона дела слабо описана в книге. Упущением авторов является игнорирование показа материально-бытового положения специалистов и руководящих работников совхоза. Большим достижением черепановцев является сравнительно небольшая текучесть рабочих совхоза, что конечно нельзя не ставить в прямую зависимость от материально-культурного уровня жизни рабочих в совхозе.

Совершенно исключительным и оригинальным в практике совхоза является перевод стада с резко сезонных отелов на относительно равномерные в течение всего года. Эта проблема является новой, и постановка ее авторами в монографии повышает научное значение книги. Опыт в совхозе еще небольшой—двухгодичный, в мировой научной литературе эта проблема не получила разрешения. Авторы правильно делают, проявляя осторожность в выводах и практических рекомендациях. Они приходят к выводу, что Черепановский маслосовхоз, «разгрузив весенние месяцы от массовых отелов и передвинув их на лето и зиму, несомненно выиграл в общей молочной продуктивности» (стр. 75). Перевод стада на равномерные отелы устраняет сезонность производства молока, что ведет к более равномерной нагрузке доярок и более равномерной загрузке молоко перерабатывающих предприятий, к более рациональному использованию транспорта и т. д. Организация круглогодичных отелов ведет к более рациональному использованию племенных быков-производителей, к устранению сезонности случайной работы (черепановцы добились 180 покрытий каждым быком в год), к более рациональному использованию помещения для новорожденных телят, к более равномерной нагрузке телятниц. Черепановцы поторопились с переводом на равномерный отел, решили провести его в два года, большинство коров крылось на четвертом, пятом, шестом месяце после отела: Это привело совхоз к 26% яловости коров в 1933 г. Чтобы избежать столь крупных дефектов, допущенных Черепановским совхозом, авторы рекомендуют переводить на равномерный отел «путем соответствующего регулирования отелов первотелок, и это является основным и

главным способом перевода на равномерный отел. По возможности необходимо шире использовать покрытия коров в первые течки» (стр. 83). Книга предлагает серьезно подготовиться и по части коров, прежде чем переводить скот на равномерные отелы.

К недостаткам книги надо отнести: слабое освещение вопросов внедрения хозрасчета, очень поверхностное описание вопросов себестоимости и борьбы за рентабельность совхоза. Постановка учета во всем совхозе тоже не получила должного освещения, затронуты, и то лишь частично, вопросы только первичного производственного учета. Вопросы финансового хозяйства совхоза даже не поставлены в монографии, так же как и вопросы воспроизводства и накопления. Для экономической работы это является крупным дефектом. Слабо использован метод сравнения, сопоставления и противопоставления организации крупного последовательно-социалистического типа сельскохозяйственного предприятия крупному же, но капиталистического типа сельскохозяйственному предприятию. Такое противопоставление несомненно ярко показало бы огромные преимущества совхозов перед крупными капиталистическими предприятиями. Партия, исходя из марксистско-ленинской теории, блестяще осуществила социалистическую реконструкцию сельского хозяйства, организовала крупные передовые совхозы и колхозы, на деле доказав несостоятельность и контрреволюционность теории «устойчивости» мелкого хозяйства. Наши совхозы и колхозы имеют колоссальные достижения по сравнению с единоличными хозяйствами. Авторам следовало бы в большей степени, чем это сделано в монографии, приводить сравнения с единоличным крестьянским хозяйством, оттеняя преимущества перед ним крупных социалистических хозяйств. В качестве заключительной главы следовало бы обрисовать перспективы развития совхоза.

Монография в целом—положительное явление в нашей небогатой научной аграрно-экономической литературе. В ней поднят ряд новых проблем, впервые так подробно описано крупное животноводческое хозяйство, показаны методы хозяйствования и люди, строящие социализм в деревне. Хотя в книге нет специальной главы, посвященной кадрам, но почти каждая глава затрагивает эту проблему, памятью лозунг вождя партии—«Кадры решают все». Книга иллюстрируется в общем удачными фотоснимками.

Монографию с интересом прочтут руководящие работники, связанные с сельским хозяйством, работники совхозов и колхозов, учащиеся сельхозвузов, преподаватели и научные работники—аграрники и экономисты.

W. Sombart, Deutscher Sozialismus, Berlin, 1934 г., стр. 347.

Идеологи умирающего капитализма цепляются за прошлое. В нем они пытаются найти идейное вдохновение для своего нового фашистско-мистического дурмана. Однако нельзя отождествлять современную империалистическую реакцию, возглавляемую финансовой олигархией монополистического капитала, с реакцией умирающего феодализма. Две разные эпохи истории имеют совершенно различные отношения к л а с с о в, совершенно различные перспективы, которые в современном обществе определяются борьбой пролетариата за свою д и к т а т у р у.

И если тени мертвого вдохновляют жизнь идеологов германского фашизма, то только потому, что буржуазия, ставшая во главе всех реакционных сил современного общества, находит свой «внеисторический», «вечный», «абсолютный» реакционный дух в историческом прошлом других умирающих классов.

Новый «идеологический мундир» «прусского духа» есть фашизм. В частности весьма многие тайные советники от политической экономии, как «истинные пруссаки» стали истинными фашистами. Но защищать «новый прусский дух» приходится в исключительных условиях.

Пропаганда фашистского террора под маской «органического единства» немецкой нации, прославление борьбы против СССР во имя «нового равновесия» в «немецком хозяйстве», провозглашение идеи передела мира во имя объединения всех «мыслящих по-немецки»—такова программа «немецкого социализма»:

«Немецкий социализм» (Deutscher Sozialismus) имеет много вариантов. Это объясняется некоторыми противоречиями в лагере буржуазии и между буржуазией и мелкой буржуазией. Однако «немецкий социализм» во всех своих вариациях откровенно провозглашает своей программой борьбу против марксизма и лозунг «все для Германии» (Alles für Deutschland). Рассмотрим тот вариант «немецкого социализма», который дает нам Вернер Зомбарт.

«Для меня,—говорит Зомбарт,—немецкий социализм означает то же самое, что социализм для Германии, это значит—социализм, который всецело и исключительно имеет значение для Германии и причем для Германии наших дней»¹.

Вернер Зомбарт начинает с новой классификации истории. Оказывается, что история человечества имеет два источника развития: один источник—сатана, другой—бог. Период господства капитализма Зомбарт квалифицирует как период господства сил дьявола. Этот период начинается с эпохи Французской революции. Зомбарт пишет: «Только тот, кто верил в силы дьявола, может понять, что случилось в Западной Европе и Америке за последние 150 лет. И только как злодеяния дьявола может быть обозначено то, что мы переживаем»².

Весь период истории капитализма со времени Французской революции Зомбарт объявляет эпохой хаотических злодеяний дьявола. Необходимо понять, что этот горячий бред имеет своей основой ненависть к тем грозным силам, которые развились в экономике, политике и в идеологии против буржуазного общества, т. е. к классовой борьбе пролетариата.

¹ «Deutscher Sozialismus», стр. 121.

² Там же.

Перед буржуазными идеологами стоит задача объяснить, как спастись от противоречий между общественным характером производства и частнокапиталистическим характером присвоения, как обуздать огромные производительные силы, которые явно переросли капиталистические рамки, как уничтожить пролетарский социализм — эту величайшую угрозу современному капитализму, как спастись от пролетаризации мелкобуржуазных масс. Именно резко обострившиеся противоречия капиталистического общества вызывают идеологию, которая пытается возвести в закон существования немецких трудящихся масс «необходимость» деспотии монополистического капитала в форме государства, нации, расы, «немецкого социализма». Зомбарт ищет идейного вдохновения для своей «теории» спасения буржуазии эпохи общего кризиса капитализма в ночных призраках мракобесия докапиталистических эпох. Желая миновать Сциллу и Харибду противоречий, раздирающих капитализм, Зомбарт предлагает заменить слово «капитализм» «новым словом» «*Oekonomischer Zeitalter*»¹ и таким образом избавить «будущее капитализма» от его собственных² противоречий настоящего времени. «Новое слово» ставит границу старой эпохе. Чтобы окончательно разделиться с эпохой «старого капитализма» и для обоснования фашистского «немецкого социализма» Зомбарт прежде всего обрушивается против «неприемлемых идей» из старой эпохи «*Oekonomischer Zeitalter*».

На первом месте стоит борьба с марксизмом. В борьбе с последним Зомбарт целиком стоит на фашистских позициях, поэтому всю свою «новую» фашистскую философию истории он начинает борьбой против марксизма. Чтобы придать варварству фашистов «культурный вид», Зомбарт подчеркивает в начале своей книги важность теории и необходимость некоторых оттенков в мнениях. Затем он приступает к одному из основных вопросов — к характеристике экономического содержания эпохи. Прежде всего он высказывается против мнения Маркса, «что во всех эпохах были классы». Это верно только для эпохи так называемого им «*Oekonomischer Zeitalter*», а сейчас в гитлеровском государстве якобы «уже классов нет».

Эпоха «*Oekonomischer Zeitalter*», по Зомбарту, «критическая, разрушительная, неверующая». Зомбарт неистовствует против пролетарской революции, именно опасность этой революции представляет в его глазах основную отрицательную черту «современной эпохи». Главное зло всей этой эпохи Зомбарт видит в потере веры в бога. «Самый тяжелый удар, который может случиться с человеком — это разрушение его веры в бога»³. Отсюда вывод: человеческая жизнь «современной эпохи» стала бессмысленной (стр. 41), тем более что ее господствующей философией являются «материализм, натурализм» и т. д.

Скептицизм Зомбарта порожден теми величайшими противоречиями, которые раздирают фашистскую Германию. «Критические, разрушительные» силы растут, зреет в массах идея штурма, готовность к окончательной борьбе с фашизмом, а фашистский мистик ищет спасения от всех классовых и национальных противоречий у своего боженьки.

Противоречия самому себе, он то объявляет, что марксизм «фаталистичен», то утверждает, что Маркс стоял на точке зрения «социального эволюционизма»⁴. Зомбарт утверждает, что, по Марксу, «будущее хозяйство» (т. е. социализм: — И. П.) развивается в лоне капиталистического хозяйства» (стр. 100).

В области экономической Зомбарт видит основной недостаток эпохи в том, что «богатство сделало нас рабами наших потребностей» (стр. 39). Эта новая философия богатства направлена опять-таки против рабочего класса, ибо «основные цен-

¹ Если перевести на человеческий язык его фразеологию, она означает, что в старой экономической эпохе хозяйство господствовало над духом, а в будущем «божьей милостью» прусский дух должен быть единственным творцом predetermined истории.

² «*Deutsche Sozialismus*», стр. 32.

³ Там же, стр. 97, 98.

ности пролетариата (Proletismus) — это богатство, знание, техника, равенство, свобода для массы». Зомбарт, продолжая реакционную линию Шпенглеров и К⁰, особенно обрушивается против «прогрессомании», «техномании», характерных для «*Oekonomischer Zeitalter*». Приводя ряд фактических данных о росте потребности мирового хозяйства в железе, угле, о длине железных дорог, о росте технических изобретений, он делает вывод, что рост производительных сил ведет к пагубным «интернационализму» и «империализму». Марксизм Зомбарт обвиняет в том, что он абсолютирует законы прогресса, ибо Маркс требует величайшего развития производительных сил общества (стр. 84), а, по Зомбарту, «вера в прогресс есть миф» (стр. 107).

Зомбарт указывает, что и СССР (который Зомбарт, как и все фашисты, называет Россией) «в смысле культурном идет не по стопам старой России, а по стопам духа, характерного для «*Oekonomischer Zeitalter*» (стр. 43).

Свою положительную программу в области экономической Зомбарт формулирует следующим образом: необходимо внести жесткую регламентацию в развитие производительных сил, ограничить «стремление масс к цивилизации»¹, а главное освободиться от веры в «беспощадный прогресс». В этом наш автор видит «истинное спасение» от противоречий между современным уровнем развития производительных сил и «немецким социализмом», т. е. «социализмом» монополистического капитализма.

Фашистские идеологи придают исключительное значение внедрению нового прусского духа. Зомбарт пишет: «Естественный религиозный старый прусский идеалистический дух еще не исчез на земле в это время, но другие духовные идеи так называемого «*Oekonomischer Zeitalter*» его подменили» (стр. 42). Отсюда — необходимо очистить старый прусский дух от других идей. Затхлый, мистицизированный немецкий дух объявляется «демиургом человеческого мира» и противопоставляется материализму как «философии для незнаек». Зомбарт отмечает, что вообще существуют три основных направления социализма, которые борются между собой: «марксистский социализм», «католический социализм» и «немецкий социализм» (стр. 80).

«Марксистское понимание социализма очень узко», ибо оно связано с освобождением только пролетариата. Марксизм зародился в эпоху «*Oekonomischer Zeitalter*»² и связан главным образом с чартизмом. «Чартизм — ось марксистского социализма» (стр. 83). Зомбарт обвиняет марксизм в интернационализме. Верно, что интересы пролетариата интернациональны, но пролетариат осуществляет свои интернациональные интересы прежде всего борьбой со своей национальной буржуазией. «Вместе с антагонизмом классов внутри нации падут и враждебные отношения наций между собой»³. Этого и боятся представители так называемого «немецкого социализма», которые противопоставляют национализм буржуазного господства над пролетариатом коммунистическому интернационализму.

Марксистскую экономическую теорию Зомбарт «критикует» в духе самой пошлой и поверхностной вульгарной экономии. От теории стоимости и прибавочной стоимости Маркса он отделяется фразой о том, что эти понятия противоречивы и потому они не подлежат критике. «Критическому» же разбору он подвергает только марксову теорию концентрации, которая рассматривается им вне связи с теорией прибавочной стоимости. И здесь Зомбарт повторяет уже давно известные

¹ Последнее вызывается целым рядом мотивов: ростом революционного сознания рабочего класса, перепроизводством «культурных» представителей и т. д. Так, Зомбарт отмечает, что в Америке имеется огромное перепроизводство «социологов».

² Теперь еще более понятна неистовая борьба Зомбарта против этой эпохи, названной им «*Oekonomischer Zeitalter*», эпохи, в которой зародился марксизм и вырос могучий революционный могильщик капитализма — пролетариат.

³ Маркс и Энгельс, Соч., т. V, стр. 500.

«критические аргументы» оппортунистов и фашистов против марксовой теории концентрации производства и капитала. Он утверждает, что с ростом концентрации производства благодаря акционированию происходит так называемая «демократизация» капитала, в сельском же хозяйстве эта концентрация не наблюдается. Наш собиратель «критических идей» против марксизма неспособен конкурировать в «изобретательности» с каким-нибудь Дитрихом Клагессом. Старый сикофант вульгарной экономии не в состоянии выдумать ничего нового. В борьбе против марксизма Зомбарт надеется найти спасение от пролетарского социализма.

Спасение от пролетаризации мелкобуржуазных масс он видит в сохранении *Mittelstand'a*. Это сохранение *Mittelstand'a* у Зомбарта имеет большое значение. Он понимает, что угроза капитализму идет со стороны пролетариата, поэтому он против урбанизации и за повышение удельного веса деревни. Он предлагает вернуться к такому соотношению между промышленностью и сельским хозяйством, которое имело место в середине XVIII столетия. Уменьшить удельный вес пролетариата, уменьшить его значимость в современном обществе, установить автаркию — вот идеал хозяйства «немецкого социализма». Для этого необходимо конечно прежде всего создать великую немецкую хозяйственную систему («*Grossraumwirtschaft*») посредством захвата земель на востоке, т. е. в СССР. *Drang nach Osten* — идеал зомбартовского варианта «немецкого социализма». Но эти особенности проектируемого фашистского хозяйства не исчерпываются. Зомбарт давно уже носит с «идеей» автаркии «немецкого хозяйства», основанного на монополистической промышленности в городе и кулацком хозяйстве в деревне. Идея такого плюрализма имеет еще то значение, что она направлена против «монизма» марксистов, т. е. против создания единого социалистического хозяйства в СССР. «Монизм есть утопия». Реально создающийся в СССР единый социалистический способ производства есть, по Зомбарту, утопия. Он за сожительство капитализма с мелкобуржуазными хозяйственными формами, особенно в деревне, это его *idée fixe*. Но так как экономические противоречия буржуазного способа производства ведут к тому, что мелкая буржуазия дифференцируется, пролетаризируется, то Зомбарт предлагает принять различные «государственные» меры к сохранению *Mittelstand'a* и к оздоровлению немецкой нации путем развития и укрепления крестьянства и сокращения огромных масс пролетариата. Пролетариат, по Зомбарту, нужно подчинить идеологии «немецкого социализма», которая требует беспрекословного подчинения монополистическому капиталу.

В Германии фашистские идеологи выдвигают, в зависимости от обстоятельств, то аристократический, то мнимомелкобуржуазный вариант «немецкого социализма». Для первого характерно признание только аристократии монополистического капитала и юнкерства в качестве «оздоравливающей» и «спасительной» силы современного общества. Эти идеологи ненавидят массы совершенно открыто. Идеология их представлена Шпенглерами и К⁰. Шпенглеры, пренебрегая официальной фашистской демагогией, требуют создания «сильной расы», направленной против рабочего класса и СССР. Признаком расовости для них является вооруженная, непрерывно действующая против масс аристократическая террористическая контрреволюция. «Цезаризм будущего будет держаться за власть, только за государство» (стр. 134).

Зомбарт целиком разделяет взгляд Шпенглера в вопросе о руководящей роли аристократии в иерархическом правопорядке «немецкого социализма». Но он за создание под руководством этой аристократии финансового капитала и юнкерства широкого антипролетарского фронта, куда должна быть включена и мелкая буржуазия. Наряду с консервацией крупной капиталистической частной собственности он требует консервации частной собственности мелкой буржуазии. А как ее сохранить? — Путем «планирования». Буржуазная спекуляция

на «планировании» говорит о той громадной популярности, которой пользуется наше народнохозяйственное планирование среди широких масс немецкого трудящегося народа. Пятилетки стали символом подъема, роста хозяйства, отсутствия нищеты, пауперизации и кризисов, ликвидации безработицы и т. д. Планирование, пишет Зомбарт, «не означает уничтожения частного хозяйства». Своей демагогией по части «планирования» буржуазные спекулянты хотят обмануть массы, стремящиеся к действительной организации планирования. И мелкую буржуазию можно обмануть лишь временно лживыми фразами о сохранении частной собственности *Mittelstand'a* и «планировании» его хозяйственного «обогашения».

Мы не будем останавливаться на характеристике расовых и национальных взглядов Зомбарта. У него здесь безусловно есть некоторые «оттенки мнений», отличающиеся от официальных версий Розенберга и К^о. Чего стоит уже одно заявление Зомбарта, что и еврей может мыслить «по-немецки», а вот такой «чистокровный ариец, как Энгельс», совсем, оказывается, не мыслит «по-немецки». Дело все в прусском духе. Но в основных вопросах — вопросах государства, возрождения прусского духа, нации, «уничтожения» классовой борьбы, уничтожения «равенства» и т. д. и т. п. — во всем этом Зомбарт целиком укладывается в официальную «идеологию» фашизма.

В чем состоит главный признак «немецкого социализма»? По Зомбарту, «немецкий социализм» тотален (*er ist totalistisch*). Его «ценностная иерархия» заключается в «духовности, героике и всесторонности». «Полная всесторонность этой иерархии ценности дается государством». Государство оказывается было вечно, как старо само человечество (стр. 72). Политическое соединение нации предстало богом. «Государства не возникают», «они вечно существуют». В качестве источников этого величайшего открытия приводятся Адам Мюллер и Фрайер фон Штейн. Государство — это *Einheit* (единство), *Ganzheit* — это нация. Следовательно «действительным представителем наций является государство».

Зомбарт стоит за «социализм абсолютный, тотальный и всеобщий». Рассмотрим, что вкладывает он в эти понятия. Социализм оказывается вечен. Но до сих пор он не был «всеобщим», а вот тот «немецкий социализм», который проповедуется Вернером Зомбартом, будет «всеобщим». Он будет и «абсолютным», ибо Зомбарт предсказывает ему вечное существование. Суть социализма состоит в «порядке», в законности. «Социализм есть социальный нормативизм» (стр. 60). Примеры «социалистического» нормативизма — надписи, призывающие к немецкой аккуратности: «Не курить», «Собак не водить». Отсюда вывод: «Социализм имеет место во всех обществах». Зомбарт дает следующее определение социального нормативизма: «Под этим я понимаю такое состояние общественной жизни, при котором поведение индивида основано на нравственных нормах, которое благодаря первоначальному разуму, коренящемуся в политической общительности, находит свое выражение в нормах» (подчеркнуто Зомбартом, стр. 60). Свое понимание «нормативизма» как «антикапитализма», Зомбарт развивал еще в своем старом труде «Современный капитализм» и повторяет в своей новой книге «*Deutscher Sozialismus*». Словечко «нормативизм» названо «антикапитализмом» с целью уложить в прокрустово ложе законов фашистского государства все «нормы поведения» трудящихся масс Германии.

Чем же регулируются эти нормы? Кто их регулирует? Двумя основами этого «социального нормативизма» являются *Gebote* и *Verbote* фашистского государства, т. е. приказы или «дозволенное» и «запрещенное» деспотией фашистской диктатуры. На этой основе «нормативного социализма» покоится фашистская «свобода» господина Зомбарта. Есть еще свобода, не регулируемая законом, которая заключается например в том, что «каждый может спать на спине или на боку», «может кушать пищу в холодном или горячем виде» (стр. 62).

«Органический, морфологический» «немецкий социализм» точно определяет, что поведение пролетариата должно быть деспотически регламентировано полицейско-солдатским, казарменным порядком «приказов и запрещений». Всякая политическая свобода — это презренный «либерализм», это большевистская теория классовой борьбы. «Немецкий социализм» против истинной свободы, сводящейся к борьбе за диктатуру пролетариата, за уничтожение классов, за создание коммунистического общества. «Немецкий социализм» за сохранение господства буржуазии, которая под маской «немецкого социализма» выдает свои интересы за интересы всей нации, которая свое классовое господство в форме террористической диктатуры объявляет «ценной иерархией» немецкого государства, якобы не признающего классов, основанного на интересах «всей нации». Но прошло то время, когда «камарилья, юнкерство, бюрократия и вся реакция в форме и без оной торжествуют, что глупый народ наконец снова загнан в стойло «христианско-германского государства»¹.

«Немецкий социализм» — это неопрусский дух. Для современной Пруссии уже не характерно то, что было присуще Пруссии начала XIX столетия. Прусская буржуазия, вернее монополистический капитал Германии, развивает сейчас бешеную борьбу за возрождение «великой Германии». Фашистские грабительские планы возрождения «Священной Римской империи» со включением в нее ряда восточных провинций — это пруссачество послевоенной эпохи. И Зомбарт прикрывается старыми баснями о «лойяльности», «авторитете», «легальности», которые якобы являются врожденными чертами немецкого народа. Зомбарт патетически восклицает: «Бисмарк не Наполеон! Гитлер не Муссолини! Мы являемся народом легальности, лойяльности и авторитета» (стр. 144). По Зомбарту, империалистическая агрессия есть выражение лойяльности и утверждение авторитета. Свой цинизм холопа капитала, свою лойяльность Зомбарт выражает хотя бы в том, что он недоволен образованием после войны «мелких наций», которые по плану «Grossraumwirtschaft» должны быть подчинены Германии.

Такова «теоретическая» и политическая платформа «немецкого социализма» в том варианте, который сформулирован Вернером Зомбартом. О своей книге он сам говорит, что она не столько выражает его теоретические, сколько политические взгляды.

Эволюция Зомбарта не представляет резких переходов от одних классовых позиций к другим. Зомбарт всегда был на стороне господствующей идеологии, господствующей олигархии финансового капитала. И если в его многочисленных писаниях отражены противоречивые зигзаги германской буржуазии, то и это во всяком случае вина хозяев.

Зомбарт выступил в 90-х годах как представитель либерально-«исторического» и «социологического» направления в политической экономии. Одно время он даже называл себя учеником Маркса, и действительно, если в его старых работах по конкретному анализу современного капитализма есть что-либо ценное, то это им позаимствовано у Маркса. Дальше либерально-буржуазного, прусско-феодального социал-реформаторства по отношению к рабочему движению он никогда не шел. Как только в Германии начались великие битвы пролетариата за коммунизм, Зомбарт всецело отдает себя на службу реакции, антисемитизма, шовинизма и фашизма. Об этом свидетельствуют его «Proletarischer Sozialismus» и «Deutscher Sozialismus», выпущенные на защиту контрреволюции.

Монополистический капитал призвал сейчас к власти фашистов и Зомбарт «обещает» увековечить эту форму буржуазной деспотии. В этом суть его книги, направленной против марксизма, за «национал-социализм».

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. VII, стр. 47.

**ПО НЕДОСМОТРУ РЕДАКЦИИ И ТИПОГРАФИИ
ВКРАЛИСЬ НИЖЕСЛЕДУЮЩИЕ ОПЕЧАТКИ:**

<i>Стр.</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Следует читать</i>
22	2 сверху	млн.	тыс.
»	3 »	млрд.	млн.
23	27 »	тыс. <i>т</i>	млн. <i>ц</i>
»	25 снизу	121	около 130
»	23 »	18—19 тыс. <i>т</i>	21—22 млн. <i>ц</i>
126	19-ю строку снизу следует читать: Обнищение итальянского пролетариата прогрессирует усиленным		

ОГИЗ—ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗД-ВО

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ**

МИРОВОЕ ХОЗЯЙСТВО И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

Ответств. редактор Е. ВАРГА

**НАУЧНО - ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ЖУРНАЛ ИНСТИТУТА МИРОВОГО
ХОЗЯЙСТВА И МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ**

ЖУРНАЛ ДАЕТ:

марксистское освещение актуальных вопросов мирового хозяйства и мировой политики, теоретические статьи по вопросам мирового хозяйства, обзоры политики и хозяйства главных стран.

ОТДЕЛЫ ЖУРНАЛА:

Статьи. Обзоры. Конъюнктура мирового хозяйства. Критика и библиография. Аннотация иностранных книг;

ЖУРНАЛ РАССЧИТАН:

на научных работников, журналистов, вузовцев, пропагандистов, руководителей кружков и т. д.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на 12 мес. — 24 руб.

» 6 » — 12 »

» 3 » — 6 »

12 номеров в год

Цена отдельного номера 2 руб.

Год издания 10-й

3 рубля

ОГИЗ—Государственное социально-экономическое изд-во

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1936 г.
НА ДВУХМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

ГОД
ИЗДАНИЯ
8-й

О Р Г А Н
ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ
КО МА КА ДЕ МИ И
Отв. редактор Г. И. НРУМИН

6
НОМЕРОВ
В ГОД

ЖУРНАЛ ДАЕТ:

марксистско-ленинское освещение строительства социалистической экономики, теории советского хозяйства, методологии и истории экономических наук, проблем современного капитализма, истории народного хозяйства СССР.

ЖУРНАЛ РАССЧИТАН:

на научных работников, преподавателей вузов, вузовцев, партийный актив, руководящих работников экономических органов и т. д.

У С Л О В И Я П О Д П И С К И:
на 12 мес. — 12 руб.
» 6 » 6 »
Цена отдельного номера 2 рубля

Подписка принимается во всех отделениях, магазинах и киосках Книготоргового объединения государственных издательств и его уполномоченными, всюду на почте и письмомосцами.